

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
САРАТОВСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

САРАТОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ОРДЕНА ЖУКОВА КРАСНОЗНАМЁННЫЙ
ИНСТИТУТ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РФ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОВОЛЖЬЕ

Сборник научных трудов

Выпуск 11

Саратов 2017

ББК 63.3 я 43 В63
УДК [930.9 + 355.48] (082)
В63

Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. – Саратов, 2017. – Вып. 11. – 110 с.

В одиннадцатом выпуске сборника публикуются статьи по актуальным проблемам отечественной военной истории. Освещаются военная политика государств и роль армии в обществе, отдельные сюжеты из истории войн и сражений, военные взгляды деятелей политики, науки и культуры, подготовка военных кадров и др.

Для специалистов в области всеобщей и отечественной военной истории, учителей, студентов, курсантов и слушателей военно-учебных заведений, всех интересующихся военной проблематикой.

Редакционная коллегия:

докт. ист. наук, проф. А. А. Герман (отв. редактор), докт. ист. наук, проф. В. Н. Данилов, канд. пед. наук, доцент А. В. Евстифеев, докт. ист. наук, проф. А. В. Посадский, канд. ист. наук, доц. А. А. Симонов (отв. секретарь).

Под общей редакцией кандидата педагогических наук,
доцента генерал-майора С. Д. Мухоед

ББК 63.3 я 43

УДК [930.9 + 355.48] (082)

ISSN 1819-3145

© Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, 2017
© Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии РФ, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

<i>А. В. Ганин.</i> Пражский кружок по изучению Первой мировой войны	4
<i>А. А. Симонов.</i> Немцы Поволжья – красногвардейцы и добровольцы Красной армии в 1918 году.....	22
<i>С. К. Простнев.</i> Одиссея полковника Сулова	27
<i>А. О. Булгаков.</i> По местам боев Гражданской: первые результаты экспедиционной деятельности	30
<i>А. П. Сидоровичев, Н. А. Карташёва.</i> Ещё раз о героях-саратовцах.....	37
<i>Н. В. Цера.</i> Опыт борьбы с повстанческим движением в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине (1939–1956 гг.).....	51

ПОВСТАНЦЫ И ПАРТИЗАНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

<i>С. М. Боган.</i> Очерк антибольшевистского повстанческого движения на Киевщине в 1921 году	58
<i>Д. П. Иванов.</i> Почему повстанцы проигрывают?.....	61
<i>М. Г. Ситников.</i> Воспоминания С. А. Окулова	72
<i>А. П. Шекшеев.</i> «Дубинная война» на юге Енисейской губернии.....	79
<i>В. Г. Яценко.</i> Противостояние между коммунарами и инсургентами в Еланском уезде Саратовской губернии в 1921–1923 годах.....	101

НАШИ АВТОРЫ	110
--------------------------	-----

ИЗ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ РОССИИ

А. В. Ганин

ПРАЖСКИЙ КРУЖОК ПО ИЗУЧЕНИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

С окончанием в ноябре 1920 г. Гражданской войны в России десятки тысяч людей не могли остаться на родине. Многие из них были представителями высокообразованных слоев населения. Эмиграция коснулась и военной элиты страны, прежде всего, выпускников Николаевской военной академии – офицеров Генерального штаба. В силу географической и культурно-языковой близости многие беженцы отправились в славянские страны, в том числе в Чехословакию, где властями для поддержки эмигрантов с 1921 г. была организована «Русская акция» помощи, направленная в том числе на поддержку русской науки.

По данным на 1924 г. здесь находились уже 23 русских генштабиста¹, и их численность продолжала возрастать. Генштабисты были основными проводниками военной науки в русской армии. Причем в эмиграции они пытались сохранить и приумножить свои военно-научные и военно-исторические познания. Значимым для изгнанников стало осмысление опыта Первой мировой и Гражданской войн, в результате которых они покинули родину.

Попытки коллективного изучения этих вопросов приводили к появлению различных военно-научных организаций эмигрантов. Одной из них был пражский кружок по изучению Первой мировой войны, функционировавший при Русском народном университете в Праге в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Попытке реконструировать на основе сохранившихся архивных документов непростую историю этой ныне забытой организации, показать ее роль и место в военно-научном мире Русского Зарубежья, значение для Чехословакии и посвящен данный очерк.

В 1920-е гг. в среде русской военной эмиграции получили широкое распространение идеи военного самообразования в целях поддержания знаний офицеров на случай возможного возобновления борьбы с большевиками. Признанным авторитетом в деле организации военного самообразования русских эмигрантов был генерал Н.Н. Головин, организовавший в Париже высшие военно-научные курсы. В других центрах русской военной эмиграции также были популярны аналогичные идеи и тоже возникали организации, направленные на повышение военных знаний или на осмысление боевого опыта. Одним из таких центров была Прага.

Конец 1920-х – начало 1930-х гг. стал временем расцвета военной науки в эмиграции. Кружок ревнителей военных знаний, именовавшийся также кружком по изучению мировой войны, возник в Праге при Русском народном университете.

* Исследование осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 14-31-01258а2 «Русский офицерский корпус на изломе эпох (1914–1922 гг.)».

¹ Подсчитано по: Ганин А. В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг.: Справочные материалы. М., 2009. С. 720–745, 772–780.

Стимулом для его возникновения стали пользовавшиеся большим успехом публичные лекции бывшего профессора Николаевской военной академии генерала М. А. Иностранцева о мировой войне. Комитет слушателей Русского народного университета 20 мая 1927 г. ходатайствовал перед ректором профессором М. М. Новиковым (бывшим ректором Московского университета) об учреждении кружка для изучения войн, веденных Россией за освобождение славян и других народов, для изучения участия России в мировой войне и изучения современного состояния военного дела, военной науки и техники¹. Согласие ректора была получено.

Участники кружка просили М. А. Иностранцева стать руководителем организации, на что он дал согласие². В письме своему другу Е. Н. Шевелеву Иностранцев отметил: «Я на себя взял историю мировой войны и химическую войну, подобрал лекторов для других предметов и практических занятий, и у нас здесь с сентября месяца получится как бы маленькая академия Генерального штаба, каковой ректором являюсь я»³. Разумеется, подобные перспективы льстили самолюбию генерала, так и не ставшего начальником Военной академии в России.

4 июня 1927 г. Иностранцев писал генералу Н. Н. Головину в Париж: «Дорогой Николай Николаевич,

Очень прошу тебя простить меня за продолжительное молчание, но мне хотелось написать тебе, когда более или менее ясно выяснится картина занятий с офицерами здесь. Теперь, когда сезон окончен, это состоялось, и я могу поделиться с тобою моими впечатлениями и намерениями на будущий год.

Как я тебе сообщил уже и просил сообщить и В.В. Чернавину, и я и [П. Ф.] Рябиков в этом году решили лишь присмотреться к занятиям, войти в их курс и уже с будущего года принять в них непосредственное участие. Мы посетили несколько занятий, веденных Чернавиным, ознакомились с контингентом обучающихся, а я, кроме того, присмотрелся и к запросам самой молодежи. В течение года я прочел в здешнем народном университете две лекции об окончании Мировой войны (так называемое сражение Фоша) и был приглашен университетом прочесть лекцию о русско-турецкой войне 77–78 гг. по поводу ее пятидесятилетнего юбилея. Народу на эти лекции привалила тьма, хотя пессимисты и пугали меня, что темы эти не привлекут внимания, что русская молодежь будто бы совсем обмирнела и военными знаниями не интересуется. К счастью, это оказалось вздором, и успех лекций моих, повторяю, был для народного университета небывалым. Что это так, покажет тебе и дальнейшее. Непосредственным результатом моих лекций было то, что ко мне явился председатель слушателей университета полковник Бигаев (бывший на Кавказе начальником конвоя вел. кн. Николая Николаевича) и сообщил мне следующее. Группа слушателей (военных) университета выразила желание правильной организации военных занятий и сообщила об этом

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7. Л. 167.

² Иностранцев Михаил Александрович (26.07.1872-05.12.1938) – из дворян, сын известного ученого, члена-корреспондента Академии наук, профессора Санкт-Петербургского университета. Окончил Санкт-Петербургскую Ларинскую классическую гимназию, выдержал экзамен при 2-м военном Константиновском училище, окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1901). Генерал-майор. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 67-й пехотной дивизии (с 1914). Командир 8-го Финляндского стрелкового полка (с 1915). Генерал для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений (с 1916). Ординарный профессор Николаевской военной академии (с 1917). Участник Белого движения на Востоке России. Генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (Омск, 1919). Военный историк. В эмиграции – в Чехословакии. Умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 66. Л. 2.

ректору университета проф. Новикову. Последний выразил полное свое согласие на это и предложил в руководители этих курсов меня, между тем, Бигаев и явился с просьбой, чтобы руководителем кружка был я. Таким образом, желания совпали, и выбор пал на меня. Тогда я после совещания с Бигаевым решил принять на себя руководство в этом кружке ревнителей военных знаний при народном университете и постарался выяснить от него запросы самих желающих в него записаться. Оказалось, что будущие слушатели желают следующего. Прежде всего, они хотели бы, чтобы им в течение грядущего сезона был прочитан ряд лекций-очерков Мировой войны в виде наиболее характерных операций. Это при их полном сочувствии я и решил взять на себя. Во-вторых, им в высшей степени желательно ознакомление с существующими военными доктринами: французской и немецкой. Для этого я рассудил пригласить Виктора Васильевича [Чернавина], как уже знакомого с курсом Лемуана, но только это придется сделать не в виде чтения, совместно со слушателями, как это делалось раньше, книги Лемуана, а в виде опять-таки ряда лекций, в которых Чернавин даст им резюме упомянутой книги. Я говорил уже об этом с ним, и он выразил полное свое согласие. В-третьих, будущие слушатели выразили общее желание ознакомиться с теми новинками техники, которые завоевали себе видное место в Мировую войну и, несомненно, будут иметь широкое применение в будущем, как то: химическая война, авиация, танки и т. д. Придется тоже дать ряд лекций по этим вопросам. Здесь придется, вероятно, разделить труд всем нам трем. Я, как уже начавший немного заниматься химической войной, думаю взять это тоже на себя (две – три лекции), авиацию хочет взять Рябиков (как уже имевший с нею дело по должностям начальника разведывательного отделения) и, наконец, танки предложил взять на себя, опять-таки Чернавин. Наконец, в-четвертых, практические занятия придется вести всем нам троим, причем на совместном предварительном разговоре мы решили взять тот метод, о котором ты писал в одном из твоих циркулярных писем, т. е. метод военно-исторический как более заинтересовывающий, а именно, беря какой-нибудь корпус в Восточной Пруссии в 1914 г., разработать его операцию при существовавшей обстановке. Должен оговориться, что все, что я тебе пишу, пока представляет лишь набросок или скелет, и подробности последуют далее, по выяснении и контингента слушателей и других данных.

Мне думается, что подобная организация нисколько не противоречит твоим планам и начинаниям, так как, сколько мне известно, ты отнюдь не собирался противодействовать инициативе на местах. Быть при народном университете – кружком ревнителей военных знаний, по моему крайнему убеждению, является не только не минусом, а скорее плюсом. Во-первых, это безопаснее с точки зрения политической, т. к. чехи ко всяким русским организациям, а особенно военным, в силу условий их политики, относятся с опаской, между тем как народный университет пользуется у них полным доверием и сочувствием. Во-вторых, связываясь с ним, мы получаем прекрасное даровое помещение в центре города, нам не надо расклеивать объявлений и плакатов, т. к. все это будет делать университет. Более того, чертежи и планы для лекций (требующие и времени и денег) нам будут изготовляться, опять-таки, чертежниками университета безвозмездно. Наконец, ты здесь, может быть, улыбнешься, но связь с университетом имеет и некоторое тщеславное значение для молодежи, как сообщил мне Бигаев. Дело в том, что университет по всем своим факультетам, оканчивающим в нем курс, выдает соответствующие аттестаты за государственную печатью. Такой же порядок распространится и на наш, как бы военный, факультет, и это даст, хотя и не имеющую практического значения, но удовлетворяющую самолюбие выгоду. При этом только необходима, по желанию слушателей, проверка их знаний, т. е. что-то вроде экзаменов, что, думается, отразится и на аккуратности посещения занятий.

Теперь идет запись в члены кружка, которую взял на себя Бигаев. Когда она будет окончена (по моим сведениям, число желающих уже перевалило за двадцать), то соберется общее собрание, и на нем будет избран орган вроде факультета для выработки программ, составления расписания лекций и т. д. В него намечены все те же, т. е. Рябиков, Чернавин и я. К нам, несомненно, должен будет войти и Бигаев как посредник между нами и слушателями. С осени же можем начать работу.

Как видишь, получается что-то вроде маленькой академии. Когда будут выработаны программы и детали обсуждены, то, конечно, поставлю тебя в известность»¹.

Головин откликнулся незамедлительно:

«Дорогой Михаил Александрович.

Спасибо тебе за твое письмо от 4 июня. Я его прочел с большим интересом и удовлетворением. В самом деле вижу, что мое начинание растет и множится, находит отклик и сочувствие среди нашего русского воинства. Слава Богу. Я, конечно, ничего не имею, чтобы ты организовал в Праге при народном университете курсы для обучения военной науке. Одно только прошу, раз ты хочешь, чтобы я сохранил идейное руководство этими курсами, посылал тебе по-прежнему материалы и указания, чтобы курсы твои были совершенно аполитичны. У меня на глазах имеется пример, когда одна из групп не пожелала сохранять этой аполитичности и погибла. В Праге это тем более опасно.

Что касается организации твоих курсов, то, мне кажется, что тебе большую пользу могут принести лекции, которые я выпускал на военно-научных курсах в Париже. Не для того, чтобы слепо их придерживаться, нет, а для того, чтобы знать, что и в каком объеме читается у нас и является всем доступным и интересным, т. к. число слушателей достигает иногда 180–200 человек, а минимум 150 человек. Даже размер лекции, прочтенной в 1 час, и тот полезен для ориентации...»²

Поскольку штатские преподаватели и ученые, оказавшиеся в эмиграции, создавали свои академические группы, возникла задумка объединить профессоров Николаевской военной академии и создать военно-академическую группу с целью популяризации военных знаний и подготовки молодых военных ученых³. Инициатором в 1928 г. выступил профессор, генерал А.К. Байов⁴, обратившийся с соответствующим запросом к Иностранцеву как бывшему профессору академии. Для создания группы требовалось не менее шести человек. Похожая мысль о создании объединенного военно-научного центра эмиграции была выдвинута и на съезде русских ученых в Белграде, где присутствовал профессор, генерал Б.В. Геруа. Судьба этой инициативы неизвестна, но, по всей видимости, роль таких центров стали играть парижский Институт изучения современных проблем войны и мира, созданный генералом Н.Н. Головиным в 1932 г.⁵, а также его белградский аналог – Русский военно-научный институт, возникший в 1936 г.

Летом 1927 г. состоялось приглашение Иностранцева в чехословацкую Военную академию для чтения лекций по истории Первой мировой войны. Генералу была обещана высокая оплата труда – 3500 крон в месяц (5250 динар) – вдвое больше его прежнего югославского заработка в банке и вдвое больше чехословац-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 62. Л. 3-4об.

² Там же. Л. 7.

³ Эмигрировали из России профессора Николаевской военной академии: А. И. Андогский, А. К. Байов, В. И. Баскаков, В. В. Беляев, Б. В. Геруа, Н. Н. Головин, А. А. Гулевич, М. А. Иностранцев, А. К. Келчевский, П. Ф. Рябиков, Д. В. Филатьев, Н. Л. Юнаков.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 75. Л. 9–11об.

⁵ *Н.Н.Р.* «Институт по изучению современных проблем войны и мира» // Военная боль (Париж). 1962. № 54. С. 38.

кого заработка. На эти средства можно было даже делать сбережения. Квартира в Праге обходилась в 750 крон в месяц, причем в надежде обзавестись собственным домом Иностранцев вступил в русско-чешское строительное товарищество¹.

В письме своим знакомым Д. Н. и О. В. Воронеж от 18 июля 1927 г. Иностранцев отметил, что «еще в Загребе, томясь отсутствием “своего” дела, т. е. научной работы, начал чтение публичных лекций о войне 1914–18 гг., которые имели большой успех. Я решил здесь (в Праге. – А.Г.), где русская колония гораздо больше, повторить эти лекции в надежде обратить ими на себя внимание и прочел их при существующем здесь русском народном университете. Результат превзошел все мои ожидания. Во-первых, при народном университете организовалось общество изучения военных наук, которое просило меня принять на нем руководство и начнет правильно функционировать с началом будущего сезона. Оно явится ответвлением тех курсов, которые ведет у Вас в Париже мой друг Н.Н. Головин. Но этого мало, не далее, как сегодня, я получил уведомление, что начальник Главного штаба генерал Сыровой поручил мне предложить чтение лекций по мировой войне в их академии Генерального штаба с оплатой их так, чтобы я мог хорошо жить. Уже раньше зондировали почву в этом направлении у меня, и я ответил, что соглашусь, если мне дадут то, что обещано с добавкой 500 крон... Завтра иду в штаб для окончательных переговоров по этому поводу. Как видите – добился. Жив курилка»².

26 июля 1927 г. в связи с приглашением в чехословацкую Военную академию Иностранцев писал в Королевство сербов, хорватов и словенцев своему другу Е. Н. Шевелеву: «Мне здесь, конечно, лучше, чем было в Югославии. Во 1-х я буду делать свое научное дело, во 2-х зарабатывать буду много больше, чем там, в 3-х, и это весьма важно, что отношение ко мне здесь совершенно иное, чем там. Там я был беженец № X. Здесь я профессор, генерал, чехам известный еще по Сибири. В 4-х, литературный заработок здесь гораздо легче найти и оплачивается он значительно больше, не говоря уже про то, что, например, в двух журналах, узнав, что я плачу переводчику треть гонорара, сами редакторы предложили мне, прямо с целью повышения моего заработка, платить переводчикам самим, а мне выплачивать гонорар полностью, как будто бы я пишу по-чешски.

Как не говори, а это большое внимание и такового я в Загребе не видел»³.

24 сентября 1927 г. на квартире Иностранцева состоялось первое организационное заседание, образовавшее совет преподавателей кружка, ставший его руководящим органом (позднее – совет кружка)⁴. В совет вошли помимо Иностранцева присутствовавшие генералы П. Ф. Рябиков (одноклассник Иностранцева по академии) и В.В. Чернавин, полковники Н. А. Бигаев (секретарь) и Г. В. Темников (заведовал чертежной частью). Позднее присоединились генералы М. Г. Михеев, Н. Н. Шиллинг, полковник В. В. Добрынин (с июля 1928 г.) и подполковник Ф. А. Мороз. В сентябре 1928 г. состав совета покинул генерал В. В. Чернавин⁵. На 1930 г. к совету присоединились генерал Н. А. Ходорович, капитан В. И. Гепнер, полковник Е. Е. Шайтанов и лейтенант М. С. Стахевич. Почетными членами совета в целях укрепления связей с чешскими военными учеными стали председатель и генеральный секретарь Чехословацкого военно-научного общества (Ведецкий воинский устав) полковник Чермак и майор Кучера⁶. По данным на 1930 г., руководящий орган назывался уже советом кружка.

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 66. Л. 1об.

² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 60. Л. 3.

³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 66. Л. 1об.-2.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 25.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 84.

⁶ Там же. Л. 128.

Заседания кружка проходили тогда примерно трижды в месяц. На заседании 24 октября 1927 г. выступил ректор профессор М. М. Новиков, который отметил, что во главе кружка «стал генер[ал] проф. М. А. Иностранцев, соединяющий опыт боевого генерала и блестящего профессора акад[емии] Ген[ерального] шт[аба]»¹. Состоялось и выступление Иностранцева о военных доктринах.

Кружок объединял в том числе и офицеров Генерального штаба, осевших в Чехословакии². На заседаниях читались доклады, выступали авторитетные военные деятели, порой приезжавшие из других стран. В частности, из приезжих в кружке выступали авторитетные в военной среде русской эмиграции генералы Н. Н. Головин и Д. Г. Щербачев (выступал в апреле 1928 г. с докладами Львовская и Раво-Русская операции, действия 3-й армии и в частности IX армейского корпуса; Наступление и преследование австрийцев к р. Сану. Блокада и атака Перемышля). Выступали в кружке и известные пражские военные ученые: генералы В. В. Чернавин и П. Ф. Рябиков, полковник В. В. Добрынин и другие³. В кружке на 1927 г. числились не менее 76 человек, позднее их численность возросла до 220. На лекции приходили по 200-250 человек, включая чехословацких офицеров⁴. Изначально средств не было, позднее материальную поддержку начал оказывать университет. По данным на начало 1928 г. заседания должны были проходить раз в две недели, чередуясь с заседаниями исторического общества. Популярность докладов изначально была довольно велика. В среднем приходили по 75 человек и лишь в 1930-е гг. интерес заметно снизился. Всего к июлю 1929 г. было прочитано 40 докладов⁵.

Известность кружка вышла за пределы Праги и русской общины. Так, в Брно группа офицеров (полковники Б. Г. Вдовенко, С. М. Журавлев, М. М. Лисун, Тамиров, капитан Левицкий, подъяесаул Г. А. Букановский) в начале 1928 г. тоже наметила создание такого кружка и обратилась с просьбой о содействии в Прагу, на что было предложено войти в состав пражского кружка⁶. В работе кружка участвовали и чешские офицеры-генштабисты. К примеру, 11 апреля 1928 г. ожидался доклад штабного капитана Ф. Погунека «Значение огня всех видов в современной войне»⁷. Помимо докладов в кружке намечались и военно-исторические экскурсии по местам сражений. В частности, на весну 1928 г. намечалась экскурсия на поле битвы при Аустерлице в сопровождении лекции Иностранцева. Планировались и экскурсии по Праге.

В апреле 1928 г. состоялось торжественное чествование Иностранцева по случаю 25-летия его ученой и военно-педагогической деятельности. Был создан временный комитет по подготовке мероприятия во главе с Н. А. Бигаевым. Организация торжества была направлена на укрепление репутации кружка и репутации самого Иностранцева как военно-научного авторитета эмиграции. Информацию о торжестве разослали в следующие издания: «Дни», «Возрождение», «Новое время», «Руль», «Русский военный вестник», «Русь», «Последние новости»,

¹ Там же. Л. 9.

² В работе кружка участвовали помимо Иностранцева проживавшие в Чехословакии генштабисты В. В. Добрынин, В. А. Замбржицкий, М. М. Зинкевич, В. Ф. Кирей, М. А. Ковалев, М. Г. Михеев, П. Ф. Рябиков, Н. Н. Тилли, А. К. Фартушный, Н. А. Ходорович, В. В. Чернавин, А. М. Шкеленко, С. А. Щепихин и другие (ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 39. Л. 112. Также см.: *Серапионова Е. П.* Русские военные историки в Чехословакии // *Русская акция помощи в Чехословакии: история, значение, наследие.* Прага, 2012. С. 111–116).

³ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 85-85об.; Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 218. Л. 1.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 25.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 130.

⁶ Там же. Л. 29-30.

⁷ Там же. Л. 44.

«Вестник районного правления Общества русских офицеров Генерального штаба», «Бюллетень Руссуниона»¹.

Поздравления поступили от множества эмигрантских организаций (Галлиполийские землячества в Чехословакии и в Братиславе, комитет слушателей Русского народного университета), а также от частных лиц, включая цвет военной эмиграции – генерала Н. Н. Головина, полковников К. Л. Капнина, Д. И. Ходнева. Торжественное заседание в большом зале Русского дома Праги (Прага 2, Панска, 16) 26 апреля 1928 г. было организовано кружком по изучению мировой войны, Русским народным университетом, Академической группой, Союзом инвалидов, Галлиполийским землячеством, Общеказачьей студенческой станицей, каюткомпанией в Праге и Русским объединением в Чехословацкой республике. Вступительное слово, согласно программе, произнес генерал-адъютант Д. Г. Щербачев, выступали профессора П. Ф. Рябиков, И. И. Лаппо, ректор народного университета М. М. Новиков, С. В. Завадский, генерал М. Г. Михеев и другие, оглашались приветствия, от чехословацкой армии выступил генерал С. Чечек².

Звучали громкие пожелания Иностранцеву поскорее занять место в Военной академии в России³. Члены кружка по изучению мировой войны, которым руководил Иностранцев, поднесли генералу адрес, где среди прочего были и такие слова: «Ваше руководство и чтение, блестящее по форме и весьма поучительное по существу, постоянно подымает в нас то национально-патриотическое чувство, которое только своей непрерывностью способно преодолеть тяжесть лишений и сохранить горение, необходимое при последующем сдвиге на Родной Земле.

В этот сдвиг мы верим, им живем и от души желаем Вам принять в нем деятельное участие как одному из главных строителей будущей Российской вооруженной силы»⁴.

Летом 1928 г. было предложено переименовать кружок в общество, однако этот замысел реализован не был⁵. Обсуждалось и введение нагрудного знака для общества. 18 сентября 1928 г. было составлено ходатайство об отпуске кружку пособия от МИД Чехословакии⁶.

Когда в 1928 г. Иностранцев собирался посетить Королевство сербов, хорватов и словенцев, чтобы повидать дочь и внучку в Загребе, возникла идея прочесть курс лекций и там (причем за деньгами на проезд генерал обращался в МИД Чехословакии⁷). За посещение лекций должна была взиматься небольшая плата – 2–3 динара. Причем во избежание налогов деньги взимались не за билеты, а за печатную программу при входе. Половину дохода Иностранцев хотел представить в пользу русской реальной гимназии в Загребе или ее бедных учеников⁸. К этому времени у Иностранцева были разработаны лекции по Восточно-Прусской операции (действия армий Ренненкампа и Самсонова), Галицийской битве, Варшавско-Ивангородской операции (первое наступление немцев на Варшаву), Лодзинской операции, а также по отступлению русских армий 1915 г. Были составлены лекции «Действия кавалерии в прорывах в современной войне (Свенцяны и Солунский фронт). 1915 г.»⁹, «Евфратская операция. Июль 1915 г.»¹⁰. К началу 1930-х гг.

¹ Там же. Л. 52.

² ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 107. Л. 18, 44.

³ Там же. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 39.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 79.

⁶ Там же. Л. 80.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 53. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 1об.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 352. Л. 1-25об.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 353. Л. 1-25.

он читал также лекции «Вооруженные силы и планы сторон на русском фронте в Мировую войну», «Германский империализм и пангерманизм как основные причины Мировой войны», «Борьба военных доктрин в Мировой войне (как и чем окончилась Мировая война 1914–1918 г.)» (2 лекции), «Страдная пора Вердена (21 февраля – 15 декабря 1916 г.)» (2 лекции), «Начало конца Мировой войны 1914–1918 г. (прорыв Солунского фронта)! (2 лекции)¹. Часть лекций имела нумерацию. Так, лекции о Галицийской битве имели номера с 15-й по 21-ю², что позволяет судить об обширности курса. В работе он активно использовал и советскую литературу, в т.ч. материалы периодической печати, например, журнал «Война и революция»³. Впрочем, ни тогда, ни позднее лекции Иностранцева не вышли за рамки освещения отдельных эпизодов войны, что осознавал и он сам⁴.

Генерал Н.Н. Головин рассчитывал на то, что в таком крупном культурном центре русской эмиграции, каким была Прага, возникнет мощная ячейка его военно-научных курсов, однако, по всей видимости, дело не заладилось. М. А. Иностранцев, вероятно, более активно занимался подготовкой курса лекций для чехословацкой Военной академии, чем организацией военного самообразования эмигрантов. Головин с грустью писал 24 января 1928 г. генералу В. В. Чернавину в Прагу: «Сведений от М. А. Иностранцева о работе пражской группы военного самообразования давно не имею. Меня беспокоит, что работа в ней, по-видимому, замирает. Очень жалко, что Вы не хотите стать сами во главе ее. Это не помешало бы делу М. А. Иностранцева, вокруг которого могла бы образоваться своя группа или как он предполагал систематические курсы.

По полученным мною сведениям, Иностранцев получит приглашение в пражскую Военную академию, и ему будет неудобно руководить группой военного самообразования. Таким образом, наше с Вами детище погибнет.

Подумайте, о чем я Вам пишу; переговорите с М.А. Иностранцевым и Рябиковым.

Казалось бы, что в Праге легче, чем в Париже организовать группы военного самообразования.

Постоянно получаю оттуда сетования, что это до сих пор не сделано»⁵.

Головин и далее интересовался жизнью пражских военных ученых, однако Иностранцев стал избегать его, поскольку дело курсов пробуксовывало. К марту 1928 г. Головин не имел сведений от Иностранцева уже на протяжении восьми месяцев, о чем жаловался Чернавину, полагая, что Иностранцев совсем забросил работу по группе военного самообразования⁶.

11 марта 1928 г. Иностранцев сам написал Головину объемное письмо с отчетом о своей работе:

«Дорогой Николай Николаевич,

Я очень виноват перед тобою за свое довольно продолжительное молчание, но очень большая работа, которую мне теперь приходится делать для “Валечной” школы, т. е. здешней академии, отнимает от меня массу времени, а вдобавок к этому пришли и свои частные дела вроде искания новой квартиры и т.п.

В виде отчета за текущий учебный год посылаю тебе при сем расписание докладов нашего кружка за первое полугодие и за второе полугодие до Пасхи. Из этих расписаний ты можешь усмотреть, что центром тяжести занятий кружка яв-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 56. Л. 96.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 350. Л. 1-130.

³ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 39. Л. 58.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 59. Л. 10.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 137. Л. 50-50об.

⁶ Там же. Л. 52.

ляются лекции, а практические занятия по курсу Лемуана¹ сосредоточены в руках В.В. Чернавина под видом семинара под безобидным названием: “Современные тенденции в области ведения боя”, что пришлось сделать по совету ректора народного университета Новикова, чтобы не дразнить здешних политических гусей, которые, при виде курса тактики могли бы прийти в ужас и чуть ли не усмотреть здесь зреющую контрреволюцию. Ничего не поделаешь – приходится считаться с местными настроениями.

Посещаемость лекций громадная и интерес к кружку у здешней молодежи необычайный. С будущего учебного года, по-видимому, возникнут и наши два филиала в Брно и Пильзене. Лекции посещают не только специалисты военные, но и много статских людей, что также объясняется вызываемым ими интересом.

Чернавин мне передавал о твоих опасениях, - не отзовется ли неблагоприятно на работке кружка то обстоятельство, что я официально привлечен к работе в академии.

На этот счет можешь быть совершенно спокоен. Дело в том, что я нарочно воспользовался моим привлечением в академию, чтобы приглашать на наши лекции здешних офицеров Генерального штаба и тем вызвать у них интерес к нашим работам и придать им легальный и симпатичный для чехов вид. Это удалось вполне. Почти на всех наших лекциях бывает, если можно так выразиться, цвет чешского Генерального штаба [в лице] начальника оперативного отделения Генерального штаба полковника Лужа, помощника начальника разведывательного отделения того же штаба капитана Похунек, помощника начальника военного кабинета президента подполковника Плх и многих других. Этого мало. Трое упомянутых чешских офицеров выразили желание сами сделать доклады. Один из них будет читать даже по-русски и, вероятно, уже в нынешнем учебном году – после Пасхи – капитан Похунек, двое же других в будущем году.

Таким отношением к нашему кружку убиты, вопреки поговорке, два зайца. Во-первых, кружок, раз в нем участвуют и чешские офицеры, перестал быть чем-то подозрительным и стал даже симпатичным, во-вторых, мы привлекли к работе в нем свежие молодые силы и получили возможность сделать попытку заинтересовать легализацией кружка здешнее министерство иностранных дел. Это мною и было сделано. Я отправился в министерство с секретарем нашего кружка полковником Бигаевым (он же и председатель комитета слушателей народного университета) к консулу Завазал, ведающему всею русскою акцией, и в беседе с ним выяснил, что деятельность кружка в министерстве уже известна с самой лучшей стороны и вызывает у него самые живые симпатии как всякое русское просветительное начинание, и когда я завел разговор о неимении у кружка средств, то получил вопрос, какие бы нам средства на это потребовались. В заключение, хотя прямо еще ничего обещано не было, но названная мною сумма в 3000 чеш. крон в месяц (с запросом конечно) не испугала Завазала, и он обещал мне дать окончательный ответ весною, когда выяснится, какие у них образуются остатки от русской акции, с тем, чтобы с началом будущего учебного года пособие кружку уже стало нормальным и определенным, подобно тому, как и пособие народному университету. Если будет так, то явится возможность отделиться от последнего. Это составляет всеобщее наше желание, т. к. собственно помощи от университета мы не видим никакой, а затруднения постоянные в виде торговли из-за дней, переноса лекций с одного дня на другой и вообще большого беспорядка, с которым ведется дело там.

Я в своих мечтах иду даже далее и думаю затем создать из кружка военное общество с уставом, членскими, конечно, весьма небольшими, взносами,

¹ Генерал Лемуан – французский военный теоретик, автор курса общей тактики (1922).

а затем, может быть и устройством библиотеки и т. д. Как видишь, дело пошло очень хорошо и перспективы заманчивы. Но беда в том, что у нас здесь условия весьма различные от ваших парижских в смысле лекторов и руководителей. У вас – избыток, у нас – недостаток и, как видно из посылаемых расписаний, в сущности лекторов всего три: Рябиков, Чернавин и я. Отдельные же случайные лекторы редки, штатские люди и выступления их временны и случайны. Имеющиеся здесь старые офицеры Генерального штаба, как Ходорович, Михеев, отстали от военного дела, а [от] современного в особенности, опустили, ничего не читают и заняты другими делами вроде союза инвалидов и т.п. Нам же трем вести на себе весь кружок очень тяжело, так просто не хватает времени.

Наконец, чтобы довершить тебе картину работы нашего кружка, упомяну еще про одно наше начинание. Я на основании своего 15-летнего педагогического опыта знаю, насколько поднимает интерес к военному делу посещение полей сражений, хотя бы и старых. И вот на основании этого я думаю организовать в апреле или в мае экскурсию желающих участников кружка на Аустерлицкое поле сражения и к организации этой экскурсии и возможного ее удешевления ее (так в документе. – А.Г.) уже приступил. В будущем году можно будет осмотреть Кениггрец.

Итак, вот, дорогой Николай Николаевич, тебе подробная картина нашей работы, идущей, как видишь, довольно успешно. Пусть тебя только не смущают лекции вроде таких, как лекция Рябикова о тихоокеанской проблеме, которую просили устроить сами участники кружка, или как лекция проф. Вергуна, который сам предложил нам прочесть об истории славянства по картинам известного чешского художника Альфонса Мухи и которому нам было неловко отказать...»¹

Ответ Головина не заставил себя ждать и был написан уже 28 марта: «Очень счастлив был получить Твое письмо с подробным описанием занятий в Твоем кружке. Все, что Тобою достигнуто и все Твои проекты, по-моему превосходно. Хорошо, что кружок поставлен на путь возможностей дальнейшего мирного развития. Если Тебе удастся получить за счет русской акции независимое от народного университета пособие, это будет весьма удачно, так как сделает кружок самостоятельным.

Ты сетуешь, что у Вас нет руководителей. Должен Тебе сказать, что и в Париже курсы держатся по существу тоже только на 4-5 руководителях. Остальные руководители являются очень ценными помощниками, но приходится мириться с тем, что они могут работать только в определенных рамках. Наши кружки, находящиеся в других странах, а также во Франции вне Парижа, не имеют иногда даже одного настоящего руководителя. Пишу это Тебе для того, чтобы сказать, что те затруднения, с которыми Вы встречаетесь, находятся налицо везде, даже в Париже, где руководители заняты добыванием насущного хлеба, и многие из них даже работают простыми рабочими на заводах.

В этом году летом я в Прагу не приеду, но на будущий год твердо намерен это сделать. В этом случае проведу в Праге несколько месяцев и могу предложить провести в кружке какой-нибудь курс.

Буду очень рад, если найдешь возможность отрывать иногда время и общаться мне о ходе занятий кружка»².

28 мая 1929 г. Иностранцев был единогласно избран в члены Совета преподавателей Русского народного университета³. С 1929 г. он должен был читать курс лекций по истории Первой мировой войны в чехословацкой Военной академии (приглашение получил еще в 1927 г. после года ожидания). Ему было разре-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 62. Л. 1-2об.

² Там же. Л. 5.

³ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 112. Л. 181.

шено читать их по-русски с переводчиком. Чехов особенно интересовали события на сербском фронте, что повлекло активную работу Иностранцева в этом направлении. Видимо, на основе лекций Иностранцев намечал издание краткого историко-стратегического очерка Первой мировой войны¹. Приглашение читать лекции в академии резко улучшило материальное положение Иностранцева. В частной переписке с генералом В. В. Чернавиным он отмечал, что внезапно разбогател как Крез². По всей видимости, именно занятость в академии не позволила Иностранцеву уделять много внимания кружку. Вместе с тем, генерал активно занимался военно-научной работой. В частности, он выполнял переводы мемуарно-исследовательских работ иностранных авторов о Первой мировой войне. Только в 1928 г. Иностранцев перевел достаточно объемные труды кронпринца Вильгельма и маршала А.-Ф. Петена о сражении под Верденом³. Помимо лекций по Первой мировой войне Иностранцев разработал и лекции по советско-польской войне⁴.

Помимо лекционной деятельности члены кружка публиковали свои работы по военным вопросам. Особенно активными в написании трудов были Н. А. Бигаев, В. В. Добрынин, М. А. Иностранцев, В. В. Чернавин. В сфере их внимания оказывались вопросы психологии бойца, региональной политики и стратегии, советская, чехословацкая и эмигрантская военная печать, история Первой мировой и Гражданской войн⁵. Впрочем, эта деятельность выходит за рамки работы кружка.

В 1930 г. Иностранцев почти не выступал с докладами в кружке, переключившись на работу в академии. 22 января 1930 г. он даже сложил свои полномочия в связи с недоброжелательным отношением к участникам кружка в связи с подготовкой банкета в честь генерала Н. Н. Головина⁶. Однако после этого инцидента он продолжал занимать пост председателя. В конце 1930 г. он выступил с докладом «5-й съезд зарубежных русских ученых в Софии в сентябре 1930 г. Работа военной секции съезда». Вполне возможно, что генерал лично участвовал в работе этой секции⁷.

Популярность Иностранцева как лектора в среде военной эмиграции была такова, что его регулярно на протяжении второй половины 1920-х – 1930-х гг. приглашали читать лекции в различные страны русского рассеяния, прежде всего, в Югославию и Болгарию. Разумеется, масса приглашений поступала из различных мест самой Чехословакии. Практически ежегодно поступали приглашения читать лекции от Русского свободного университета (наименование Русского народного университета в Праге с 1934 г.) на Подкарпатской Руси в Ужгороде, Мукачево и Хусте. 22 января 1929 г. Иностранцев выступал на заседании памяти великого князя Николая Николаевича-младшего с докладом о военной деятельности великого князя⁸. В 1928 и 1929 г. коллега Иностранцева по Генштабу генерал А. В. Арцишевский из Земгора приглашал его в Софию⁹. Пришло приглашение прочитать лекцию о Суворове от русской гимназии в Моравской Тшебове¹⁰.

В 1930 г. Иностранцев приехал с четырьмя лекциями о Первой мировой (Вооруженные силы и планы сторон, Восточно-Прусская операция, Галицийская

¹ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 14. Л. 25.

² ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 167. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 344. Л. 1-35; Д. 345. Л. 1-51об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 354. Л. 1-49.

⁵ Подробнее см.: Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. М., 1999.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 48об.

⁷ Там же. Л. 61.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5960. Оп. 1. Д. 56. Л. 160.

⁹ Там же. Л. 154.

¹⁰ Там же. Л. 153.

битва, Варшавско-Ивангородская операция) в Белград¹. Большую помощь в организации визитов Иностранцева в Югославию оказывала его дочь. Кроме того, приезде Иностранцева в Загреб помогал представитель местной группы офицеров Генштаба генерал Н. П. Стремоухов.

Восторженные отзывы о лекциях Иностранцева печатались в газетах. 29 мая 1930 г. в газете «Новое время» (№ 2726) вышла статья о лекциях Иностранцева:

«Лекции проф. М. А. Иностранцева проходят при исключительном успехе.

42-я аудитория напоминает бочку с селедками, трудно дышать.

Успех объясним. Первое – прекрасный лектор, второе – темы о Великой войне, той страшной трагедии России, которая положила начало испытаниям еще более горшим.

Операция 1-й и 2-й наших армий в В[осточной] Пруссии – какая страшная трагедия!

Залитая грязью и кровью революции, эта трагедия отошла вглубь. Но в объективном изложении лектора необыкновенно ярко отражен героизм офицеров и солдат и бездарность высшего командования.

- Кто же виноват? – спрашивает лектор и отвечает. – Не лучше ли иначе формулировать этот вопрос: – Кто не виноват? Виноваты в случившемся все. Ибо военная наука, проверенная опытом учит: – Победа есть результат не только доблести, но и организации.

Но, слушая увлекательное повествование профессора о страшных страницах нашей истории, не испытываешь стыда.

И в этом поражении был героизм, и какой героизм!..

Интерес к военным лекциям огромный. Ходят на них не только военные, но и лица разных специальностей, даже гимназисты и дамы. И это понятно, всякому, не исключая и дам, свойственно интересоваться родной историей»².

В связи с лекцией о Галицийской битве газета «Новое время» (3 июня 1930 г. № 2730) писала: «Снова до отказа переполненная аудитория, снова мастерское изложение лектора, сжато, но рельефно рисующего картину боев на равнинах Галиции... Среди слушателей немало участников этих боев... И потому в перерыве оживленный обмен мнений»³. Через день в той же газете (5 июня 1930 г. № 2732) о лекциях Иностранцева сообщалось, что это был «цикл интересных и блестящих по изложению докладов. В них вообще нужно отметить точность формулировки, бодрый тон, отсутствие слепого преклонения перед немцами и беспристрастную оценку действий обеих сторон»⁴. В 1931 г. Иностранцева приглашали выступать с лекциями в русской гимназии в Моравской Тшебове, в Галлиполийском землячестве в Пильзене.

В 1930 г. при кружке открылись низшие курсы прикладных военных знаний, однако уже в мае того же года они закрылись⁵. Эти курсы для молодежи вел капитан В. И. Гепнер. Преподавали Гепнер, полковник Е. Е. Шайтанов и штабс-капитан князь Б. А. Эристов. Было прочитано 12 докладов (три по организации войск и их вооружению, пять по артиллерии, три по винтовке и пулемету, один по топографии; всего 24 часа⁶), в среднем курсы посещали по 18 слушателей, а всего – 216 человек. В октябре 1930 г. возникла идея открыть при кружке курсы для старших начальников⁷. С аналогичным предложением 19 декабря 1930 г. обратился в кру-

¹ Там же. Л. 61.

² Там же. Л. 131.

³ Там же. Л. 125.

⁴ Там же. Л. 124.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 123.

⁶ Там же. Л. 123об., 124.

⁷ Там же. Л. 59об.

жок начальник VI отдела РОВС генерал Н. А. Ходорович, предложивший организовать по распоряжению главного командования курсы военных знаний при союзах отдела РОВС¹. Речь шла о трехуровневой системе военного образования (учебная команда, училище, академия). Разумеется, в условиях эмиграции эта идея была утопической, и Ходорович получил отказ.

Тем не менее, в начале 1931 г. на базе кружка были созданы высшие военно-научные курсы (курсы старших начальников), а в программу кружка были внесены изменения с акцентом на подготовке офицеров². Курсы торжественно открылись 16 января 1931 г. На открытии в президиуме председательствовал Иностранцев, его заместителем был П. Ф. Рябиков, присутствовали ректор университета профессор Новиков и генерал Н. А. Ходорович³.

На курсы принимали выпускников военных училищ и лиц, обладавших солидным стажем в офицерских чинах. Всего на курсы поступили 40 слушателей. Лекции читались по пятницам в 18.00. Расписание было следующим:⁴

Дата	Лектор	Тема
16.01	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
23.01	проф. А. Н. Фатеев	Основы геополитики
30.01	проф. А. А. Вилков	Государственные финансы во время войны
06.02.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
13.02.	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
20.02.	приват-доцент Н. С. Жекулин	Тема не указана
27.02.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
06.03.	приват-доцент Н. С. Жекулин	Тема не указана
13.03.	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
20.03.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
27.03.	приват-доцент В. В. Саханев	Сложение русской государственной территории
03.04.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
17.04.	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
24.04.	проф. М. А. Иностранцев	Стратегия
08.05.	полковник В. В. Добрынин	Война и экономика
15.05.	приват-доцент В. В. Саханев	Сложение русской государственной территории
22.05	проф. П. Ф. Рябиков	Общая тактика
29.05	полковник В. В. Добрынин	Война и экономика

Параллельно шла работа кружка. Чтобы понять интенсивность работы, приведем данные о программе кружка за аналогичный период:⁵

Дата	Лектор	Тема
21.01, 28.01	полковник В. В. Добрынин	Советская военная печать
04.02	проф. П. Ф. Рябиков	Служба Генерального штаба. Разведка мирного времени и исторический очерк ее развития

¹ Там же. Л. 78.

² Там же. Л. 81.

³ Там же. Л. 86.

⁴ Там же. Л. 83-83об.

⁵ Там же. Л. 85-85об.

Дата	Лектор	Тема
11.02	полковник В. В. Добрынин	Характерные черты соврем. тактики
18.02	приват-доцент полковник С. Л. Волкобрун	Русская армия в Семилетнюю войну
25.02	приват-доцент полковник С. Л. Волкобрун	Русская армия в царствование импера- тора Павла I
04.03, 11.03	генерал В. В. Чернавин	Русская армия до революции
18.03	генерал Э. К. Гермониус	Война и промышленность
25.03	лейтенант М. С. Стахевич	Действия русского флота: Черноморский флот в 1914 году
01.04.	инженер Вильгальм	Тактика газовой борьбы
08.04.	полковник Н. А. Бигаев	Военная психология
15.04.	доктор П. А. Скачков	Брест-Литовский мир
22.04.	Л. Ф. Магеровский	Армия и государство
29.04.	лейтенант М. С. Стахевич	Ютландский бой
06.05.	приват-доцент С. В. Маракуев	Кооперация во время войны
13.05.	проф. Д. Н. Вергун	Славянская политическая стратегия
27.05.	проф. П. Ф. Рябиков	Служба Генерального штаба. Разведка мирного времени и исторический очерк ее развития

С февраля 1931 г. курсы получили новое наименование – курсы высших военно-научных знаний. Уже 3 марта руководством РОВС в лице генералов Е. К. Миллера и Н. А. Ходоровича организаторам курсов была выражена благодарность за их открытие¹. Однако уже к июню 1931 г. стало ясно, что пражские курсы не в состоянии работать по той же программе, что и парижские курсы Головина. Лагерные сборы и полевые выходы были исключены, не хватало специалистов для преподавания. При этом идейного расхождения с Парижем не наблюдалось, поскольку в Праге отдавали должное и моральным и материальным факторам на войне. Обо всем этом было доложено генералу Ходоровичу².

С осени курсы планировалось расширить, а также организовать для желающих выпускные испытания и выдачу удостоверений о выпуске от университета³. Однако осенью 1931 г. произошли события, сделавшие продолжение работы курсов невозможным. Генерал Иностранцев предложил перенести занятия кружка из помещения воинских организаций в Русский народный университет. Члены воинских организаций заявили, что в этом случае будут бойкотировать занятия. П. Ф. Рябиков и В.В. Добрынин должны были их убедить, иначе Иностранцев, на этом настаивавший, был вынужден покинуть кружок. Поскольку консенсуса достичь не удалось, из-за этой, вроде бы, малозначительной конфронтации Иностранцев 15 октября 1931 г. покинул посты руководителя кружка и председателя его совета и, соответственно, оставил курсы⁴. 21 октября на его место был единогласно избран П. Ф. Рябиков⁵. Занятия на курсах уже с гораздо меньшей интен-

¹ Там же. Л. 94–94об.

² Там же. Л. 109.

³ Там же. Л. 110.

⁴ Там же. Л. 113–114.

⁵ Там же. Л. 115, 122. Рябиков Павел Федорович (24.03.1875–27.08.1932) – из дворян, сын подполковника. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1893), Константиновское артиллерийское училище по 1-му разряду (1895), Николаевскую академию Генерального

сивностью продолжались до конца 1931 г. (за семестр были прочитаны всего три лекции). Тематика прочитанных лекций распределялась следующим образом:¹

Тематика	Лекций
Геополитика	2
Государственные финансы	2
Сложение русского государства	2
Война и экономика	3
Война и промышленность	2
Общая тактика	4
Стратегия	5
Мировой финансовый кризис	1

В общей сложности на курсах высших военно-научных знаний была прочитана 21 лекция (42 часа) со средней посещаемостью 40 человек. Всего лекции посетили 840 человек². Предложение полковника Н. А. Бигаева открыть курсы в объеме младшего класса курсов Головина было отклонено за отсутствием возможностей. С января по апрель 1932 г. курсы не функционировали, после чего, по всей видимости, возобновлены не были. Очередным ударом по кружку и курсам стала смерть П. Ф. Рябикова 27 августа 1932 г.

В рапорте начальнику VI отдела РОВС от 23 февраля 1932 г. сообщалось, что в кружке с 1927 г. было прочитано 125 лекций (250 часов), которые посетили 5632 слушателя (в среднем, по 45 слушателей на лекцию). Тематика лекций кружка распределялась следующим образом³:

Тематика	Лекций
По истории Первой мировой войны	57
Общая тактика	10
Тихоокеанская проблема	2
Роль железных дорог в Первую мировую войну	1
Русские общественные организации в войну	1
Русская армия до войны	1
О старшем командном составе русской армии	1
О значении огня в современном бою	1
Артиллерия	3
Конница	5
Русско-японская война	1

штаба (1901). Генерал-майор (с 1917). Участник русско-японской войны. Участник Первой мировой войны. Начальник штаба 59-й пехотной дивизии. Старший адъютант разведывательного отделения штаба 2-й армии (с 1914). Начальник разведывательного отделения управления генерал-квартирмейстера штаба Северного фронта (с 1915). Командир 199-го пехотного Кронштадтского полка (с 1916). Штаб-офицер, заведовавший обучающимися в Николаевской военной академии (с 1917). 2-й обер-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (с 1917). 2-й генерал-квартирмейстер Главного управления Генерального штаба (с 1918). Участник Гражданской войны. Экстраординарный профессор Военной академии (с 1919). 2-й генерал-квартирмейстер Ставки Верховного главнокомандующего (с 1919). Начальник штаба Восточного фронта (Омск, 1919). Теоретик и практик организации агентурной разведки. В эмиграции – в Чехословакии. Умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

¹ Там же. Л. 124–124об.

² Там же. Л. 123об.

³ Там же. Л. 123об.–124.

Тематика	Лекций
Русский флот в Первую мировую войну	5
Авиация	2
А. В. Суворов, И. В. Гурко, Г. А. Леер, Н. Н. Юденич	4
Военная мысль (литература)	3
Вооруженный народ	1
Боевые доктрины и национальный характер	1
Роль и значение офицера в современном обществе и государстве	1
Влияние мировой войны на организацию армии	1
Борьба с авиацией	2
Военная психология	5
Химическая война	2
Условия русского фронта	1
Служба Генерального штаба	2
Армия и государство	2
Современная военная печать	2
Характерные черты современной тактики	1
Русская армия в Семилетнюю войну и при императоре Павле I	2
Война и промышленность	1
События на Дальнем Востоке	1
Военизация населения, механика и материалы	1
Психотехника	1
Вооружение современных армий	1

По данным к 12 сентября 1932 г. генералы Иностранцев и Рябиков прочитали по 16 докладов и лекций, полковник Добрынин 22 лекции, генерал Михеев 3 лекции¹. На всех курсах и в кружке к февралю 1932 г. было прочитано 158 докладов (316 часов), их посетили 6688 слушателей, в среднем по 42 человека². Лекции читали и чехословацкие офицеры – полковник Новозамский и генерал Лужа.

После смерти Рябикова новым председателем совета кружка 10 сентября 1932 г. был избран генерал М. Г. Михеев³. В совет вошел М. М. Зинкевич в качестве заместителя председателя. Членами совета по-прежнему состояли полковники Добрынин и Шайтанов, капитан Гепнер, лейтенант Стахевич и секретарь полковник Бигаев. Почетными членами оставались чехословацкие офицеры.

12 октября торжественно отмечено пятилетие военно-научной деятельности кружка и 50-летие со дня смерти М. Д. Скобелева. Выступили М. М. Новикова,

¹ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 31-32.

² ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 123об. По другим данным, 6952 человека при средней посещаемости 44 слушателя (ГА РФ. Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7. Л. 171).

³ Михеев Михаил Григорьевич (07.11.1861–30.12.1938) – из дворян, сын казачьего офицера. Окончил Воронежскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище по 1-му разряду и Николаевскую академию Генерального штаба (1888). Генерал-лейтенант (с 1915). Участник Первой мировой войны. Командовал Оренбургской казачьей дивизией (1914-1916). Ранен. Участник Гражданской войны. В Белом движении на Юге России. В Донской армии (1918-1920). Командир V Донского сводного казачьего корпуса (1919–1920), преподаватель Атаманского военного училища (1920). В эмиграции в Турции, Югославии. Переехал в Прагу (1922). Избран (как инвалид) на пост председателя Союза русских военных инвалидов в Чехословакии (1924), занимался спасением от голода и нищеты русских увечных воинов. Умер в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

М. Г. Михеева, В. В. Добрынина, Н. А. Бигаева. Иностранцев, по всей видимости, настолько разошелся с кружком, что даже не был в числе выступающих¹.

В 1933 г. в совет кружка вошел Генштаба полковник Н. Н. Тилли. В кружке читали доклады генералы М. М. Зинкевич и В.В. Чернавин, полковники В. В. Добрынин, А. К. Фуртушный, Н. Н. Тилли и другие, гражданские лекторы (например, Н. И. Астров)². К 9 января 1933 г. со времени основания кружка было прочитано 170 часовых лекций-докладов, совершена 21 историческая экскурсия (в основном под руководством профессора Д. Н. Вергуна). В среднем лекции посещали по 44 человека, а всего посетило 7500 человек. Посещали лекции и чехословацкие офицеры, в т. ч. в качестве лекторов выступали офицеры чехословацкого Генштаба³.

На март 1934 г. было намечено проведение военной игры по противотанковой обороне полка и батальона, однако игра не состоялась⁴. 18 января 1935 г. генерал Михеев, не выходя из кружка, «по соображениям этики и в видах освобождения себя от излишних обязанностей (дабы посвятить больше сил работе в Союзе Инвалидов)» сложил с себя обязанности председателя⁵. Встал вопрос о реорганизации кружка в связи с перенесением тяжести работ в школу военно-научных знаний. Обострились конфликты. Так, полковник Бигаев заявил о невозможности работы с полковником Тилли⁶. 30 января 1935 г. новым председателем совета кружка был избран генерал Е. Г. Булюбаш⁷. Его заместителем стал полковник Бигаев. Лекции теперь проходили 2-3 раза в месяц по воскресеньям⁸. Но в целом, период середины 1930-х гг. стал временем упадка кружка, тем не менее, просуществовавшего до конца 1930-х гг.

Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Прага, во многом, благодаря энтузиазму бывших профессоров Николаевской военной академии М. А. Иностранцева и П. Ф. Рябикова, в прошлом однокашников по академии, стала одним из центров военно-научной мысли русской эмиграции, наряду с Парижем и Белградом. Несмотря на трудности эмигрантского существования, Иностранцев и Рябиков сумели объединить вокруг себя сплоченную группу заинтересованных в расширении своих военных знаний лиц.

Поддержка руководства Русского народного университета, связи с чехословацкими офицерами и определенная поддержка властей способствовали организационному оформлению в 1927 г. и дальнейшей успешной работе кружка по изучению Первой мировой войны. В кружке читались доклады и велись дискуссии по разнообразным военно-историческим и военным вопросам.

Позднее на базе кружка возникли низшие курсы прикладных военных знаний и высшие военно-научные курсы (курсы старших начальников, затем курсы высших военно-научных знаний), задачей которых было непосредственное повы-

¹ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 158.

² ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 172. Л. 2.

³ Там же. Л. 14об.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. 184.

⁵ Там же. Л. 186.

⁶ Там же. Л. 187.

⁷ Булюбаш Евгений Григорьевич (01.09.1873–02.10.1967) – из дворян. Окончил Владимирский Киевский кадетский корпус, Павловское военное училище, Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Генерал-майор (с 1921). Участник Первой мировой войны. Тяжело ранен (1914). Командир 151-го пехотного Пятигорского полка (1917). Участник Гражданской войны и Белого движения на Юге России. Тяжело ранен (1918). В эмиграции в Болгарии, Чехословакии, Германии, США. Умер в Мартинсбурге (США, Западная Вирджиния). Похоронен в Мюнхене.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5899. Оп. 1. Д. 113. Л. 194.

шение знаний слушателей в военном деле. Впрочем, из-за организационных трудностей курсы просуществовали непродолжительное время.

Военно-научная деятельность была одним из способов адаптации офицеров-эмигрантов к жизни на чужбине. Помимо ностальгии по прежней профессии, эта работа поддерживала надежду на то, что, возможно, полученные знания рано или поздно пригодятся либо для нового похода на большевиков, либо уже в «освобожденной» России. Этим надеждам не суждено было оправдаться. Разумеется, по своим масштабам военно-научная работа в Праге уступала аналогичной деятельности военных эмигрантов в Белграде и Париже. Тем не менее пражские организации внесли свой вклад в военную культуру Русского Зарубежья.

НЕМЦЫ ПОВОЛЖЬЯ – КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ И ДОБРОВОЛЬЦЫ КРАСНОЙ АРМИИ В 1918 ГОДУ

Проблема участия немцев Поволжья в Гражданской войне на стороне Красной армии имеет свою историографию благодаря трудам саратовских историков А. А. Германа и И. И. Шульги¹. Ими затронут важный вопрос функционирования местного национального военного аппарата, а также обозначена боевая деятельность регулярных воинских частей. В продолжение этой тематики было бы небезынтересно рассмотреть советские воинские формирования немцев Поволжья в добровольческий период РККА.

Как известно, первоначально строительство Красной армии проходило в условиях, когда единственно возможным способом её комплектования был набор добровольцев. Красноармейские части создавались, прежде всего, в губернских и уездных городах, их численность была невелика, а социальный состав довольно пёстрым. Военный отдел Саратовского совета сообщал, например, что к концу февраля 1918 г. отношение местного населения к Красной армии колеблющееся, а число записавшихся не определено. Самарцы же докладывали, что записавшихся 300 человек и для дальнейшей работы необходимо 2–3 млн рублей денег². Через месяц первые говорили о 1000 добровольцев, вторые – об учтённых 900 красноармейцах в Самаре и 1223 в трёх уездных городах, среди которых значились Николаевск и Новоузенск³. Интересны эти два города тем, что расположены они вблизи немецких колоний и в местные формирования могли записаться добровольцами поволжские немцы. Действительно, если обратиться к приказам по Новоузенской вольнонаёмной дружине, то можно увидеть немало немецких фамилий. Здесь будет закономерен вопрос – может быть это пленные немцы или австрийцы, поступившие на службу в РККА? К тому же в инструкции по организации дружины говорилось, что «в ряды Армии может поступить каждый гражданин, желающий своей службой укрепить идею русской Революции, как русский подданный, так и иностранец»⁴. Однако иностранцы обычно сорганизовывались в отдельные воинские формирования с чётким обозначением национальной принадлежности. Например, в соседнем Николаевском уезде тамошний батальон Красной армии имел в своём составе отдельную роту из пленных австро-венгров. В Новоузенской же дружине венгерские фамилии отсутствуют полностью, а лица с немецкими фамилиями распределены по разным подразделениям. К сожалению, из-за отрывочности имеющихся в архивах приказов по Новоузенской вольнонаёмной дружине невозможно подсчитать точное количество служивших в ней поволжских немцев. Кстати, ещё одним условием членства в этом формировании было обязательное участие в мировой войне. Чётко оговаривалось, что приниматься могут только солдаты-фронтовики⁵. Тем самым решалась насущная проблема

¹ См., например: *Герман А. А.* «Не за такие порядки мы боролись» // *Родина*. 2011. № 2. С. 56–57; *Его же.* Большевистская власть и Немецкая автономия на Волге (1918–1941). Саратов, 2004. С. 63–78; *Шульга И. И.* Немцы Поволжья в российских вооружённых силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 65–85.

² Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 325. Оп. 1. Д. 406. Л. 24, 29.

³ Там же. Л. 67.

⁴ Пугачёвский филиал государственного архива Саратовской области (ПФ ГАСО). Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 130 об.

⁵ Там же. Л. 130–131.

трудоу занятости, людей недавно вернувшихся с войны и не имевших средств к существованию. Вряд ли можно говорить о массовом сознательном выборе в пользу советской власти. В тех же приказах по Новоузенской вольнонаёмной дружине имеется, например, следующая запись: «...[Из] командированных дружинников на станцию Урбах в числе 21 человека 6 апреля 1918 г. по проезду мимо станции Красный Кут четыре дружинника скрылись: Кран Бальтазар, Францман Генрих, Тейхель Адам и Попов Пётр... Исключить их со всех видов довольствия»¹. Высокая текучесть кадров была непременным атрибутом добровольчества. Среди других недостатков можно отметить слабую боевую подготовку, низкую дисциплину и меркантильный подход к военной службе значительной части красноармейцев-наёмников. Те же четыре дезертира прихватили с собой имущество и оружие. Всего же в Новоузенском уезде, как следует из доклада начштаба новоузенцев И. В. Аношкина, к 30 апреля имелось четыре отряда (Новоузенский, Краснокутский, Дергачевский и Александровогайский), укомплектованные 490 пехотинцами и 10 кавалеристами².

В соседнем Николаевском уезде, в тамошнем батальоне РККА поволжские немцы отсутствовали, хотя в Николаевском уезде было пять волостей с преобладанием немецких колоний: Екатериноградская, Орловская, Рязановская, Панинская и Баратаевская. Дело в том, что колонисты этих волостей на съезде выборных представителей 2 февраля 1918 г. решили объединиться с «немецким населением Среднего Поволжья на правах самоопределения», отделиться от Николаевского уезда и образовать самостоятельный уезд³. В дальнейшем, в конце февраля состоялся Варенбургский съезд депутатов немцев Новоузенского и Николаевских уездных земских собраний и был поставлен вопрос об объединении всех немцев Поволжья в автономную немецкую республику⁴.

Добровольческая Красная армия не привлекала колонистов ещё и потому, что политические бури, бушевавшие в России с конца 1917 г. мало затронули повседневную жизнь поволжских колоний. Немцы продолжали жить своей традиционной жизнью⁵. Впрочем, это спокойствие несколько раз на протяжении декабря 1917 – апреля 1918 г. очень серьёзно нарушалось красновардейскими и продовольственными отрядами, действовавшими по указке из Саратова. Напомним, что в каждой немецкой волости существовали вооружённые ячейки самообороны, состоявшие из бывших фронтовиков. Свидетельство этому события в декабре 1917 г. в селе Бальцер⁶, куда прибыл за хлебом красновардейский отряд из Саратова, пострадавший потом за свою ретивость. Ночью на него напали колонисты, убив несколько человек⁷.

Целое сражение развернулось в конце марта 1918 г. в колонии Шенталь Верхне-Ерусланской волости Новоузенского уезда⁸. По одной из версий, озвученной в Саратовском губисполкоме, в селе Михайловка, что напротив Шенталья через речку, задержали подводы с мукой колонистов. Вероятно, это сделал один

¹ ПФ ГАСО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

² ПФ ГАСО. Ф. 169. Оп. 1. Д. 30. Л. 154; Российский государственный военный архив. Ф. 184. Оп. 3. Д. 1187. Л. 90об.

³ ПФ ГАСО. Ф. 83. Оп. 1. Д. 10. Л. 16.

⁴ Герман А.А. Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге. С. 17.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Бальцер – село (с 1918 г. – город) на правом берегу Волги, центр одноименной немецкой колонии в 70 км южнее Саратова. В 1911 г. проживало 11 326 жителей. Ныне г. Красноармейск – районный центр Саратовской обл.

⁷ Саратовский Совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. документов / Под ред. В.П. Антонова-Саратовского. М.; Л., 1930. С. 282–283.

⁸ Колония Шенталь – в 1910 г. 2876 жителей. Ныне село Долина Федоровского района Саратовской области.

из продовольственных отрядов, действовавших в уезде с ведома саратовского губернского комиссара по продовольствию левого эсера М. И. Садаева. Последний был убеждён, что в решении продовольственного вопроса «необходимо кроме обмена также применять и физическую силу»¹. Для выяснения дела колонисты пригласили соседей на переговоры. Но диалога не получилось, прозвучали выстрелы. К вечеру того же дня к Шенталю подтянулись продотряды из Покровска, Дергачей и Новоузенска. Завязалась перестрелка. Немцы числом в полторы сотни отвечали ружейным и пулемётным огнём (впоследствии обнаружено две ленты, но пулеметов не нашли). Только через сутки колонисты под давлением превосходящего по количеству штыков противника сдались. Дело это потом специально разбирал Саратовский совет, поскольку победители наложили на колонистов непомерную контрибуцию в 501 400 руб. и подвергли Шенталь разгрому и грабежу².

В другой левобережной колонии – Шафгаузене³ Баратаевской волости Николаевского уезда – в ночь с 7 на 8 апреля был разгромлен рабочий продовольственный отряд вольских цементников. Погибло 26 продармейцев. Вольчане явились в колонию по ордеру балаковского совнаркома для заготовки 20 тыс. пудов хлеба. Ответные боевые действия 10 апреля ни к чему не привели, и вольские красногвардейцы смогли договориться только о выдаче тел убитых.

В июне 1918 г. саратовский речной экспедиционный отряд по дороге в Вольск и Балаково пытался проникнуть в прибрежные колонии от Баронска (Маркштадта) и выше. Но встретив сопротивление, ограничился орудийным обстрелом с пароходов⁴. Во многом такой активный отпор колонистов бессистемным поборам, вынудил СНК принять 26 июля 1918 г. постановление о том, что всякие контрибуции с немецких колонистов Поволжья могут быть только с согласия Комиссариата по немецким делам⁵.

К тому времени данный Комиссариат, образованный 30 апреля 1918 г., уже имел некоторый опыт в организации вооружённой силы. Речь идёт о Красной гвардии, которая в добровольческий период РККА существовала как параллельная армии вооружённая структура.

О количестве первых красногвардейцев можно судить по спискам красногвардейцев и красных партизан, составленных при одноимённых комиссиях в начале 1930-х гг. Бывшим красногвардейцем считался тот, кто состоял в Красной Гвардии и принимал участие в боевых действиях. В инструкции указывалось: «Не могут быть выданы билеты тем лицам, участие которых выражалось в охране предприятий, учреждений и складов, а также участникам продовольственных отрядов и милицейской службы».

Бывшим красным партизаном мог быть тот, кто состоял в партизанском отряде, действовавшем в период Гражданской войны на территории белых армий, и лично участвовал в вооружённом повстанческом движении за Советскую власть. К ним не относились «те отряды, которые действовали в тылу противника, но не имели никакого руководства и связей со стороны партийных и советских организаций, а также партизанские отряды, созданные для самообороны»⁶.

¹ Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 311.

² Саратовский Совет рабочих депутатов. С. 414, 416; *Троцкий В.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии (хроника событий). Т. 2. 1918 год. Самара, 1929. С. 62.

³ Ныне село Волково Марксовского района Саратовской области.

⁴ Государственный архив новейшей истории саратовской области. Ф. 199. Оп. 3. Д. 574. Л. 1–2.

⁵ *Герман А. А.* Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге. С. 25.

⁶ Государственный исторический архив немцев Поволжья в г. Энгельсе (ГИАНП). Ф. р-673. Оп. 1. Д. 21. Л. 45.

По спискам партизанско-красногвардейских комиссий АССР НП на 1935 г. можно подсчитать общую численность бывших красногвардейцев и красных партизан, а также тех из них, кто с немецкими фамилиями (см. таблицу 1¹).

Таблица 1

Общая численность бывших красногвардейцев и красных партизан и отдельно с немецкими фамилиями

Кантон	Бывших красногвардейцев и партизан	
	Всего	С немецкими фамилиями
Бальцерский	29	20
Гмелинский	7	-
Добринский	7	7
Зельманский	3	3
Краснокутский	74	6
Красноярский	3	3
Мариентальский	4	4
Маркштадский	82	82
Паласовский	52	4
Старо-Полтавский	9	-
Унтервальдский	13	13
г. Энгельс	298	29
Итого:	581	171

Таким образом, приблизительное число немцев-колонистов, признанных красными партизанами и красногвардейцами – 171 чел. или 29% (по сути одна треть). Причём почти половина – 82 чел. – из Маркштадского кантона. Такой расклад подтверждается и другими документами. Например, свидетельством А. Фреймана, что первые красногвардейские отряды появились в Маркштадте и Боаро. В Маркштадте работала хорошо организованная группа большевиков. Гораздо большие затруднения пришлось преодолеть в Бальцере и, в особенности, в Зельмане². Из личных дел красногвардейцев следует, что первыми красногвардейскими отрядами в Маркштадте были – кавалерийский отряд Гайера – 67 чел, организованный в апреле 1918 г., отряды Гельвиха и П. Я. Петерса³. Пожалуй этими формированиями и ограничивается участие немцев Поволжья в красногвардейском движении.

Летом 1918 г. начался переход к массовой армии, т. е. комплектуемой на основе призыва. Но добровольчество ещё какое-то время продолжало существовать. Судить о колонистах-добровольцах в РККА можно по «Алфавиту добровольцев-красноармейцев Саратовского губвоенкома за 1918 г.». Записи в нём начинаются с июня 1918 г., с момента образования губвоенкомата в Саратове. Всего в нём 4600 записей, причём значительная часть – это иностранцы – военнопленные мировой войны. Поволжским немцам принадлежит почти две сотни фамилий, и люди эти в основном из левобережных колоний. Причём интенсивность вербовки колонистов в РККА падает в основном на июль и август 1918 г.⁴ Именно в июле,

¹ Подсчитано: ГИАНП. Ф. р-673. Оп. 1 л/с. Д. 32. Л. 2–3об, 6–7, 9, 11–17 об, 25, 29, 31, 33–34, 36–37, 40–40об.

² Фрейман А. К истории революции у немцев Поволжья // Трудовая правда (Энгельс). 1923. 27 октября.

³ ГИАНП. Ф. р-673. Оп. 1л/д. Д. 5. Л. 1-9; Д. 33. Л. 1-9; Д. 56. Л. 1-11.

⁴ Государственный архив Саратовской области. Ф. 692. Оп. 1. Д. 27. Л. 1–333; Посадский А.В. Крестьянское добровольчество в Красную армию 1918 года (опыт регионального анализа) // Социологические исследования. 2006. №. 10. С. 113.

после покушения на германского посла Мирбаха и левоэсеровского мятежа, расположенный в Саратове Комиссариат по немецким делам по указанию совнаркома, принялся формировать немецкий добровольческий отряд для Москвы. За короткий срок такой отряд был создан и отправлен к месту назначения. Его командирами значились Я. Шенфельд и Г. Лейзер¹.

Кроме того, июль – август 1918 г. это и активные боевые действия на территории Саратовского Заволжья. Совершенно точно известно о немецком отряде (командир Гайер), участвовавшем в составе Поволжской группы войск в боях за Вольск – Хвалынский – Самару в августе-октябре 1918 г.

Таким образом, поволжские немцы не проявили большой активности в период добровольческого комплектования Красной армии. Мало того, у них практически отсутствовала Красная гвардия, заменённая отрядами самообороны. Активное привлечение немцев Поволжья в ряды РККА началось лишь с ноября 1918 г. с образованием немецкого областного военного комиссариата, на который легли в дальнейшем все задачи по осуществлению мобилизаций и формированию национальных воинских частей и подразделений².

¹ Фрейман А. Указ. соч.

² Герман А. А. Большевицкая власть и Немецкая автономия на Волге. С. 63.

ОДИССЕЯ ПОЛКОВНИКА СУСЛОВА

В апреле 1905 г. Московское военное училище выпустило из своих стен блестящего офицера, жизнь и судьба которого будут полны интересного содержания¹. Павел Яковлевич Суслов родился в Вольске 20 января 1883 г. в мещанской семье. Первоначальное образование получил в реальном училище родного города. Прибыв подпоручиком в 205-й пехотный Шемахинский полк на Кавказе, он занял сначала должность заведующего охотничьей командой, а позднее принял в командование роту. 10 ноября 1908 г. Высочайшим приказом Суслов произведен в поручики со старшинством. Офицер был женат первым законным браком на девице, дочери купца 2-й гильдии М.Ф. Грищенко и имел двух детей – 1907 и 1910 гг. рождения.

Первым боевым опытом полка явился поход в Персию в 1911 г.², в котором он действовал в районе Энзели – Решт и отличился при взятии крепости Киранда. Попав в боевую обстановку, поручик Суслов, прикомандированный к пулеметной команде, принял участие в борьбе против шахсеван³, а в октябре 1913 г., уже в чине штабс-капитана, командовал Талышинским отрядом. «За мужество и лихие действия в делах против неприятеля» приказом от 6 декабря 1913 г., был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени. Вскоре последовало участие в Первой мировой войне.

28 июля 1914 г. М.Я. Суслов прибыл в урочище Дешлогар, в расположение полка, а 9 августа полк в составе 3-го Кавказского корпуса⁴ отправился в поход против австрийцев. Прибыв на театр войны, дивизии корпуса с эшелонами были двинуты в бой на Тарнопольских высотах в Галиции. «Как на смотре шли полки генерала Ирманова в атаку против превосходящих сил противника; много храбрых легло на поле брани в первые дни сражений; но зато 27-го числа враг, потерпев поражение, бежал, и корпусом было захвачено 32 новых орудия», – писал журнал «Нива».

3 сентября 205-й Шемахинский полк действовал против частей 10-го австрийского корпуса генерала Мейкснера в районе Красноставского шоссе. Здесь батальоны шемахинцев столкнулись в страшном бою с превосходящими частями 45-й австро-венгерской дивизии, перешедшими, в свою очередь, в наступление. Галицийская битва, дела под Холмом и Брестом принесут позже всей 52-й дивизии славу «стальной», а Иван-город, Ченстохов, владавище, Жолкев, Янов и др. станут немymi свидетелями доблести ее полков.

Первое испытание на кровь Суслов получил в сражении 25 октября, но крепкая натура его от этого мало пострадала. «Командуя ротой раненым, оставался в строю», – за что приказом по войскам 4-й армии № 234 он был представлен к ордену Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом. Очередное свидание со смертью состоялось через месяц в бою у селения Келявор. На этот раз, полу-

¹ Статья написана на основании послужного списка М. Я. Суслова: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф 409. Оп. 1. Д. 112559. Л. 1–11. Автор выражает признательность правнуку П. Я. Суслова А. Б. Глухову.

² Военное вмешательство России в гражданскую войну в Персии осенью 1911 г. с целью защиты своих экономических интересов и российских подданных.

³ Шахсеваны (шахсевены) – этнографическая группа азербайджанцев, проживают преимущественно в северо-западном Иране. В конце XIX в. начали переход от кочевого скотоводства к оседлому земледельческому типу хозяйствования.

⁴ В составе 4-й армии Юго-Западного фронта.

чив несколько осколочных ран, Суслов был эвакуирован. Приказом по войскам 6-й армии «за отличие в боях против неприятеля» он был отмечен орденом Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Прибыв по излечении в полк в конце января 1915 г., в очередном сражении 9 февраля 1915 г. офицер был «контужен снарядом, но остался в строю», а 20-го числа принял в командование батальон. В ходе отступления войск от Карпатских гор до реки Шара в современной Белоруссии, 21 апреля, штабс-капитан Суслов вновь получил тяжелое ранение и был доставлен в тыловой госпиталь, а 11–20 мая находился в отпуске в Вольске. Приказом по войскам 5-й армии от 25 июля 1915 г. за отличие в боях был отмечен орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами.

Из госпиталя прибыл к месту службы в июне, а 16 августа был назначен временно командующим 205-м Шемахинским полком, который в это время участвовал в кровопролитных боях с превосходящими силами противника у деревень Имешы и Марасаны. Однако на этот раз офицера свалила болезнь. Он был госпитализирован и вернулся в полк через месяц, приняв под свое командование батальон. В сентябре «за отличия, оказанные в делах против неприятеля», Суслов получил орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

В конце 1915 г., приказом по Казанскому военному округу штабс-капитан Суслов был назначен членом Самарской комиссии для проверки деятельности уездных воинских начальников по призыву на военную службу новобранцев и ратников. По предписанию Вольского воинского начальника он прибыл в 245-й пехотный запасной батальон, но в начале января 1916 г. был отправлен в Оренбург, а оттуда вновь «откомандирован в действующую армию».

Скромно и незаметно, выполняя долг строевого офицера, закончил Павел Суслов эту компанию. За героизм и муки военного времени наградами ему стали чин капитана и ряд орденов до Св. Анны 2-й степени включительно. В сражениях он получил четыре ранения и две контузии. Семь лет боевой службы, командование ротой, батальоном, полком, пополнили его боевой аттестат.

Однако фронтовая страда капитана Суслова не закончилась с окончанием «германской» войны.

Летом 1918 г. под ударами чешских и русских отрядов пали красные Самара, Сызрань, Симбирск. 14 июля был взят Хвалынск. 16 июля в Приказе по Вольскому штабу Народной армии было объявлено: «Приказом Начальника войск Сызранского района № 179 капитан Суслов назначается временно командующим полком, имеющим быть сформированным в г. Хвалынске».

Согласно предписания Начальника отдела формирования Главного военного штаба Народной армии от 19 июля № 1106 и 1107 капитан Суслов официально был назначен командующим 7-м Вольским стрелковым полком (с середины августа 1918 г. – 8-й Вольский стрелковый полк)¹. 24 июля части войск Хвалынского района сводились во 2-ю стрелковую Сызранскую дивизию под началом полковника А.С. Бакича².

Согласно приказу Верховного Главнокомандующего № 181 от 23 мая 1919 г. 2-я Сызранская дивизия поступила в подчинение командующего 4-м Оренбургским казачьим корпусом. Суслов продолжал командовать в этой дивизии Вольским полком уже в чине полковника.

¹ Российский государственный военный архив. Ф. 39548. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.

² 15 июля в Хвалынске был образован штаб формирования частей Народной армии Хвалынского района. Начальником частей района 17 июля назначен полковник Ф. Е. Махин, начальником штаба – капитан М. Н. Руссет. 23 июля 1918 г. Махин был подчинён командующему Сызранского района полковнику А. С. Бакичу с включением войск Хвалынского района в состав Сызранского района.

К сожалению, подробная картина службы П.Я. Сулова в Белой армии нами не выявлена. Однако известно, что он пережил Гражданскую войну и остался в СССР. Протокол заседания уездной избирательной комиссии от 25 апреля 1925 г. позволяет узнать, что в этот день слушалось заявление гражданина города Вольска П.Я. Сулова о восстановлении его в избирательных правах, коих он был лишен как бывший белый офицер. Комиссия выявила «достаточность взглядов по отношению к Советской власти во время его пятилетнего нахождения на службе в рядах РККА»¹.

¹ Вольский филиал государственного архива Саратовской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 199. Л. 1.

ПО МЕСТАМ БОЕВ ГРАЖДАНСКОЙ: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ*

Земли Балашовского уезда почти на все время Гражданской войны превратились в поля брани. Сам город переходил из рук в руки четыре раза, а в некоторых населенных пунктах уезда власть менялась до двадцати двух раз¹.

Мемуары очевидцев рассказывают об упорных и кровопролитных боях частей Красной армии и Вооружённых сил Юга России на подступах к городу в 1919 году. Особняком стоит развитие и подавление крестьянского повстанческого движения в Прихопёрье.

Несмотря на значительное количество мемуарных источников и архивных документов, целостная картина боевых действий на рассматриваемой территории до сих пор не получена. Это обусловлено тем, что в материалы архивных дел, как правило, попадает информация общего характера, не в полной мере отражающая локальные события. Воспоминания, зачастую содержащие более подробные сведения, не лишены субъективного отношения автора к описываемым событиям и тенденциозности, в силу чего происходит замалчивание одних фактов и «выставление на показ» других.

Закономерно, что подавляющее большинство боев на территории Балашовского уезда вообще не нашло отражения в каких-либо источниках. В этих случаях установить ход событий можно различными формами экспедиционной деятельности: провести опрос местного населения близлежащих населенных пунктов или же прибегнуть к поисковой работе на местности.

С целью военно-патриотического воспитания обучающихся, в мае 2015 г. на базе МОУ «Лицей» города Балашова Саратовской области был сформирован поисковый отряд «Южный фронт». В его состав вошли старшеклассники школ города и студенты Балашовского педагогического института Саратовского государственного университета. Основным направлением работы отряда является поиск и обработка информации, относящейся к событиям Гражданской войны на территории Балашовского уезда, установление мест захоронений воинов, увековечивание памяти павших. В своей работе поисковый отряд активно сотрудничает с Балашовским филиалом Государственного архива Саратовской области, Балашовским краеведческим музеем, военным комиссариатом г. Балашова, Балашовского и Романовского районов.

На момент подготовки статьи силами отряда было совершено 11 однодневных полевых экспедиций по местам боев. Выбор маршрутов, как правило, обусловлен найденными в письменных источниках упоминаниями о месте боя и его характере. В результате работы собрано большое количество вещественного материала, позволяющего сделать определенные выводы о нескольких локальных боях Гражданской войны в Прихопёрье, дополнить или скорректировать имеющиеся свидетельства.

Первые экспедиции проводились в районе железнодорожного моста через реку Хопер около Балашова. О событиях, происходивших на этом месте в июле 1919 г., есть несколько мемуарных свидетельств. Так, командир взвода 9-й роты

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-81-01028

¹ Подробнее см.: *Смотров В. В., Смотров О. В., Кузеванов Л. И.* Балашовское Прихопёрье в годы испытаний: очерки истории и историографии / Под науч. ред. Л. М. Кузевановой. Балашов, 2007. С. 215–319.

203-го стрелкового полка Яков Ермолаевич Зубрев, упоминает, что его подразделение занимало соседний участок обороны. По его словам, казачьи части одиннадцать раз атаковали позиции красноармейцев около моста, но взять их не смогли и отступили с большими потерями. Однако удержать мост, как, впрочем, и сам Балашов, красным частям не удалось, – отсутствие боеприпасов вынудило вторично сдать город противнику. Кроме того, в воспоминаниях Зубрева указано, что на противоположном берегу (то есть в черте города), около мельницы братьев Арзамасцевых, превращенной в военный склад, произошел взрыв двух вагонов пироксилина. По воспоминаниям очевидца, имевшиеся на складе снаряды, патроны и другое имущество были разнесены взрывной волной, часть их упала в Хопер, другая же часть оказалась на противоположном берегу¹.

А вот как описывает данное место в своих мемуарах М. С. Гельфанд: «Дальше железнодорожный путь был неисправен, железнодорожный мост – поврежден взрывом. Двинулись лесом. Здесь недавно прошел артиллерийский бой. Исковерканные, расщепленные, срезанные деревья на каждом шагу свидетельствовали о том, что дело тут было нешуточное. Там и здесь мы натыкались на вагонные колеса и оси, шпалы и куски рельс. Все это было скручено, смято и переброшено с того берега какой-то чудовищной силой: последствия взрыва двух вагонов с пироксилином около бывшей арзамасцевой мельницы»².

Исследованный участок представляет из себя залесенную возвышенность на правом берегу реки Хопер, в нескольких местах пересекаемую оврагами. Позиции находятся напротив Балашова. На вершине была отрыта оборонительная линия, состоящая из окопов полного профиля, соединенных ходами сообщения, с четырьмя пулеметными точками. Общая протяженность линии составляет около трехсот метров, позиция тянется с запада на восток. Вполне возможно, что ранее протяженность окопов была больше и покрывала все расстояние от железнодорожного моста до поселка Лопатинского, что составляло более 800 метров. Но в связи с расширением населенного пункта, установить это не представляется возможным. В местах пересечения позиций оврагом окопы образуют Г-образный изгиб.

На равнине перед склоном обнаружены одиночные стрелковые ячейки, брустверами обращенные в сторону возвышенности. Их хаотичное расположение, направление и небольшая глубина позволяют сделать вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с окопами, появившимися в результате самоокапывания наступающих белых бойцов.

При исследовании данного участка проводился как сбор верхового материала, так и шурфовка окопов на наиболее перспективных участках. Непосредственно на позиции и около нее обнаружено огромное количество гильз от винтовки Мосина, что говорит о высокой интенсивности боя и его продолжительности. Кроме того, такое единообразие в вооружении косвенно свидетельствует о том, что оборону занимало регулярное боевое подразделение Красной армии. Данное обстоятельство подтверждается мемуарным источником.

Расшифровка донных клейм на гильзах позволяет сделать вывод о том, что подавляющее большинство боеприпасов было произведено на заводах США и Великобритании (Government Cartridge Factory, Kynoch & Co, Greenwood and Batley, Royal Laboratory, Winchester Repeating Arms Company, Remington Arms Co, United States Cartridge Co) в 1916-1917 гг. Находки гильз с маркировкой отечественных патронных заводов редки. Встречаются лишь гильзы Тульского патронного завода, выпущенные в 1918 г. Отметим, что данное количественное соотно-

¹ Зубрев Я. Е. Бои за Балашов. Из фондов Балашовского краеведческого музея. БКМ 3/100.

² Цит. по Смотров В. В., Смотров О. В., Кузеванов Л. И. Указ. соч. С. 388–389.

шение русских и зарубежных боеприпасов в рассматриваемый период не является уникальным, наоборот, скорее закономерным¹.

Как интересный факт отметим многочисленные находки гильз со следами деформации (разрыв, сплющивание, сминание) и целым капсюлем. На наш взгляд, мы имеем дело с боеприпасами, переброшенными с противоположного берега в результате взрыва. Кстати, среди деформированных гильз найдено незначительное количество остатков от патронов, относящихся к винтовке Маузер обр. 1898 года. Маркировка позволяет установить, что боеприпасы были изготовлены в 1915–1916 гг.

Брустверы позиций буквально утыканы пулями. Здесь наблюдается разнообразие вооружения – это винтовка Мосина, Ли-Энфилд, Арисака, Лебель.

Внутри окопов четко прослеживаются следы достаточно долгого пребывания – осколки от стекла и керамики, наличие разобранных боеприпасов (порох из них шел на разведение огня).

Интересные результаты дал шурф одной из пулеметных точек. Помимо находки большого количества гильз (около 600) и нескольких целых патронов (не сработали при выстреле: видимо, заводской брак или отсыревание), удалось обнаружить фрагменты пулеметной ленты, цинковую упаковку от боеприпасов, хозяйственный складной нож. Кроме того, один из обнаруженных целых патронов оказался как бы вставлен в обломок гильзы. Подобного рода ситуация происходит при перегревании пулемета, - после очередного выстрела гильза «прихватывается» в патроннике, при ее извлечении выбрасывателем пулемета происходит разрыв и оставшаяся часть нанизывается на следующий патрон. Эта находка лишней раз указывает на жесточенность боя.

По расположению настрела пулемета было определено направление ведения огня (пулемет Максим выбрасывает гильзы вперед перед собой); оказалось, что стрельба велась в сторону железнодорожного полотна перед мостом. В воспоминаниях Зубрева указано, что «противник переходил в атаку как с лобовой стороны, так и с фланговой – через мост переходом, переползанием, и каждая атака терпела неудачу. Противник терял десятки человек убитыми и ранеными. Вся линия железной дороги была завалена трупами противника. Раненые самостоятельно, кто мог, скатывались с насыпи»².

Интересные результаты дало исследование полосы между позициями противников. Здесь к гильзам прибавились находки 76-мм шрапнели, множество осколков от 76-мм снарядов и, предположительно, 122-мм. Было обнаружено несколько углублений, предположительно воронок, однако их состояние не позволяет сделать однозначного вывода. Тем самым подтверждаются свидетельства Гельфанда о сильном артиллерийском бое, прошедшем в этом месте.

В полной мере подтверждаются сведения о перелете через Хопер в результате взрыва обломков железнодорожных вагонов, рельс и шпал. Множественные деформированные металлические фрагменты усеивают пространство между позициями и склон правого берега.

Буквально в двадцати метрах от Хопра на глубине более 50 см был найден шрапнельный стакан калибра 76 мм. Отсутствие дистанционной трубки и «начинки» снаряда позволило сделать вывод о том, что он штатно сработал. Но вот его положение – дном вниз, и отсутствие нарезков на снарядном пояске говорят о том, что снаряд не проходил канала ствола. Мы предполагаем, что при взрыве вагонов с пироксилином снаряд сдетонировал, вылетел из гильзы и выстрелил шрапнель

¹ Адеев Д., Донец А. История русского трехлинейного (7,62*54R) патрона // Охота и оружие. 2010. № 2. С. 52–54.

² Зубрев Я. Е. Воспоминания. Из фондов Балашовского краеведческого музея. БКМ 3/104

в произвольном направлении, скорее всего вверх, после чего при ударе о землю значительно углубился.

Но наиболее интересными находками стали три импровизированных смертных жетона, изготовленных из гильз с небольшим (около 2 мм) округлым отверстием сбоку. Очевидно, процесс производства происходил следующим образом: в боковой поверхности гильзы при помощи гвоздя проделывалось отверстие, через горловину заготовки вкладывалась свернутая трубочкой бумажка с информацией о бойце, затем через отверстие сбоку и горловину пропускалась веревка для более удобного ношения, и верх гильзы сплющивался с последующим загибанием.

Обнаружение сразу трех экземпляров говорит о том, что изготовление такого рода импровизаций было явлением достаточно распространенным. Учитывая, что медальоны обнаружены на нейтральной полосе в окружении гильз, можно предположить, что их выбросили при сборе трофеев с убитых. К огромному сожалению, прочитать информацию, записанную на бумаге внутри медальонов, не удалось.

При обследовании дна одной из балок мы обратили внимание на находки большого количества мундирных пуговиц и фрагментов амуниции при почти полном отсутствии настрела. Особенно интересна мундирная пуговица Русской Императорской армии с искусственно затертым изображением двуглавого орла (возможно, при помощи напильника). Предположительно, таким образом красноармеец избавлялся от нежелательной символики.

Кроме того, там же были обнаружены обломок штык-ножа и русская саперная лопатка с глубокой зарубкой посередине боковой поверхности, полученной, видимо, при парировании удара длинноклинкового холодного оружия. На наш взгляд, нам удалось обнаружить место рукопашной схватки. В условиях дефицита боеприпасов у обеих сторон, данное событие вполне укладывается в логику боя. Вполне возможно, что части бойцов Белой армии удалось, пользуясь прикрытием балки, подойти почти вплотную к позициям обороняющихся, но их продвижение было вовремя обнаружено.

Применение саперной лопатки в ближнем бою обусловлено такого рода опытом в годы Первой мировой войны. Штык-нож, видимо, следует отнести к винтовке Маузера обр. 1898 года. Скорее всего, он применялся отдельно от винтовки, так как настрела или пуль от Маузера не обнаружено (находки деформированных боеприпасов сюда не относим). Таким образом, еще один эпизод боя, не описанный в источниках, был достоверно установлен.

В одну из экспедиций этого сезона при прочесывании нейтральной полосы вблизи от воронки на значительной глубине было обнаружено скопление деформированных никелированных деталей. Дальнейший поиск позволил их идентифицировать, так как были обнаружены два крупных фрагмента округлой формы с клеймами. На одном оказалась надпись: «Н. К. Гейслеръ и Ко» (читается с трудом, так как объект сильно сплюснен), на другом – «Р.А. О-во Л. М. Эриксонъ и Ко. Патентъ Петроградъ». Удалось установить, что обе детали относятся к военным полевым телефонам периода Первой мировой войны. Несмотря на различных производителей, эти элементы, видимо, стояли на одном аппарате, так как найдены вблизи друг друга и, в некоторой степени, взаимно друг друга дополняли (первая деталь – динамик, вторая – угольный микрофон).

Вблизи места находок был разбит шурф, который принес неожиданные результаты: было собрано более тридцати фрагментов раздробленных костей. В настоящий момент они отправлены на экспертизу, но у нас есть все основания предполагать, что кости принадлежали человеку. В данном случае, видимо, имело место почти прямое попадание артиллерийского снаряда.

Подводя итог обследования оборонительных позиций около железнодорожного моста через Хопер, хочется отметить, что результаты экспедиций в полной мере подтверждают мемуарные источники. В то же время нам удалось получить ценные сведения о ходе боя, не нашедшие отражения в воспоминаниях.

Еще одним местом проведения экспедиций стал район железнодорожного моста у с. Романовка Романовского района Саратовской области. Интересующий нас участок – оборонительные позиции бело-зеленых войск, расположенные северозападнее села по обе стороны железнодорожного полотна на склонах оврага Баклуши. Позиции представляют из себя цепь ростовых окопов, соединенных ходами сообщения. Предусматривалось шесть пулеметных точек, кроме того, по воспоминаниям старожилов, в конце железнодорожной выемки находился станковый пулемет. Белые поливали шпалы керосином, боясь прорыва войск противника по мосту¹.

Именно на этом участке происходило наступление на село одного из подразделений красного 14-го Ртищевского стрелкового полка. Вот как описывает события командир полка, в будущем – генерал-полковник, Михаил Семенович Хозин:

«Для прикрытия своего фланга командование 7 казачьей дивизии в село и на станцию Романовка выслало до двухсот казаков. В Романовке к казакам присоединились “зеленые”, так именовали в те годы дезертиров. Белогвардейцы заняли оборону по западной окраине села и станции, упирая фланги в реку Большой Карай.

14-й Ртищевский полк в это время был разбросан. Первый и третий батальоны несли охрану железнодорожных станций от Борисоглебска и Козлова до Пензы. В Кирсанове оставался только второй батальон. Второй батальон, усиленный бронелетучкой, взводом конных разведчиков, получил задачу под моим командованием подавить восстание в Романовке.

В эшелоне с бронелетучкой он прибыл на станцию Мучкап, оттуда ночью, под прикрытием бронелетучки, подошел к Романовке и остановился в трех километрах от станции. Выгрузился. Послали разведку. Разведка установила позиции, фланги, доложила, что казаки и «зеленые» чувствуют себя спокойно и уверенно. Оценив обстановку, я принял решение: четвертой ротой наступать на станцию вдоль железной дороги, а пятой и шестой ротами нанести удар во фланг и тыл врага с севера. Бронелетучка получила задачу поддерживать огнем орудий и пулеметов наступление батальона, конный взвод – вести разведку на флангах и в тылу противника, немедленно доносить о появлении его новых сил.

...На рассвете начался бой. В первый час противник оказал довольно сильное сопротивление. Четвертая рота подошла к оврагу на западной окраине станции, попала под перекрестный ружейно-пулеметный огонь, залегла, вступила в огневой бой. Пятая и шестая роты продолжали обходное движение, но их наступление держала река Большой Карай. Она не так широка, но глубокая. Перепрыгнуть ее невозможно. Пришлось красноармейцам из подсобных материалов делать плоты и на них переправляться через реку. Переправившись, роты пошли в наступление. Пятая взяла направление на центр, а шестая – в обход села и на станцию. Этот маневр решил исход боя. Казачьи сотни начали отходить к мосту, через реку, а две роты «зеленых», побросав оружие, кинулись врассыпную.

...Белоказаки отходили к железнодорожному мосту. У нас возникло подозрение, что они могут его взорвать. Был отдан приказ бронелетучке с десантной ротой овладеть мостом и не дать его взорвать. Когда летучка подходила, казаки открыли по ней огонь и подожгли мост. Взорвать его они не могли: у них не было взрывчатки. Машинист бронелетучки Мясников растерялся, не повел ее через горящий мост – паровоз не был бронирован. Я в свое время окончил железнодорожное училище. Увидев растерянность машиниста, вскочил на паровоз, провел

¹ Грабенко В. И. Романовский район и его история: региональная энциклопедия: в 2 ч. Ч. 1. Саратов, 2014. С. 157.

летучку через пламень моста, а потом мы уничтожили огонь. На мосту сгорели только дощатый настил и брусья, на которых крепились рельсы. Его быстро восстановили, и движение по железной дороге не прекращалось»¹.

На данной территории шурфовка не производилась из-за дефицита времени, членам поискового отряда пришлось ограничиться лишь сбором верхового материала.

При работе обратило на себя внимание разнообразие типов гильз и пуль от стрелкового оружия, обнаруженных как непосредственно на позициях, так и перед ними. Это винтовки Мосина, Арсака, Ли-Энфилд, Маузер, Манлихер, Бердан, Гра, Веттерли-Витали, револьверы Наган и Велодог, пистолеты Браунинг калибра 7,65 мм и 9 мм. Данное обстоятельство вполне закономерно, – ни о каком единообразии в вооружении крестьянских повстанцев говорить не приходится. Интересным выглядит то, что и атакующие красноармейцы использовали винтовки различных систем. В полосе наступления попадаются вперемешку как гильзы от винтовки Мосина, так и относящиеся к итальянской винтовке Веттерли-Витали. Кроме того, было найдено устье ножен штык-ножа, относящееся именно к винтовке Веттерли. На наш взгляд, данный факт можно объяснить тем, что полк был сформирован в октябре 1918 г. и до лета 1919 г. в основном занимался охраной железнодорожных объектов².

Интересные наблюдения позволило сделать обследование склона, находящегося за позициями бело-зеленых войск. Буквально в ряд, на расстоянии в десяток метров, были найдены: поясная бляха Русской Императорской армии и в нескольких сантиметрах слева от нее целые патроны к винтовке Мосина, лежащие в обоймах (видимо, это был ремень с надетым на него подсумком), следом – группа пряжек, выполненных из железа, предположительно являвшихся сухарной сумкой. Очевидно, вырисовывается картина панического бегства, которая подтверждается мемуарными источниками. Как любопытный факт отметим использование «зелеными» повстанцами атрибутики императорской армии.

Сбор верхового материала показал слабую работу артиллерии красных по позициям противника. На всем обследуемом участке удалось установить лишь два места попадания снарядов, причем один из них был осколочным, а другой – шрапнельным, оба – калибра 76 мм.

В настоящий момент обследование всего поля боя не завершено. Более или менее удовлетворительно изучена лишь территория перед оборонительными позициями. Однако полученные результаты позволяют в полной мере подтвердить мемуарные свидетельства.

Работая с краеведческой литературой, члены поискового отряда обратили особое внимание на упоминание гибели в боях под Балашовом интернационального полка³. В воспоминаниях артиллерийского наблюдателя 11-го легкого артдивизиона Петра Андреевича Татаринцева содержится следующая информация: «...Под Балашовом, не помню название хутора, занимал позицию национальный стрелковый полк, если мне память не изменяет, 99 национальный полк. ...Его окружила белая конница около полка, но красноармейцы не имея патронов героически сражались. Они били белых штыками, прикладами. Но белые имели больше сил, и часть красноармейцев вырубали, а остальных забрали в плен и угнали в Балашов»⁴.

¹ Октябрь и судьбы людские // Ленинец (Кирсанов Тамбовской обл.). 1967. 8 августа.

² Там же.

³ Балашовская партийная организация за 50 лет Советской власти. Из фондов Балашовского краеведческого музея. НВСП 5874.

⁴ Татаринцев П. А. Воспоминания. Из фондов Балашовского краеведческого музея. БКМ 3/53(4).

Ряд исследователей считает, что местом боя был Тростянский луг – участок между городом Балашовом и селом Тростянка. Кроме того, имеются неподтвержденные свидетельства, что именно в этом месте казачьим частям удалось прорвать оборону красных. Поисковый отряд решил провести здесь разведку. На сегодняшний день Тростянский луг довольно сильно зарос камышом, что значительно затрудняет поиск и сужает обследуемую территорию. Кроме того, часть луга занимают дачи.

При исследовании нескольких участков местности были обнаружены гильзы от винтовки Мосина периода Гражданской войны, однако их количество не позволяет говорить о серьезном бое. Не было обнаружено ни одного предмета свидетельствующего о рукопашной схватке.

В то же время, одной из групп поисковиков удалось найти ранее не известные оборонительные позиции, расположенные на окраине города. В данном случае окопы не образуют единой линии, а расположены на высотах группами по 5-7 ростовых ячеек. Огонь с этой позиции велся в направлении Тростянского луга, о чем говорит как местонахождение позиции, так и расположение винтовочного настрела (винтовка выбрасывает гильзу вправо). Кстати, на данных позициях вновь абсолютное первенство принадлежит русской трехлинейке.

На склонах высот найдено большое количество винтовочных пуль – свидетельство ответного огня атакующих. Как примечательный факт отметим обнаружение в склоне шести пуль Минье, относящихся к XIX веку. Однако связывать эту находку с периодом Гражданской войны, на наш взгляд, нет оснований.

Позиции использовались продолжительное время и были неплохо обжиты. Об этом говорят как многочисленные осколки посуды, так и находка керосиновой лампы.

Таким образом, в данном случае догадка о месте гибели интернационального полка не подтвердилась. Но обнаружение новых позиций открывает некоторые перспективы для дальнейших исследований.

Подводя итог, хочется отметить, что прошедший сезон доказал эффективность экспедиционной работы на местах боев: пополнена база исторических знаний о рассматриваемом периоде, установлен ход локальных событий Гражданской войны. В следующем сезоне поисковый отряд «Южный фронт» продолжит эту работу. Уже определены перспективные места для поиска, ведется активное изучение источников и краеведческой литературы.

ЕЩЁ РАЗ О ГЕРОЯХ-САРАТОВЦАХ

Героям земли Саратовской, прославившим доблестью и мужеством нашу Родину, посвящено немало исследований и справочных материалов.

Одним из первых уделил внимание этой проблеме Н. М. Румянцев¹. Он изложил краткие биографии 280 Героев Советского Союза, родившихся или проживавших в границах современной Саратовской области. Тогда же появилась информация о 17 саратовцах – полных кавалерах ордена Славы в сборнике очерков «Созвездие славных»². Однако упомянутые труды содержали много неточностей.

Более достоверные сведения содержатся в фундаментальных биографических словарях о советских героях, изданных в конце прошлого века. Имеются в них и справочные материалы, которые многое уточняют о саратовцах³. Например, в приложении к словарю о кавалерах ордена Славы трех степеней опубликован список лиц, лишенных звания Героя Советского Союза за различные преступления, в их числе и саратовец – уроженец с. Балтай А. Н. Логинов⁴.

Следует также отметить книгу участника Великой Отечественной войны, полковника в отставке Н. Н. Тимонина⁵, который вслед за Н. М. Румянцевым собрал воедино биографии Героев Советского Союза и Героев Российской Федерации как уроженцев земли Саратовской, так и тех, кто учился, работал, жил или живет в Саратовской области, всего – 840 человек.

Тем не менее, уточнённые данные не всегда берутся во внимание современными авторами. Так в изданной в 2002 г. «Энциклопедии Саратовского края» приводится список 27 Героев Советского Союза⁶, родившихся в областном центре. Однако трое Героев из списка (В. К. Венцов (Венцель), А. И. Куприянов и П. Т. Пономарев) были уроженцами области. Ещё два – К.В. Иванов (г. Новосибирск) и И. Н. Посадский (Владимирская область) – только проживали в Саратове. Например, И. Н. Посадский лишь несколько месяцев проходил службу в штабе Приволжского военного округа, размещавшегося в годы войны в г. Саратове⁷. В тоже время в списке не оказалось уроженцев Саратова Б. В. Громова и Б. Н. Еремина, хотя в энциклопедии есть о них статьи⁸. Не претерпело изменений в этом плане и второе издание «Энциклопедии Саратовского края»⁹.

¹ Румянцев Н. М. Люди легендарного подвига. Краткие биографии и описания подвигов Героев Советского Союза – тех, кто родился, жил и живет в Саратовской области. Саратов, 1968.

² Созвездие славных. Саратов, 1967.

³ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь в 2 т. Т. 1. М., 1987; Т. 2. М., 1988; Кавалеры ордена Славы трех степеней. Краткий биографический словарь. М., 2000.

⁴ Кавалеры ордена Славы трех степеней. С. 698.

⁵ Тимонин Н. Н. Подвиги во имя Отечества бессмертны. Саратов, 2006.

⁶ Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002. С. 305–309. Похожий список на основе работы Н.М. Румянцева был опубликован также в: Книга памяти: Саратовская область (г. Саратов). Т. 1. Саратов, 1994. С. 144 (вклейка 3).

⁷ Герои Советского Союза. Т. 2. С. 312.

⁸ Энциклопедия Саратовского края. Саратов, 2007. С. 309–310. Генерал-полковнику Б. В. Громову звание Героя Советского Союза присвоено в 1988 г., генерал-лейтенанту авиации Б. Н. Ерёмин звание Героя Советского Союза присвоено в 1990 г.

⁹ Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов, 2011.

В дополнение к перечисленным источникам и литературе следует добавить труд Г. А. Малинина с фактами увековечения ратных подвигов саратовцев-героев, а также книги В. И. Вардугина и Е. К. Максимова с данными о памятных досках и улицах с именами Героев Советского Союза¹.

В целом же, имеющееся на сегодня информация позволяют сделать вывод, что Героями Советского Союза и Героями Российской Федерации – уроженцами Саратова и Саратовской области – являются 268 человек. Кроме того, биографии некоторых лиц требуют уточнения из-за расхождения данных о месте рождения (см. табл. 1)

Таблица 1

Расхождения в месте рождения Героев Советского Союза

№ п/п	ФИО	Прежние данные, источник	Уточненные данные, источник
1.	Боженко Александр Гаврилович	р.п. Алексеевка, Хвалынского р-на, [5, с. 64]	с. Новониколаевка Харьковской обл. [1, с. 178]
2.	Венцов Владимир Кириллович (Венцель Вольдемар Карлович)	г. Саратов [5, с. 82]	с. Орловское Марковского р-на [«Взгляд», 2010, 13-19 мая]
3.	Гавва Иван Степанович	с. Федоровка Федоровского р-на [5, с.86]	пос. Мокроус Федоровского р-на [1, с.298]
4.	Ерошкин Валентин Кириллович	с. Озинки Духовницкого р-на [5, с. 152]	с. Озёрки Духовницкого р-на [6, с.73]
5.	Калинкин Борис Тихонович	г. Ртищево [5, с. 202]	с. Дубасово Бековского р-на Пензенской обл. [1, с. 614]
6.	Коннов Василий Дмитриевич	с.Кологривовка Татищевского р-на [5, с.238]	г. Саратов [1, с. 715]
7.	Куприянов Алексей Иванович	г. Саратов [5, с. 262]	пос. Подгорное Саратовского р-на [1, с. 821]
8.	Лапщёв Анатолий Алексеевич	с. Идолга Татищевского р-на [5, с. 270]	г. Саратов [1, с. 845]
9.	Пушкин Ефим Григорьевич	с. Крутец Ртищевского р-на [5, с. 410]	ст. Новотроицкая Ставропольского края [2, с. 336]
10.	Терещенко Михаил Кондратьевич	совхоз № 93 Энгельского р-на [5, с. 490]	с. Балясное Полтавской области [2, с. 571]
11.	Тихомиров Александр Васильевич	х. Конный Балашовского р-на [5, с. 492]	ст. Лисий Нос Ленинградской обл. [2, с. 581]
12.	Хохлачев Борис Тихонович	с. Сосновка Татищевского р-на [5, с. 534].	с. Сосновка Саратовского р-на [2, с. 692].

Следовательно, предлагается исключить из саратовского списка А. Г. Боженко, М. К. Терещенко и Б. Т. Калинкина. Продолжить изучение биографии А. В. Тихомирова, так как существуют косвенные данные об ошибочной приписке его к Ленинградской области. Такая ошибка, например, была установлена в отношении Е. Г. Пушкина, биография которого была уточнена у его родственников.

Следует также принять во внимание, что Героев увековечивали их земляки, которые, конечно же, их хорошо знали. Так, в 1964 г. установлен памятник в

¹ Малинин Г. А. Памятники и памятные места Саратовской области. Саратов, 1979. С. 115–141; Вардугин В. И. Мемориальные доски рассказывают. Саратов, 1985. С. 55–95, 100–101; Максимов Е. К. Имя твоей улицы. Саратов, 2007. С. 177–189.

с. Федоровка Федоровского района И. С. Гавве, а в 2010 г. в Марксе памятник В. К. Венцову (Венцелю). Именем А. А. Лапшёва названа улица в г. Татищево. Имя Б. Т. Калинкина носит улица в Ртищеве, где тот провёл детство, а также улица в Пятигорске, где герой работал на авиационном предприятии.

Исходя из основополагающего положения о том, что любовь к Родине начинается с любви к родному краю, его природе и истории, к его людям, к его памятникам, автор надеется на продолжение поисковой работы, в первую очередь, учащейся молодежью, во всех населенных пунктах нашей области.

Таблица 2

Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации – уроженцы Саратовской области

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
Александровгайский район			
1.	Глухов Федор Дмитриевич	с. Александров Гай	[5, с. 98; 1, с. 329]
Аркадакский район			
1.	Агешин Григорий Севастьянович	с. Большая Журавка	[5, с. 26; 1, с. 28]
2.	Букоткин Ефим Егорович	с. Ольгино	[5, с. 70; 1, с. 215]
3.	Гнусарев Александр Яковлевич	с. Алексеевка	[5, с. 100; 1, с. 332]
4.	Зенин Илларион Степанович	г. Аркадак	[5, с. 172; 1, с. 546]
5.	Кабанов Владимир Егорович	с. Большая Журавка	[5, с. 194; 1, с. 597]
6.	Каплунов Илья Макарович	п. Чапушка	[5, с. 204; 1, с. 621]
7.	Каштанов Алексей Константинович	д. Осиновка	[5, с. 210; 1, с. 641]
8.	Лапушкин Анатолий Семенович	д. Ходаковка	[5, с. 268; 1, с. 845]
9.	Лобачев Николай Гаврилович	с. Софьино	[5, с. 278; 1, с. 880]
10.	Мачин Михаил Григорьевич	с. Летяжевка	[5, с. 308; 2, с. 60]
11.	Хохлов Петр Васильевич	с. Баклуши	[5, с. 536; 2, с. 693]
12.	Шаталин Иван Иванович	с. Летяжевка	[5, с. 552; 2, с. 762]
13.	Шелухин Николай Прокофьевич	с. Львовка	[5, с. 556; 2, с. 775]
Аткарский район			
1.	Антонов Владимир Семенович	разъезд Капеллы	[5, с. 34; 1, с. 68]
2.	Безбоков Владимир Михайлович	г. Аткарск	[5, с. 50; 1, с. 135]
3.	Васильев Федор Андреевич	с. Лопуховка	[5, с. 80; 1, с. 248]
4.	Галкин Виктор Павлович	г. Аткарск	[5, с. 90; 1, с. 307]
5.	Зелепукин Иван Григорьевич	г. Аткарск	[5, с. 168; 1, с. 544]
6.	Лацков Николай Сергеевич	г. Аткарск	[5, с. 272; 1, с. 861]
7.	Мельников Петр Андреевич	г. Аткарск	[5, с. 312; 2, с. 70]
8.	Носов Александр Михайлович	д. Щербаковка	[5, с. 344; 2, с. 181]
9.	Платицин Владимир Васильевич	с. Малые Копены	[5, с. 372; 2, с. 276]
10.	Поцелуев Иван Николаевич	г. Аткарск	[2, с. 316]
Базарнокарабулакский район			
1.	Блинов Павел Федорович	с. Вязовка	[5, с. 56; 1, с. 167]
2.	Босов Алексей Петрович	с. Сухой Карабулак	[5, с. 66; 1, с. 197]
3.	Казаков Михаил Николаевич	с. Максимовка	[5, с. 198; 1, с. 603]
4.	Карпов Виктор Ефимович	с. Ершовка	[5, с. 208; 1, с. 632]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
5.	Климов Николай Иванович	с. Землянки	[1, с. 665]
6.	Кудашев Идрис Моисеевич	с. Яковлевка	[5, с. 250; 1, с. 792]
7.	Маркелов Николай Степанович	с. Максимовка	[5, с. 300; 2, с. 38]
8.	Павлов Николай Дмитриевич	с. Березовка	[5, с. 358; 2, с. 221]
9.	Полещиков Николай Иванович	с. Новая Жуковка	[5, с. 382; 2, с. 292]
10.	Ситов Иван Никитович	с. Липовка	[5, с. 480; 2, с. 554]
Балаковский район			
1.	Кузнецов Константин Григорьевич	г. Балаково	[5, с. 252; 1, с. 802]
2.	Мельников Василий Иванович	с. Казённая Маянга	[5, с. 310; 2, с. 69]
3.	Морозов Григорий Константинович	с. Ивановка	[5, с. 326; 2, с. 113]
4.	Остапенко Степан Кузьмич	с. Дмитриевка	[5, с. 356; 2, с. 213]
5.	Полынин Федор Петрович	с. Сухой Отрог	[2, с. 297]
6.	Пырков Юрий Иванович	г. Балаково	[5, с. 412; 2, с. 337]
7.	Тарасов Дмитрий Захарович	с. Большой Кушум	[5, с. 486; 2, с. 561]
8.	Шишкин Яков Васильевич	с. Алексеевка	[5, с. 562]; 2, с. 788]
Балашовский район			
1.	Анохин Сергей Григорьевич	г. Балашов	[5, с. 30; 1, с. 64]
2.	Антонов Василий Петрович	с. Рассказань	[5, с. 32; 1, с. 68]
3.	Быковский Виктор Иванович	с. Терновка	[1, с. 231]
4.	Гарнаев Юрий Александрович	г. Балашов	[5, с. 94; 1, с. 314]
5.	Певунов Виктор Иванович	с. Пады	[5, с. 366; 2, с. 244]
6.	Привалов Иван Михайлович	с. Алмазово	[5, с. 400; 2, с. 318]
7.	Ревякин Василий Дмитриевич	с. Данилкино	[5, с. 424; 2, с. 350]
8.	Рыбаков Николай Степанович	д. Николаевка	[5, с. 432; 2, с. 386]
9.	Сергеев Всеволод Павлович	с. Родничок	[5, с. 448; 2, с. 442]
10.	Сорокин Борис Григорьевич	г. Балашов	[5, с. 466; 2, с. 506]
11.	Фомин Николай Иванович	с. Безлесное	[5, с. 524; 2, с. 661]
12.	Хользунов Алексей Иванович	с. Пады	[5, с. 532; 2, с. 689]
13.	Ястребов Александр Георгиевич	г. Балашов	[2, с. 839]
Балтайский район			
1.	Бахарев Иван Иванович	с. Донгуз	[5, с. 48; 1, с. 130]
2.	Буслаев Иван Ефимович	с. Всеволодчино	[5, с. 72; 1, с. 223]
3.	Красильников Иван Павлович	с. Балтай	[5, с. 248; 1, с. 771]
4.	Логинов Александр Николаевич	с. Царевщина (или в с. Балтай)	[3, с. 698]
5.	Локтев Иван Яковлевич	с. Донгуз	[5, с. 282; 1, с. 886]
6.	Михайлов Василий Васильевич	с. Кикино	[5, с. 320; 2, с. 92]
7.	Мороз Николай Никифорович	с. Балтай	[5, с. 324; 2, с. 111]
8.	Овсянников Николай Иванович	с. Донгуз	[5, с. 352; 2, с. 187]
9.	Радаев Иван Александрович	с. Садовка	[5, с. 414; 2, с. 340]
Вольский район			
1.	Анучкин Петр Яковлевич	с. Белогорное	[5, с. 36; 1, с. 71]
2.	Балакин Николай Пименович	с. Самодуровка	[1, с. 110]
3.	Белов Василий Тимофеевич	г. Вольск	[1, с. 141]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
4.	Богатов Павел Михайлович	с. Терса	[5, с. 58; 1, с. 171]
5.	Глазыкин Николай Георгиевич	с. Колояр	[5, с. 96; 1, с. 327]
6.	Евсеев Александр Александрович	с. Нижняя Чернавка	[5, с. 136; 1, с. 463]
7.	Егоров Сергей Владимирович	г. Вольск	[5, с. 142; 1, с. 470]
8.	Замчалов Петр Иванович	д. Осиновка	[5, с. 160; 1, с. 530]
9.	Зудлов Сергей Анфиногенович	с. Белогорное	[5, с. 174; 1, с. 559]
10.	Казаков Григорий Петрович	с. Широкий Буерак	[5, с. 196; 1, с. 603]
11.	Маресева Зинаида Ивановна	с. Черкасское	[5, с. 296; 2, с. 37]
12.	Мустафин Михаил Андреевич	г. Вольск	[5, с. 328; 2, с. 129]
13.	Назаров Александр Александрович	д. Малая Лопуховка	[5, с. 332; 2, с. 138]
14.	Плеханов Алексей Филиппович	с. Покурлей	[5, с. 376; 2, с. 278]
15.	Поляков Иван Матвеевич	г. Вольск	[5, с. 384; 2, с. 298]
16.	Потрясов Петр Алексеевич	с. Терса	[5, с. 396; 2, с. 315]
17.	Разин Иван Петрович	с. Богородское	[5, с. 416; 2, с. 343]
18.	Раков Александр Васильевич	с. Улыбовка	[5, с. 420; 2, с. 344]
19.	Рябов Константин Андреевич	г. Вольск	[5, с. 434; 2, с. 394]
20.	Селиверстов Федор Петрович	с. Куликовка	[5, с. 446; 2, с. 443]
21.	Силантьев Михаил Николаевич	с. Широка	[5, с. 454; 2, с. 461]
22.	Соловьев Михаил Георгиевич	с. Ключи	[5, с. 464; 2, с. 501]
23.	Сухов Николай Дмитриевич	г. Вольск	[5, с. 478; 2, с. 548]
24.	Талалихин Виктор Васильевич	с. Тепловка	[5, с. 482; 2, с. 556]
25.	Теплов Михаил Петрович	г. Вольск	[3, с. 694]
26.	Токарев Сергей Дмитриевич	г. Вольск	[5, с. 498; 2, с. 589]
27.	Фадеев Алексей Иванович	с. Широкий Буерак	[5, с. 516; 2, с. 636]
28.	Хальзов Виктор Степанович	г. Вольск	[5, с. 526; 2, с. 673]
29.	Богдан Сергей Леонидович	г. Вольск	Герой РФ Ук.Пр.РФ 26.05.2011.
30.	Петров Александр Петрович	г. Вольск	Герой РФ Ук.Пр.РФ № 230 21.02.2008
Воскресенский район			
1.	Клочков Василий Дмитриевич	с. Синодское	[5, с. 222; 1, с. 667]
2.	Читалин Михаил Иванович	с. Воскресенское	[5, с. 544; 2, с. 738]
Дергачевский район			
1.	АхмировКазим	с. Алтата	[1, с. 93]
2.	Донукало Алексей Федорович	с. Новоросляевка	[5, с. 124; 1, с. 441]
3.	Доценко Василий Данилович	с. Камышево	[5, с. 130; 1, с. 443]
4.	Кордашенко Юрий Борисович	с. Дергачи	[5, с. 242; 1, с. 627]
5.	Наконечников Александр Георгиевич	с. Дергачи	[5, с. 334; 2, с. 141]
Духовницкий район			
1.	Грибанов Николай Васильевич	с. Брыковка	[5, с. 108; 1, с. 369]
2.	Ерошкин Валентин Кириллович	с. Озинки	[5, с. 152; 1, с. 487]
3.	Лавров Виктор Иванович	с. Софьинка	[5, с. 264; 1, с. 837]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
4.	Луговцев Николай Иванович	с. Никольское	[1, с. 811]
5.	Темнов Виктор Пахомович	с. Богородское	[2, с. 567]
Екатериновский район			
1.	Данилов Алексей Васильевич	с. Вязовый Враг	[5, с. 120; 1, с. 405]
2.	Ермолаев Григорий Дмитриевич	д. Шиловка	[5, с. 148; 1, с. 485]
3.	Заварин Григорий Антонович	с. Сластуха	[5, с. 156; 1, с. 517]
4.	Моисеев Александр Петрович	д. Новая Жуковка	[2, с. 103]
5.	Образцов Иван Васильевич	с. Бакуры	[5, с. 346; 2, с. 184]
6.	Прохоров Николай Федорович	с. Галахово	[5, с. 404; 2, с. 326]
7.	Федоров Алексей Захарович	х. Кондрашов	[5, с. 518; 2, с. 641]
8.	Фильков Василий Петрович	с. Сластуха	[5, с. 522; 2, с. 656]
Ершовский район			
1.	Зуев Михаил Александрович	с. Перекопное	[5, с. 176; 1, с. 560]
2.	Киреев Виктор Иванович	с. Перекопное	[5, с. 212; 1, с. 649]
3.	Сергеев Петр Егорович	с. Каменная Сарма	[5, с. 450; 2, с. 443]
4.	Спирин Василий Романович	с. Александрия	[5, с. 470; 2, с. 512]
5.	Трифонов Иван Михайлович	с. Миусс	[5, с. 502; 2, с. 599]
6.	Цибенко Григорий Федорович	с. Чугунка	[2, с. 702]
7.	Шкунов Михаил Алексеевич	с. Малый Перелаз	[5, с. 564; 2, с. 791]
Ивантеевский район			
1.	Дрёмов Иван Федорович	с. Ишковка	[5, с. 132; 1, с. 445]
2.	Кузьмин Василий Михайлович	с. Николаевка	[5, с. 258; 1, с. 808]
3.	Толстов Петр Егорович	с. Ишковка	[5, с. 500; 2, с. 592]
Калининский район			
1.	Власенко Николай Поликарпович	с. Широкий Уступ	[5, с. 84; 1, с. 271]
2.	Епишкин Михаил Поликарпович	д. Чихачёвка	[5, с. 146; 1, с. 480]
3.	Коковкин Иван Григорьевич	д. Анно-Успенка	[5, с. 200; 1, с. 607]
4.	Козлов Александр Герасимович	д. Любовка	[5, с. 228; 1, с. 684]
5.	Куманичкин Александр Сергеевич	г. Калининск	[1, с. 819]
6.	Подгайнов Степан Ильич	г. Калининск	[5, с. 380; 2, с. 284]
Красноармейский район			
1.	Кондаков Виктор Александрович	д. Обольяниновка, ныне с. Конданово	[5, с. 236; 1, с. 710]
2.	Скоморохов Николай Михайлович	с. Белогорское	[5, с. 16; 2, с. 475]
3.	Танцоров Григорий Васильевич	с. Золотое	[5, с. 484; 2, с. 557]
Краснокутский район			
1.	Симоненко Александр Федорович	с. Карпенка	[2, с. 462]
2.	Харламов Сергей Ильич	г. Красный Кут	[5, с. 528; 2, с. 677]
Краснопартизанский район			
1.	Егоров Павел Иванович	с. Сулак	[5, с. 140; 1, с. 469]
2.	Иванов Иван Сергеевич	с. Сулак	[5, с. 180; 1, с. 570]
3.	Кульбякин Алексей Николаевич	с. Семеновка	[5, с. 260; 1, с. 818]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
4.	Наумов Илья Егорович	с. Родионовка	[5, с. 338; 2, с. 144]
5.	Хрущёв Иван Максимович	с. Большая Сакма	[2, с. 696]
Лысогорский район			
1.	Миронов Валентин Акимович	с. Урицкое	[5, с. 314; 2, с. 85]
2.	Осипов Василий Иванович	с. Юнгеровка	[5, с. 354; 2, с. 209]
3.	Тихонов Константин Андреевич	д. Воробьевка	[5, с. 496; 2, с. 583]
4.	Тюсин Николай Максимович	с. Шереметьевка	[2, с. 618]
5.	Шаменков Иван Фролович	с. Большая Рельня	[5, с. 550; 2, с. 753]
Марксовский район			
1.	Венцель Вальдемар Карлович (Венцов Владимир Кириллович)	с. Орловское	[5, с. 82; 1, с. 256]
Новобурасский район			
1.	Бочкарёв Михаил Степанович	с. Новые Бурасы	[5, с. 68; 1, с. 200]
2.	Буянов Виктор Николаевич	пос. Вихляйка	[5, с. 74; 1, с. 228]
3.	Загороднев Василий Иванович	с. Лох	[5, с. 158; 1, с. 520]
Новоузенский район			
1.	Копылов Михаил Васильевич	с. Пограничное	[5, с. 240; 1, с. 723]
2.	Райкунов Александр Васильевич	с. Киевка	[5, с. 418; 2, с. 344]
3.	Шилин Афанасий Петрович	с. Петропавловка	[5, с. 20; 2, с. 781]
4.	Щеглов Степан Степанович	с. Куриловка	[5, с. 568; 2, с. 810]
Озинский район			
1.	Малин Константин Яковлевич	с. Малаховка	[5, с. 294; 2, с. 24]
2.	Масленников Иван Иванович	ж.ст. Чалыкла	[5, с. 304; 2, с. 49]
Перелюбский район			
1.	Перетрухин Василий Зиновьевич	д. Аннин-Верх	[5, с. 368; 2, с. 248]
Петровский район			
1.	Баксов Алексей Иванович	с. Большая Камышинка	[5, с. 44; 1, с. 109]
2.	Дёмин Николай Александрович	д. Кожевино	[5, с. 126; 1, с. 416]
3.	Панфилов Иван Васильевич	г. Петровск	[5, с. 360; 2, с. 232]
4.	Шамаев Павел Степанович	г. Петровск	[5, с. 548; 2, с. 753]
5.	Ягудин Керим Мусьякович	с. Новая Усть-Уза	[5, с. 574; 2, с. 826]
Питерский район			
1.	Иванов Петр Михеевич	с. Новотулка	[5, с. 186; 1, с. 573]
2.	Ломакин Алексей Яковлевич	с. Моршанка	[5, с. 284; 1, с. 886]
3.	Решетников Николай Михайлович	с. Агафоновка	[5, с. 426; 2, с. 356]
4.	Рябов Сергей Иванович	с. Моршанка	[5, с. 436; 2, с. 394]
5.	Соколов Юрий Сергеевич	с. Малый Узень	[5, с. 462; 2, с. 497]
Пугачевский район			
1.	Андрющенко Сергей Александрович	с. Новопавловка	[5, с. 28; 1, с. 61]
2.	Данилов Алексей Степанович	г. Пугачев	[5, с. 122; 1, с. 406]
3.	Доронин Иван Васильевич	с. Каменка	[5, с. 122; 1, с. 442]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
4.	Еромасов Петр Федорович	г. Пугачев	[5, с. 150; 1, с. 486]
5.	Кочергин Федор Васильевич	д. Селезниха	[5, с. 246; 1, с. 757]
6.	Лободин Иван Иванович	с. Старая Порубежка	[5, с. 280; 1, с. 881]
7.	Лютиков Евгений Кузьмич	г. Пугачев	[5, с. 288; 2, с. 5]
8.	Михуткин Михаил Андреевич	с. Рахмановка	[2, с. 98]
9.	Пименов Василий Маркелович	с. Преображенка	[2, с. 270]
10.	Прохоров Василий Иванович	с.Ново-Шиншиновка	[5, с. 402; 2, с. 325]
11.	Пушкарёв Сергей Филиппович	с. Любичское	[5, с. 408; 2, с. 335]
12.	Синьков Сергей Михайлович	с. Карловка	[5, с. 458; 2, с. 466]
Романовский район			
1.	Белозерцев Николай Александрович	с. Большой Карай	[5, с. 52; 1, с. 143]
2.	Оводов Яков Леонтьевич	с. Мордовский Карай	[5, с. 350; 2, с. 186]
3.	Сидорин Василий Николаевич	с. Бык	[5, с. 452; 2, с. 456]
4.	Сосин Николай Федорович	с. Большой Карай	[5, с. 468; 2, с. 509]
5.	Чиркин Павел Иванович	с. Подгорное	[5, с. 542; 2, с. 736]
6.	Шейн Павел Степанович	с. Дружино	[5, с. 554; 2, с. 773]
Ртищевский район			
1.	Богомоллов Николай Тимофеевич	д. Оленевка	[5, с. 60; 1, с. 176]
2.	Гоголев Виктор Леонтьевич	с. Елань	[5, с. 102; 1, с. 334]
3.	Гордеев Владимир Петрович	с. Урусово	[5, с. 106; 1, с. 352]
4.	Гусев Василий Васильевич	с. Подгоренка	[5, с. 116; 1, с. 395]
5.	Климов Владимир Иванович	г. Ртищево	[5, с. 218; 1, с. 664]
6.	Комаров Георгий Осипович	д. Платцовка	[5, с. 234; 1, с. 706]
7.	Левин Александр Иванович	г. Ртищево	[5, с. 274; 1, с. 856]
8.	Маркелов Николай Григорьевич	д. Степановка	[5, с. 298; 2, с. 39]
9.	Михалёв Владимир Александрович	г. Ртищево	[5, с. 322; 2, с. 96]
10.	Поляков Владимир Фомич	с. Макарово	[2, с. 298]
11.	Пушкин Ефим Григорьевич	с. Крутец	[5, с. 410; 2, с. 336]
12.	Свиридов Карп Васильевич	с. Чиганак	[5, с. 442; 2, с. 425]
13.	Трушин Василий Прокофьевич	с. Владыкино	[5, с. 508; 2, с. 605]
14.	Хирков Степан Игнатьевич	с. Елань	[5, с. 530; 2, с. 684]
Самойловский район			
1.	Колчев Николай Петрович	с. Николаевка	[5, с. 232; 1, с. 703]
2.	Маркин Федор Дмитриевич	с. Низовка	[5, с. 302; 2, с. 40]
3.	Масычев Иван Анисимович	с. Песчанка	[5, с. 306; 2, с. 52]
4.	Суорошников Михаил Матвеевич	с. Новоалександровка	[5, с. 474; 2, с. 544]
5.	Чалов Егор Михайлович	с. Криуша	[5, с. 538; 2, с. 709]
г. Саратов			
1.	Аврорский Николай Иванович		[5, с. 24; 1, с. 25]
2.	Аронова Раиса Ермолаевна		[5, с. 38; 1, с. 75]
3.	Батавин Петр Федорович		[5, с. 46; 1, с. 126]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
4.	Благодаров Константин Владимирович		[5, с. 24; 1, с. 166]
5.	Грибов Петр Иванович		[5, с. 110; 1, с. 369]
6.	Гришаев Виктор Иванович		[5, с. 112; 1, с. 376]
7.	Громов Борис Всеволодович		[4, с. 78]
8.	Еремин Борис Николаевич		[3, с. 683]
9.	Зарубин Владимир Степанович		[5, с. 162; 1, с. 532]
10.	Исаев Николай Викторович		Герой РФ [4, с. 113]
11.	Коннов Василий Дмитриевич		[5, с. 238; 1, с. 715]
12.	Кузнецов Николай Васильевич		[5, с. 254; 1, с. 803]
13.	Лапшѐв Анатолий Алексеевич		[5, с. 270; 1, с. 845]
14.	Лисин Сергей Прокофьевич		[5, с. 276; 1, с. 871]
15.	Луппов Евгений Алексеевич		[5, с. 286; 1, с. 895]
16.	Москинский Александр Иванович		[2, с. 119]
17.	Нургалиев Владимир Васильевич		Герой РФ [4, с. 182]
18.	Обухов Александр Афанасьевич		[5, с. 348; 2, с. 185]
19.	Плякин Александр Васильевич		[5, с. 378; 2, с. 282]
20.	Растяпин Василий Сергеевич		[4, с. 215]
21.	Рахов Виктор Георгиевич		[5, с. 422; 2, с. 349]
22.	Рогожин Василий Александрович		[5, с. 428; 2, с. 359]
23.	Сдобнов Николай Андреевич		[5, с. 444; 2, с. 427]
24.	Симбирцев Василий Никитович		[5, с. 456; 2, с. 462]
25.	Соколов Михаил Андрианович		[5, с. 460; 2, с. 496]
26.	Тархов Сергей Федорович		[5, с. 488; 2, с. 563]
27.	Трынин Александр Сергеевич		[5, с. 510; 2, с. 606]
28.	Уфимцев Константин Григорьевич		[5, с. 514; 2, с. 633]
29.	Чемодуров Вячеслав Иванович		[5, с. 540; 2, с. 714]
30.	Шатин Геннадий Николаевич		[2, с. 763]
Саратовский район			
1.	Караулов Василий Иванович	с. Синенькие	[5, с. 206; 1, с. 625]
2.	Котлов Николай Васильевич	с. Багаевка	[5, с. 244; 1, с. 752]
3.	Куприянов Алексей Иванович	пос. Подгорное	[5, с. 262; 1, с. 821]
4.	Митряков Алексей Васильевич	с. Рыбушка	[5, с. 318; 2, с. 90]
5.	Некрасов Александр Степанович	с. Пудовкино	[5, с. 340; 2, с. 148]
6.	Панченко Константин Павлович	с. Широкий Буерак	[5, с. 362; 2, с. 234]
7.	Путин Александр Дмитриевич	пос. Соколовый	[5, с. 406; 2, с. 334]
8.	Сарафанов Геннадий Васильевич	с. Синенькие	[2, с. 418]
9.	Хохлачев Василий Федорович	с. Сосновка	[5, с. 534; 2, с. 692]
10.	Южилин Александр Григорьевич	с. Рыбушка	[5, с. 570; 2, с. 820]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник*
Татищевский район			
1.	Васильев Владимир Андреевич	с. Кологривовка	[5, с. 78; 1, с. 244]
2.	Евтеев Иван Алексеевич	с. Вязовка	[5, с. 138; 1, с. 445]
3.	Мясников Евгений Александрович	с. Вязовка	[5, с. 330; 2, с. 134]
4.	Пономарев Петр Тихонович	с. Курдюм	[5, с. 386; 2, с. 301]
5.	Пресняков Иван Васильевич	с. Кологривовка	[5, с. 398; 2, с. 318]
6.	Шигаев Григорий Федорович	д. Кувыка	[5, с. 558; 2, с. 780]
Турковский район			
1.	Иванов Семен Максимович	с. Турки	[5, с. 188; 1, с. 574]
Федоровский район			
1.	Василенко Иван Андреевич	с. Семеновка	[5, с. 76; 1, с. 241]
2.	Гавва Иван Степанович	пос. Мокроус	[5, с. 86; 1, с. 298]
3.	Юнёв Александр Петрович	с. Красавка	[5, с. 572; 2, с. 821]
Хвалынский район			
1.	Агапов Сергей Тимофеевич	д. Варваровка	[1, с. 26]
2.	Агафонов Георгий Матвеевич	с. Елховка	[1, с. 26]
3.	Гамзин Владимир Васильевич	с. Акатная Маза	[5, с. 92; 1, с. 310]
4.	Грошев Леонид Петрович	с. Алексеевка	[5, с. 114; 1, с. 381]
5.	Кильдяков Михаил Андреевич	с. Новая Яблонка	[1, с. 648]
6.	Платонов Георгий Федорович	г. Хвалынский	[5, с. 374; 2, с. 276]
7.	Трубаченко Василий Петрович	с. Алексеевка	[5, с. 504; 2, с. 602]
8.	Ульянин Федор Иванович	с. Ульянино (Болтуново)	[5, с. 512; 2, с. 623]
8.	Фетняев Иван Тимофеевич	с. Старая Яблонка	[5, с. 520; 2, с. 650]
Энгельский район			
1.	Коваленко Петр Михайлович	г. Энгельс	[5, с. 224; 1, с. 676]
2.	Пономаренко Виктор Иванович	г. Энгельс	[5, с. 388; 2, с. 302]
3.	Суханов Виталий Федорович	г. Энгельс	[5, с. 476; 2, с. 545]
4.	Трункин Павел Ефимович	с. Приволжское	[5, с. 506; 2, с. 603]
5.	Шаргин Юрий Георгиевич	г. Энгельс	Герой РФ [4, с. 266]
6.	Шевченко Павел Анатольевич	г. Энгельс	Герой РФ [4, с. 270]

Таблица 3

Полные кавалеры ордена Славы, уроженцы Саратовской области

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник
1.	Байкин Алексей Романович	с. Репное Балашовского р-на	[3, с. 46]
2.	Безбородов Михаил Никифорович	с. Сосновка Саратовского р-на	[3, с. 55]
3.	Беспалов Ефим Петрович	с. Андреевка Екатериновского р-на	[3, с. 63]
4.	Боганов Борис Петрович	с. Черкасское Вольского р-на	[3, с. 68]
5.	Бушкин Петр Иванович	с. Малый Мелик Балашовского р-на	[3, с. 92]
6.	Власов Владимир Емельянович	г. Хвалынский	[3, с. 110]

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник
7.	Волков Александр Михайлович	г. Саратов	[3, с. 112]
8.	Волков Михаил Семенович	г. Балаково	[3, с. 113]
9.	Доценко Александр Данилович	с. Камышево Хвалынского р-на	[3, с. 173]
10.	Иванов Евдоким Арсентьевич	с. Черкасское Вольского р-на	[3, с. 221]
11.	Казаков Василий Александрович	с. Богородское Вольского р-на	[3, с. 235]
12.	Казаков Сергей Поликарпович	с. Рыбное Вольского р-на	[3, с. 250]
13.	Кликушин Александр Павлович	с. Леляевка Новобурасского р-на	[3, с. 262]
14.	Корольков Николай Петрович	д. Шубинка Калининского р-на	[3, с. 287]
15.	Красичков Григорий Иванович	с. Бобровка Петровского р-на	[3, с. 301]
16.	Кузнецов Василий Андреевич	с. Большая Марьевка Пугачевского р-на	[3, с. 312]
17.	Куров Василий Иванович	г. Новоузенск	[3, с. 320]
18.	Курышев Александр Васильевич	г. Ртищево	[3, с. 320]
19.	Латухин Семен Филиппович	г. Саратов	[3, с. 329]
20.	Лобанов Николай Степанович	с. Небезжино Лысогорского р-на	[3, с. 338]
21.	Нижегородцев Тимофей Леонтьевич	с. Чиганак Балашовского р-на	[3, с. 403]
22.	Никитин Геннадий Петрович	г. Вольск	[3, с. 405]
23.	Новосельцев Михаил Григорьевич	с. Букатовка Воскресенского р-на	[3, с. 409]
24.	Осипов Кузьма Андреевич	д. Н. Бегучи Петровского р-на	[3, с. 419]
25.	Пономарев Иван Федорович	с. Гремячка Новобурасского р-на	[3, с. 460]
26.	Пучков Григорий Степанович	с. Балаши Озинского р-на	[3, с. 474]
27.	Сергушов Василий Семенович	с. Чернышёвка Новобурасского р-на	[3, с. 518]
28.	Серещенко Иван Васильевич	пос. Романовка Романовского р-на	[3, с. 519]
29.	Скворцов Михаил Васильевич	с. Дубовое Духовницкого р-на	[3, с. 530]
30.	Соловьев Иван Николаевич	с. Березово Пугачевского р-на	[3, с. 539]
31.	Тараскин Владимир Дмитриевич	с. Малое Щербедино Романовского р-на	[3, с. 566]
32.	Токарев Алексей Павлович ¹	пос. Пригородное Петровского р-на	[3, с. 576]
33.	Ушаков Николай Никитович	г. Петровск	[3, с. 594]
34.	Фильчаков Михаил Иванович	с. Любичское Пугачевского р-на	[3, с. 603]
35.	Фофанов Павел Константинович	с. Барнаковка Балтайского р-на	[3, с. 605]
36.	Яковлев Григорий Васильевич	с. Матвеевка Балашовского р-на	[3, с. 668]

¹ В источнике (Кавалеры ордена Славы трех степеней: Краткий биографический словарь. М., 2000) Токарев А. П. указан как уроженец с. Снежковка Красавского р-на Саратовской обл. В настоящее время по одним данным – это пос. Снежковка Петровского р-на, по другим – в 1959г. Красавский район вошел в состав Самойловского р-на (Энциклопедия Саратовского края. С. 94).

Таблица 4

Полные кавалеры ордена Славы, проживавшие в Саратовской области

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник	Время проживания
1.	Бешнов Иван Михайлович	Пензенская обл.	[3, с. 64]	с 1945 г. г. Саратов
2.	Боряк Василий Семенович	Полтавская обл.	[3, с. 78]	1941–42 гг. г. Балашов
3.	Жарков Степан Петрович	Ярославская обл.	[3, с. 197]	с 1945 г. Ивантеевский р-н
4.	Имашев Каиргазы	Уральская обл.	[3, с. 230]	с 1945 г. Озинский р-н
5.	Колмыков Алексей Иванович	Башкирия	[3, с. 276]	с 1945 г. Пугачевский р-н
6.	Лобанов Тимофей Васильевич ¹	Пензенская обл.	[3, с. 338]	с 30-х гг. г. Саратов
7.	Московский Борис Иванович	Ярославская обл.	[3, с. 386]	с 1945 г. г. Саратов
8.	Тюляев Григорий Васильевич	Оренбургская обл.	[3, с. 587]	с 1966 г. г. Балаково

Таблица 5

Имена Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы на карте г. Саратова

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник	Район города
1.	Аронова Раиса Ермолаевна	г. Саратов	[1, с. 75]	Кировский
2.	Артемьев Федор Андреевич ²	Чувашия	[1, с. 79]	Кировский
3.	Батавин Петр Федорович	г. Саратов	[1, с. 126]	Ленинский
4.	Безбородов Михаил Никифорович ³	с. Сосновка Саратовского р-на	[3, с. 55]	Волжский
5.	Беспалов Ефим Петрович ⁴	с. Андреевка Екатеринбургского р-на	[3, с. 63]	Волжский
6.	Бешнов Иван Михайлович ⁵	Пензенская обл.	[3, с. 63]	Волжский
7.	Бирюзов Сергей Семенович	Рязанская обл.	[1, с. 163]	Кировский
8.	Благодаров Константин Владимирович	г. Саратов	[1, с. 166]	Ленинский
9.	Гагарин Юрий Алексеевич	Смоленская обл.	[1, с. 302]	Кировский
10.	Грибов Петр Иванович	г. Саратов	[1, с. 369]	Октябрьский
11.	Гришаев Виктор Иванович ⁶	г. Саратов	[1, с. 376]	Кировский
12.	Емлютин Дмитрий Васильевич	Брянская обл.	[1, с. 479]	Кировский, Фрунзенский

¹ В источнике (Кавалеры ордена Славы трех степеней: Краткий биографический словарь. М., 2000) Лобанов Н. С. указан не верно, как уроженец с. Небезжино Широко-Карамышского р-на Саратовской обл. В настоящее время это с. Небезжино Лысогорского р-на.

² Решение Администрации г. Саратова № 595 от 12.03.2014.

³ Решение Администрации г. Саратова № 114 от 24.04.2015.

⁴ Решение Администрации г. Саратова № 114 от 24.04.2015.

⁵ Решение Администрации г. Саратова № 114 от 24.04.2015.

⁶ Решение Администрации г. Саратова № 595 от 12.03.2014.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник	Район города
13.	Еремин Борис Николаевич ¹	г. Саратов	[3, с. 683]	Кировский
14.	Загороднев Василий Иванович	с. Лох Новобураского р-на	[1, с. 520]	Ленинский
15.	Зарубин Владимир Степанович	г. Саратов	[1, с. 532]	Волжский, Кировский
16.	Исаев Николай Викторович	г. Саратов	[4, с. 113]	Волжский
17.	Клочков Василий Георгиевич	с. Синодское Воскресенского р-на	[1, с. 667]	Октябрьский
18.	Космодемьянская Зоя Анатольевна	Тамбовская обл.	[1, с. 743]	Ленинский
19.	Крылов Николай Иванович	Пензенская обл.	[1, с. 786]	Ленинский
20.	Кузнецов Николай Васильевич ²	г. Саратов	[1, с. 803]	Кировский
21.	Куприянов Алексей Иванович	пос. Подгорное Саратовского р-на	[1, с. 821]	Ленинский
22.	Лисин Сергей Прокофьевич ³	г. Саратов	[1, с. 871]	Кировский
23.	Лобанов Тимофей Васильевич ⁴	Пензенская обл.	[3, с. 338]	Волжский
24.	Московский Борис Иванович ⁵	Ярославская обл.	[3, с. 386]	Волжский
25.	Новосельцев Михаил Григорьевич ⁶	с. Букатовка Воскресенского р-на	[3, с. 409]	Волжский
26.	Осипов Василий Иванович	с. Юнгеровка Лысогорского р-на	[2, с. 209]	Кировский
27.	Панфилов Иван Васильевич	г. Петровск Саратовской обл.	[2, с. 232]	Ленинский
28.	Плякин Александр Васильевич ⁷	г. Саратов	[2, с. 282]	Заводской
29.	Пономарев Петр Тихонович	с. Курдюм Татищевского р-на	[2, с. 301]	Заводской
30.	Посадский Иван Никитович	Владимирская обл.	[2, с. 312]	Волжский, Кировский
31.	Раскова Марина Михайловна	г. Москва	[2, с. 345]	Заводской
32.	Рахов Виктор Георгиевич	г. Саратов	[2, с. 349]	Кировский, Октябрьский, Фрунзенский
33.	Рогожин Василий Александрович	г. Саратов	[2, с. 359]	Волжский
34.	Ромаев Гаяз Галазкарлович	г. Уральск	[2, с. 365]	Волжский
35.	Серов Анатолий Константинович	Свердловская обл.	[2, с. 449]	Октябрьский
36.	Симбирцев Василий Никитич	г. Саратов	[2, с. 462]	Октябрьский

¹ Решение Администрации г. Саратова № 595 от 12.03.2014.

² Решение Администрации г. Саратова № 595 от 12.03.2014.

³ Решение Администрации г. Саратова № 595 от 12.03.2014.

⁴ Решение Администрации г. Саратова № 114 от 24.04.2015.

⁵ Решение Администрации г. Саратова № 114 от 24.04.2015.

⁶ Решение Администрации г. Саратова № 114 от 24.04.2015.

⁷ Решение Администрации г. Саратова № 636 от 12.03.2014.

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник	Район города
37.	Скоморохов Николай Михайлович	с. Белогорское Красноармейского р-на	[2, с. 475]	Волжский
38.	Тараскин Владимир Дмитриевич ¹	с. Малое Щерботино Романовского р-на	[3, с. 566]	Волжский
39.	Тархов Сергей Федорович	г. Саратов	[2, с. 563]	Ленинский
40.	Титов Герман Степанович	Алтайский край	[2, с. 579]	Кировский
41.	Трынин Александр Сергеевич ²	г. Саратов	[2, с. 606]	Заводской
42.	Уфимцев Константин Григорьевич	г. Саратов	[2, с. 663]	Ленинский
43.	Хользунов Алексей Иванович	с. Пады Балашовского р-на	[2, с. 684]	Октябрьский
44.	Чемодуров Вячеслав Иванович	г. Саратов	[2, с. 714]	Ленинский
45.	Чкалов Валерий Павлович	Горьковская обл.	[2, с. 739]	Ленинский

Таблица 6

**Улицы Саратова, носившие имена Героев Советского Союза
до 29 апреля 1991 г.**

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Место рождения	Источник	Улица
1.	Беляева П.И.	Волгоградская обл.	[7, с. 197]	Дегтярная
2.	Леонова А.А.	Кемеровская обл.	[7, с. 197]	Соляная
3.	Покрышкина А.И.	г. Новосибирск	[7, с. 197]	Вознесенская

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь [в 2 т.]. – Т. 1. – М., 1987.
2. Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь [в 2 т.]. – Т. 2. – М., 1988.
3. Кавалеры ордена Славы трех степеней. Краткий биографический словарь. – М., 2000.
4. Тимонин, Н. Н. Подвиги во имя Отечества бессмертны / Н. Н. Тимонин. – Саратов, 2006.
5. Румянцев, Н. М. Люди легендарного подвига. Краткие биографии и описания подвигов Героев Советского Союза – тех, кто родился, жил и живет в Саратовской области / Н. М. Румянцев. – Саратов, 1968.
6. Созвездие славных. – Саратов, 1967.
7. Местное самоуправление Саратова: история и современность. – Саратов, 2006.

¹ Решение Администрации г. Саратова № 114 от 24.04.2015.

² Решение Администрации г. Саратова № 636 от 12.03.2014.

ОПЫТ БОРЬБЫ С ПОВСТАНЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ПРИБАЛТИКЕ, ЗАПАДНОЙ БЕЛОРУССИИ И ЗАПАДНОЙ УКРАИНЕ (1939–1956 гг.)

В последние годы в условиях мирового системного социально-экономического кризиса резко вырос глобальный конфликтный потенциал. Эта тенденция хорошо прослеживается на примере целого ряда агрессий последнего десятилетия. Причём сами военные конфликты подвержены разнообразным формам. Одной из весьма распространённых форм стало вооружённое гражданское противостояние, подпитанное из вне заинтересованными сторонами, в первую очередь США и другими странами НАТО. События на Северном Кавказе, Ближнем Востоке, Балканах, государствах бывшего СССР – яркое тому свидетельство. В целях национальной безопасности Российской Федерации такого рода внутригосударственные конфликты требуют глубокого прогнозирования и внимательного изучения, в том числе с историко-правовой точки зрения. В силу этого видится весьма важным обращение к боевому опыту применения войск внутреннего предназначения в 1939–1956 гг. на периферии СССР на территории Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики.

Вооружённая борьба с националистическим подпольем началась там ещё в предвоенные годы и продолжалась до середины 1950-х годов. Советскому государству в течение долгих лет пришлось вести изнурительную и жестокую борьбу с националистическими формированиями на внутреннем фронте, которую по масштабам, военному, экономическому и политическому значению можно сравнить с крупнейшими стратегическими операциями¹. В советской историографии эта тема не пользовалась вниманием. Ей занимались лишь историки спецслужб, органов внутренних дел и внутренних войск. Причиной такого положения являлась засекреченность советских источников по данной теме².

Присоединение вышеназванных территорий к СССР связывается с советско-германскими договорами 1939 г. «О ненападении» и «О дружбе и границе». Договоры сопровождались секретными дополнительными протоколами о разграничении сфер влияния сторон в Восточной Европе³. 1 сентября 1939 г. Германия вторглась в Польшу, развязав тем самым Вторую мировую войну. 17 сентября 1939 г. Красная армия вступила в восточные районы Польши под предлогом того, что «население Польши брошено его незадачливыми руководителями на произвол судьбы» и необходима помощь «единокровным украинцам и белорусам, проживающих в Польше и раньше находившихся на положении бесправных наций»⁴. Политическим итогом похода Красной армии стало воссоединение Западной Бе-

¹ Росгвардия (сайт ФСВНГ Российской Федерации). URL: <http://rosgvard.ru/ru/page/index/vnutrennie-vojska-v-poslevoennyj-period-1945-1991-gg> (дата обращения: 15.10.2016).

² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. М., 2008. С. 4.

³ Подлинника так называемых секретных протоколов не сохранилось, существует лишь обнародованная американцами фотокопия, в этой связи некоторые историки их оспаривают (см., например, *Кунгузов А. А. Секретные протоколы, или Кто подделал пакт Молотова-Риббентропа*, М., 2009).

⁴ Речь по радио председателя Совета народных комиссаров СССР тов. В.М. Молотова 17 сентября 1939 года. URL: http://www.libma.ru/istorija/oglasheniyu_podlezhit_sss_r_germanija_1939_1941_dokumenty_i_materialy/p1.php#metkadoc73 (дата обращения: 11.10.2015).

лоруссии и Западной Украины с Белорусской и Украинской Советскими Социалистическими Республиками. Юридически это было оформлено внеочередными сессиями Верховных советов БССР и УССР. Входившие в Западную Белоруссию город Вильно и Виленская область, отошли к Литве, что также подтвердил Литовский сейм.

28 сентября 1939 г. советское руководство заключило с Эстонией «Договор о взаимопомощи», по условиям которого она предоставляла Советскому Союзу свои военно-морские базы. Спустя несколько недель подобные договоры были подписаны с Латвией и Литвой. Созданные заново государственные органы провозгласили советскую власть и приняли решение о вхождении в состав СССР на правах федеративных республик.

Через несколько дней после вступления Красной армии в Прибалтику советское правительство направило ультиматум Румынии, потребовав немедленно возвращения Советскому Союзу Бессарабии прежде входившей в состав Российской империи. Кроме того, надлежало передать СССР Северную Буковину, никогда не входившую в состав царской России и вопрос о которой не ставился в советско-германском секретном протоколе. Румыния была вынуждена согласиться и в начале июля 1940 г. Северная Буковина и часть Бессарабии были включены в состав Украинской ССР. Остальная часть Бессарабии была присоединена к Молдавской ССР, образованной 2 августа 1940 г. Незадолго до этого Молотов, выступая перед Верховным Советом, обобщил триумфальные итоги советско-германского согласия: в течение одного года население Советского Союза увеличилось на 23 млн человек¹.

Профессор МГУ Л. И. Семенникова рассматривая этот период, отмечает, что «советизация» балтийских государств была проведена «при опоре на советские гарнизоны и коммунистические организации (русскоязычного населения в Прибалтике в это время было немного)». «Противники “советизации”, представители власти периода независимости в значительной части были репрессированы в той или иной форме. Таким образом, была достигнута видимость легитимности включения Прибалтики в состав Советского Союза. Именно видимость, поскольку большинство населения этот акт не поддержало»². В том же русле протекало присоединение к СССР Западной Белоруссии и Западной Украины.

Советская власть пришла на вновь присоединенные территории вместе с ускоренной национализацией, насильственной коллективизацией и репрессивной политикой³. Все это деформировало советскую политику и государственную мораль и вызвало у части населения Прибалтики, Западной Белоруссии и Западной Украины стремление к вооружённому сопротивлению. Основываясь на этих причинах, уже в 1990-е гг. бытовавший до того времени в историографии термин «борьба с бандитскими и националистическими формированиями», был заменён новым термином – «борьба с партизанским и повстанческим движением»⁴.

¹ Доклад В. М. Молотова на Сессии Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // Военная мысль. 1940. №. 8. С. 3–9.

² Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996. С. 451–452.

³ В мае-июне 1941 г. из Западной Украины было выселено 11 тыс. чел., из Западной Белоруссии – около 21 тыс. Из Литвы около 13 тыс. чел. было направлено в ссылку и 4,6 тыс. – в лагеря, из Латвии – соответственно 10 и 5,5 тыс., из Эстонии – 6 и 3,6 тыс. (НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооружённым националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. М., 2008. С. 4).

⁴ Армия и внутренние войска в противоповстанческой и противопартизанской борьбе. Мировой опыт и современность / Под общей редакцией генерал-полковника А. А. Шкирко, генерал-майора В.А. Золотарева. М., 1997. С. 47–59.

Великая Отечественная война, прокатившаяся по территории Прибалтики, Белоруссии, Украины, и немецкий оккупационный режим заново создали, вооружили и укрепили вооруженные формирования националистов. При помощи немецких оккупационных властей они превратились в хорошо вооружённые и многочисленные подразделения пособников нацистов¹.

Наиболее мощной, непримиримой, опытной и изощренной в методах действий была военно-политическая организация радикальных украинских националистов. Созданная еще в конце 1920-х гг., она преследовала цель – достижение независимости Украины. Присоединение западных областей Украины к Советскому Союзу воспринималось значительной частью западноукраинского населения как очередная смена одного оккупационного режима на другой.

Немецкое командование в период нахождения немецких войск на территории Украины умело этим воспользовалось и обратило мощный националистический потенциал Организации украинских националистов (ОУН) против советской власти и Красной армии. Эта политическая организация создала свою военную структуру, сформировав Украинскую повстанческую армию (УПА) и Украинскую народно-революционную армию (УНРА). Выступая руководящей силой, ОУН в сентябре 1943 г. на своем третьем большом конгрессе украинских националистов поставила своему военному крылу следующие задачи: формирование, вооружение и оснащение УПА, ее обучение и подготовка для повстанческого вооруженного выступления в тылу Красной армии в целях создания Украинской самостоятельной соборной державы – УССД; совершение диверсионно-террористических актов в советском тылу путем налетов на штабы и подразделения Красной армии и войск НКВД; физическое истребление офицеров Красной армии и войск НКВД-НКГБ, партийно-советского актива; нарушение нормальной работы тыла Красной армии путем разрушения фронтовых железнодорожных коммуникаций, поджога воинских складов и уничтожения транспорта на армейских коммуникациях; вербовка населения, в основном молодежи, в диверсионно-повстанческие отряды; внедрение оуновцев в части Красной армии для разложенческой, шпионской, диверсионной деятельности; националистическая агитация и пропаганда среди населения в целях восстановления его против советской власти².

Схематично армия повстанцев состояла из куреней (батальонов) численностью до 2 тыс. человек, сотен по 120–150 человек, чет (взводов) и роев (отделений). При командующем армией имелся штаб, политический отдел, жандармерия, разведывательные и мобилизационные органы, служба безопасности, снабжения и др. структуры. Военная организация подчинялась политическому руководству сопротивления в лице ОУН, из членов которых исключительно формировался командный состав боевых подразделений.

Сложность оперативно-чекистской работы по борьбе с подрывной деятельностью оуновцев объясняется в основном тем, что еще до воссоединения с СССР в Западной Украине на протяжении многих лет существовало широко разветвленное подполье ОУН, которым руководили опытные конспираторы, умеющие быстро применяться к разным условиям борьбы против Советского государства. ОУН имела большой опыт конспиративной работы, приобретенный за многие годы нелегального существования в Польше. Этим объясняется и тот факт, что, несмотря на ряд нанесенных ей крупных оперативных ударов, ОУН быстро перестраивала свои ряды и продолжала активную борьбу против советской власти³.

¹ НКВД – МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем... С. 4.

² Некрасов В.Д. На страже интересов Советского государства. История строительства войск ВЧК – ОГПУ – НКВД – МВД. М., 1983. С. 192.

³ Подрывная деятельность украинских буржуазных националистов против СССР и борьба с нею органов государственной безопасности. М., 1955. С. 48.

В западных областях Белоруссии в период немецкой оккупации возникли белопольские формирования с задачей борьбы за независимость «Великой Польши». Они активно участвовали в подавлении советского партизанского движения, вели антисоветскую пропаганду, проводили компании запугивания населения, осуществляли террористические акции, совершали диверсии на коммуникациях, срывали поставки для нужд Красной Армии и др.¹ Однако польское националистическое повстанчество в Белоруссии не нашло массовой поддержки у населения.

Из общего повстанческого движения в Прибалтике можно выделить литовское сопротивление 1944–1956 гг. как самое масштабное, ожесточенное и организованное. Совместно с немецкой разведкой литовская буржуазная интеллигенция, офицеры бывшей литовской армии создали в период оккупации Литвы так называемую Армию освобождения Литвы (ЛЛА). Эта армия делилась на округа, отряды, роты и взводы. Борьба с СССР представлялась не только борьбой за независимость Литвы, но и была освящена догматами веры. Абсолютное большинство населения составляли католики, которые на деле получили возможность ощутить негативное отношение советской власти к католической церкви. Это большинство в той или иной степени поддержало вооруженную оппозицию.

В целом все движение литовского сопротивления можно было разделить на три категории – действующие боевые формирования, резерв и сочувствие. Приказ верховного штаба ЛЛА от 4 ноября 1944 г. требовал: «Для успешной борьбы против НКВД, местной администрации и шпионов борьбу вести без жалости и щепетильности. Собирать точные сведения о количестве частей НКВД, их вооружении, постах охраны, бдительности и т.п. Составить планы, в основу которых положить хитрость, изобретательность, но не силу. Операции проводить только ночью, назначая для этого нужное количество людей. Для этой цели лучше всего играть роль милиции и НКВД, прибывших из других уездов. По возможности надевать русские одежды и говорить по-русски. В случае опасности быть расшифрованными местными жителями носить маски, и пользоваться вымышленными именами...»²

Подобные действия против советской власти осуществляли айзсарговцы в Латвии. После установления советской власти в Латвии организация «Айзсарги» («Охранники»), созданная в 1919 г., была распущена, руководящий актив ушел в подполье и вел активную борьбу против советской власти. В составе ряда вскрытых в 1940–1941 гг. контрреволюционных организаций в Латвийской ССР были в основном члены организации «Айзсарги». Организация «Айзсарги» была восстановлена гитлеровцами, и ее кадры использовались для подрывной работы в советском тылу³.

Из айзсаргов формировались полицейские батальоны, которые использовались немцами в карательных операциях против советских партизан не только в Латвии, но и в северо-западных районах РСФСР, на Украине, Белоруссии, в Польше и Югославии⁴.

Кроме того, в мае 1941 г. из националистических элементов возникла антисоветская организация «Латвияс Сарги» («Защитники Латвии»), которая ставила своей задачей восстановление буржуазного режима в Латвии при помощи Германии⁵.

¹ Внутренние войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1975. С. 637–639.

² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем... С. 146–147.

³ Ямпольский В. П. В Прибалтике ждали фюрера... и фюрер пришёл // Воен.-истор. журнал. 2001. № 6. С. 38.

⁴ Там же. С. 40.

⁵ Там же.

После оккупации Эстонии из националистов и профашистски настроенных лиц была создана организация «Омакайтсе» («Самозащита»), активно использовавшаяся Германским вермахтом и немецкими спецслужбами. Немецкая разведка в своей работе против СССР широко использовала членов организации «Вабс» («Союз участников освободительной войны»). В нее входили наиболее реакционные элементы из среды лютеранского духовенства, прогермански настроенная интеллигенция и молодежь, крупные собственники. В составе центра «Вабс» были агенты германской разведки Буш, Дункель и Парис. В период, когда в Эстонии появились советские гарнизоны, руководство «Вабса» выполняла задания германской разведки по сбору шпионских сведений о них»¹.

Немецкие оккупационные власти формировали из эстонских националистов части СС, карательные батальоны и полицейские отряды, которые действовали на территории Прибалтики и за ее пределами.

Кроме того, литовские, латышские и эстонские националисты использовались германскими разведывательными и контрразведывательными органами – абверкомандами – 102, 104, 166 м (морская), 304, абверштелле Остланд, абверштелле Таллин и др.².

Всего в республиках Прибалтики только в 1941-1950 гг. формированиями националистов было совершено 3426 вооруженных нападений, в ходе которых погибли 5155 советских активистов. Органами госбезопасности и войсками было ликвидировано 878 вооруженных групп³.

На территории западных областей Украины за 1945-1953 гг. повстанцы совершили 14 424 диверсионно-террористических акта. За 10 лет (1945–1955 г.) ими было убито 17 тыс. советских граждан. В течение 1948–1955 гг. погибли 329 председателей сельских советов, 231 председатель колхоза, 436 работников райкомов партии, служащих районных организаций и активистов, а также 50 священников. Всего бойцы УПА уничтожили от 30 до 40 тыс. человек⁴.

Главную нагрузку в ходе проведения операций против повстанцев несли внутренние войска. Части Красной армии выполняли, как правило, вспомогательные функции, в основном привлекаясь для блокирования районов боевых действий. За весь период борьбы (1940–1956 гг.) с националистическим повстанческим движением в Прибалтике и на территориях присоединенных западных областей Украины внутренние войска НКВД СССР и части Красной армии безвозвратно потеряли 6223 чел. (в том числе: 5635 чел. – убитыми, 588 чел. – пропавшими без вести), и 8612 чел. ранеными⁵.

Изучение опыта ведения противоповстанческой и контрпартизанской борьбы в указанный период имеет важное значение для системы военного образования и подготовки войск.

Особенности повстанческого и партизанского движения в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине: отсутствие географического и функционального центра; не наблюдалось сосредоточения восставших масс и их военно-политического руководства в определенном месте; не было районов наибольшей интенсивности вооруженной борьбы; широкое региональное рассредоточение очагов сопротивления; начало и окончание конфликтов оказались одновременными во всех очагах; нигде не удалось добиться решающего разгрома повстанческих сил; противостояние советской власти осуществлялось в этно-конфессиональном

¹ Там же.

² Там же. С. 41.

³ Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / под общ. ред. ген.-полк. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 546.

⁴ Там же. С. 548.

⁵ Там же.

ключе, что придавало сопротивлению стойкость и высокую мотивацию; ни одно повстанческое движение не ставило перед собой задачу одержать военную победу, а лишь затянуть конфликт и постараться привлечь в него враждебные СССР внешние силы; каждое из национальных повстанческих движений имело свои особенности; повстанческая борьба велась под флагом национального суверенитета.

Тактика действий повстанческого и партизанского движения принципиально не менялась на протяжении всего конфликта. Ее смысл заключался в том, чтобы в каждой проводимой акции наносить внезапный удар противнику с максимальными для него потерями и стремительно отходить. Боевики демонстрировали исключительное мастерство в маскировке и принимали бой только на хорошо известной им местности (в основном в лесных массивах) и только тогда, когда обладали явным численным превосходством. Мелкие подразделения они истребляли путем организации искусных засад, внезапных и стремительных налетов, неизменно преследуя в этих акциях цель захвата оружия, военного имущества, продовольствия.

Объектами нападений становились организации и лица, непосредственно вовлеченные в процесс интегрирования прибалтийских республик, Западной Белоруссии и Западной Украины в единую общественно-экономическую структуру СССР: военачальники, партийные и советские работники на местах, пропагандисты и агитаторы, ответственные за проведение коллективизации, рядовые граждане, заподозренные в сотрудничестве с новой властью. Так, от рук украинских националистов погиб командующий 1-го Украинского фронта генерал армии Н.Ф. Ватутин, писатель и общественный деятель Я.А. Галан¹.

Повстанческие и партизанские формирования имели свою военную инфраструктуру с разветвленной сетью убежищ, складов продовольствия и различного имущества.

Советские войска применяли следующие тактические способы действий при ведении противоповстанческой и контрпартизанской борьбы: в войсках НКВД был создан специальный отдел, занимавшийся организацией борьбы с партизанами силами местной самообороны; готовилась тайная агентура; велась антипартизанская пропаганда; партизаны провоцировались на акции, заранее обреченные на провал; распускались ложные слуха и т.п.; создавались ложные партизанские отряды, представляющие собой специально подготовленные подразделения НКВД; для завоевания доверия местного населения проводились акции вполне антисоветского свойства, после чего искались у местного населения выходы на вооруженное подполье; проводилось окружение села, осуществлялось его «прочистка», с арестом всего взрослого мужского населения и силами отрядов СМЕРШ проводилась «филтрация»; проводилась чекистско-войсковая операция с заблаговременным оцеплением районов базирования партизан, организовывались заслоны и засады на путях их возможного отступления, обнаруженные группы окружались и полностью ликвидировались; к мероприятиям по ликвидации партизан привлекалось местное население; при уполномоченных милиции создавались вооруженные группы из числа членов семей военнослужащих, партийно-советского актива, комсомольцев, а также лиц, пострадавших от террористов и др.

При ликвидации повстанческих и партизанских отрядов командованием войск НКВД, по оценке военных специалистов, допускались и просчеты, например: не всегда соблюдался принцип настойчивого преследования вплоть до полного уничтожения противника, так как зачастую осуществление преследования войск ограничивались непосредственным районом действий, завершали его с наступлением темноты или с потерей следа; отдельные подразделения сами по-

¹ Некрасов В. Ф. Указ. соч. С. 208.

падали под удары партизан или в устроенные ими засады на маршруте; отмечались факты пренебрежительного отношения к соблюдению правил оперативной маскировки, в результате чего пособники боевиков представляли им полную информацию о предстоящих мероприятиях; были случаи, когда боевики использовали ложные вызовы войск по телефону и затем устраивали засады при их выдвижении.

Каковы же пути предупреждения возникновения националистического партизанского и повстанческого движения на современном этапе. Россия должна строго придерживаться норм международного права, активно интегрироваться в мировой политический и хозяйственно-экономический процесс, занять там подобающее ей место. Ещё в XIX веке крупнейший русский военный теоретик генерал М.И. Драгомиров утверждал, что успех войны и боя зависит не от качества материальных потерь, которые мы нанесли противнику, а от того, в какой степени поселим в нем веру в невозможность нам сопротивляться¹. Отсюда надо четко представлять, что в основе всех конфликтов, в своем большинстве, лежат социально-экономические, политические, национальные, идеологические, религиозные и другие причины. Задача власти – своевременно, грамотно и последовательно гасить возникающие противоречия не доводя ситуацию до кризиса. Партизанско-повстанческие и бандитские формирования проявляют агрессивность, наступательность и активность только тогда, когда чувствуют материально-техническое и профессиональное превосходство, организованность и дисциплинированность перед военными государственными формированиями, когда видят бездействие власти на местах. Повстанчество зависит от поддержки местного населения, международного терроризма, и основные усилия необходимо направить не на поспешную ликвидацию партизанских и бандитских формирований, а на устранение породивших конфликт причин, консолидации общественных и политических сил государства, международного сообщества и проведения совместных гуманитарных, других акций и в том числе военно-гражданских. Будет большой ошибкой для государственных охранительных структур учиться воевать в ходе выполнения служебно-боевых задач, проводить реформаторские импровизации в период конфликта. Военному делу необходимо всегда и постоянно учиться в мирное время, а реформы проводить заблаговременно и качественно. Надо помнить, что «горячие точки» в России возникают с помощью деструктивных и не дружественных России сил и их цель одна – расколоть наше государство и привести его к распаду.

Таким образом, повстанческое движение в Прибалтике, Западной Белоруссии и Западной Украине имели свои причины. По размаху, продолжительности и интенсивности, разнообразию форм это движение уникально. Аналогичные способы борьбы и методы ведения боевых действий противоборствующих сторон отмечались впоследствии в различных регионах мира. Опыт борьбы с повстанческими, антиправительственными движениями является актуальным сегодня для Российской Федерации, столкнувшейся с угрозой со стороны воинствующего сепаратизма, национализма, терроризма. В то же время, следует избегать механического переноса опыта борьбы государства с повстанческими движениями в сегодняшнюю действительность, так как особенности исторического периода, переживаемого страной сегодня, требуют внесения определенных коррективов в методы деятельности государственных структур во избежание ошибок исторического прошлого.

¹ Цит. по: Российский военный сборник. Вып. 9. М., 1995. С. 159.

ПОВСТАНЦЫ И ПАРТИЗАНЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

С. М. Боган

ОЧЕРК АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА КИЕВЩИНЕ В 1921 ГОДУ

После отступления польско-украинских войск на запад и установления советской власти на большей части территории Украины в 1920 г. украинское зажиточное крестьянство в очередной раз оказалось один на один в своем противостоянии с большевистским режимом. Продразверстка в 1920 г. проводилась без учета интересов народного хозяйства и потребностей населения Украины. В этом году из Украины было вывезено: из Подольской губернии – 6 миллионов пудов зерна, из Херсонской – 7 миллионов, из Полтавской – 4 миллиона, из Киевской – 3 миллиона.

Однако из Москвы приходили в Украину жалобы центрального правительства на то, что продовольственный план выполнен только на 19,69 %. Харьковское правительство советской Украины, в свою очередь, жаловалось, что план невозможно выполнить из-за «банд», которые препятствуют конфискации хлеба¹. Действительно, единственной силой, которая встала на защиту интересов украинского крестьянина, оставались украинские повстанцы.

Исследование деятельности повстанческих отрядов на Киевщине в 1921 г. основано на анализе архивных документов, которые хранятся в Государственном архиве Киевской области. Это бюллетени и сводки информационно-инструкторского подотдела отдела управления Киевской губернии об обстановке в уездах губернии за определенные периоды.

В начале 1921 г. повстанческие отряды в Киевской губернии наиболее активно действовали в Радомышльском и Чернобыльском уездах. Лесные массивы этих уездов были базовыми территориями, из которых повстанцы распространяли свои акции на территорию всей Киевщины. Тут проводились перегруппировка и переформирование повстанческих отрядов, их соединение, согласование дальнейших действий. Несколько значительных повстанческих группировок действовало в Радомышльском уезде. Среди них – повстанческое соединение, которым командовал атаман Зиновий Мордалевич. Ему подчинялись отряды атаманов Швыдкого и Крыжановского. Эти отряды маневрировали из Радомышльского уезда в Чернобыльский и Киевский уезды. Точно так же зимой 1921 г. совместно действовали отряды атаманов Орлика (псевдоним полковника петлюровской армии Федора Артеменко), Кречета и Богатыренко. В этот период названные отряды имели приблизительно одинаковую численность – по 200 бойцов каждый. Группировка перемещалась также из Радомышльского уезда в Чернобыльский. Так, отряд Орлика (Артеменко), который именовался «Первым Украинским полком имени Симона Петлюры» напал на местечко Горностайполь. В результате погибли 62 коммуниста и красноармейца. Нападение было осуществлено неожиданно, с использованием известной партизанской тактики переодевания в красноармейскую

¹ *Пастернак С.* Україна під большевиками. Торонто, 1979. С. 76.

форму. Согласно информации отдела управления губревкома, повстанческий отряд имел обмундирование буденновцев и большое количество красноармейских документов и партбилетов¹. Отряд атамана Богатыренко в конце января 1921 г. передислоцировался в Белоцерковский уезд, имея в своем составе 500 пехотинцев, 80 всадников и 6 пулеметов. В Радомышльском уезде действовали также отряды атаманов Журавского и Лисицы. В отряде под командованием атамана Лисицы было около 150 бойцов, которые также часто переодевались в красноармейскую форму. Отряд атамана Журавского состоял из приблизительно 120 бойцов; в двадцатых числах января 1921 г. им удалось отбить у большевиков все склады зерна, взятого по продразверстке, в Кочеровской волости Радомышльского уезда². В Киевском уезде в январе 1921 г. активно действовал повстанческий отряд атамана Хвостенко. В Уманском уезде активизировали свои действия против большевиков отряды атаманов Грызло, Пронченко, Атаманюка подчинявшиеся «Уманскому уездному повстанческому комитету» под руководством бывшего военного коменданта Украинской Народной Республики города Умань Петра Дерещука.

В начале февраля 1921 г. красное командование организует карательные операции против отрядов атаманов Крыжановского и Журавского. Состоялись жестокие бои, в которых погиб атаман Журавский и попал в плен атаман Крыжановский вместе со своим адъютантом Гончаренко. О карательной экспедиции против отряда атамана Лисицы в доступной документации не сообщалось, но в феврале численность его отряда сократилась до 100 бойцов, что также позволяет предполагать боевые потери. Между 10 по 20 февраля 1921 г. красные начинают наступление против отрядов полковника Орлика (Артеменко) и атамана Богатыренко, который на тот момент перенес свои действия на территорию Сквирского уезда. Под натиском красных повстанческие формирования отошли в район Фастова³. Отряду Богатыренко удалось избежать разгрома и продолжить борьбу в Сквирском уезде. Отряд же Орлика вынужден был передислоцироваться в Радомышльский уезд, в район реки Тетерев, на соединение с отрядом атамана Ильи Струка, который в 1919 г. успел побывать полковником как украинской, так и деникинской армии. Его отряд именовался «Первым повстанческим украинским полком»⁴.

Отряд атамана Грызло в количестве около 70 бойцов передислоцировался из Уманского уезда в Звенигородский и начал действовать совместно с отрядом атамана Пугача, в котором насчитывалось приблизительно 90 бойцов⁵. В конце февраля 1921 г. красные провели против отряда Грызло боевую операцию. Отряд был разгромлен, атаман погиб. Отряд Пугача избежал столь трагической судьбы и передислоцировался в Уманский уезд, где стал действовать во взаимодействии с отрядом атамана Снегиря. Тем временем отряд Богатыренко тоже переместился и оперировал в Белоцерковском уезде.

Отряд атамана П. Дерещука был атакован частями 45-й стрелковой дивизией Красной армии, но сумел удачно принять бой, отступить и скрыться из оперативного поля зрения противника. В боях с повстанцами Дерещука 45-я стрелковая дивизия потеряла убитыми и ранеными 45 командиров и политработников и более 350 красноармейцев. О потерях повстанцев не сообщалось.

Весна 1921 г. принесла значительный подъем антибольшевистского повстанческого движения на Киевщине. Пленум Киевского губкома КП(б)У, заслушав

¹ Государственный архив Киевской области (ГАКО). Ф. Р.111. Оп. 1. Д. 257. Л. 1.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 15.

⁴ Кучер О. О. Розгром збройної внутрішньої контрреволюції на Україні у 1921–1923 роках. Харьков, 1971. С. 30.

⁵ ГАКО. Ф. Р.111. Оп. 1. Д. 257. Л. 19.

1 апреля доклады о положении на местах, констатировал «угрожающее положение из-за петлюровских банд». Согласно разведывательным данным штаба красных войск в Украине, за период с 15 марта по 15 апреля в пределах Киевской губернии действовало до 25 больших повстанческих отрядов. А по данным особого отдела Киевского военного округа общая численность повстанцев составляла около 6 тысяч человек¹. Наиболее многочисленным повстанческим отрядом был так называемый «2-й Гайдамацкий Запорожский курень Смерти» под командованием атамана Богатыренко. Весной 1921 г. он насчитывал уже около 600 всадников и пехотинцев, имел на вооружении 2 артиллерийских орудия и 10 пулеметов. Отряд полковника Орлика (Артеменко) насчитывал около 400 пехотинцев, 120 всадников и 9 пулеметов². Отряд полковника И. Струка состоял на тот момент из более чем 200 всадников и был наиболее маневренным.

Наряду с этими тремя главными повстанческими группировками, во всех уездах Киевщины действовали меньшие по численности повстанческие отряды атаманов: Лисицы (Радомышльский уезд), Цветковского, Пугача, Снегиря (Звенигородский уезд), Черного, Дзюбы, Батоврина, Бодаренко (Белоцерковский уезд), Трейко, Гринченко, Зозули (Сквирский уезд), Лихо (Липовецкий уезд), Онищенко, Голого, Сидоренко-Лебедева (Каневский уезд), Хвостенко, Завзятого, Слепченко, Гаевского, Чайки (Киевский уезд), П. Дерещука, Марченко, Кравченко, «Черной Хмары» («Черной Тучи»), Мельника, Подковы (Уманский уезд), Шумана, Бредихина, Шевеля (Чернобыльский уезд)³.

Размах антибольшевистского повстанческого движения на Киевщине обеспокоил советское руководство. На протяжении апреля – июня 1921 г. красные войска осуществили карательные операции в Чернобыльском, Радомышльском, Киевском, части Сквирского и Белоцерковском уездах. Завязались ожесточенные бои, в результате которых многие повстанческие отряды оказались в тяжелом положении. При этом красные широко применяли практику расстрела заложников. Об этом свидетельствует, в частности, письмо атамана Пугача, в котором он угрожал за одного заложника уничтожить 100 коммунистов⁴. Желание сохранить жизнь крестьянам, которые были оторваны от поля и взяли в руки оружие, или же оказались беззащитными перед большевистскими карательными отрядами, вынудило некоторых атаманов воспользоваться объявленной большевиками амнистией. В июне – июле по амнистии сдались вместе с частью своих бойцов атаманов: З. Мордалевич, Богатыренко, Цветковский⁵, а также некоторые другие атаманов. Большие потери понесли отряды атаманов Лихо, Трейко, Кравченко. Отряды Лихо и Трейко были вынуждены покинуть Киевщину.

Однако повстанческая борьба не прекращалась и осенью 1921 года. Так, в отчете отдела управления Киевского губисполкома октябрь характеризовался «усилением кулацкого бандитизма». На этот момент количество значительных повстанческих группировок сократилось до одиннадцати. Наибольшую опасность для большевицкой власти осенью 1921 г. представляли, как и раньше, объединенные отряды полковников Орлика и Струка, а также отряд атамана Черного⁶. Такое положение сохранялось до конца 1921 года.

¹ Кучер О.О. Указ. соч. С. 128--129.

² Там же. С. 323.

³ ГАКО. Ф. Р.111. Оп. 1. Д. 241а. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 257. Л. 80.

⁵ Там же. Д. 261. Л. 5.

⁶ Кучер О.О. Указ. соч. С. 133--134.

ПОЧЕМУ ПОВСТАНЦЫ ПРОИГРЫВАЮТ?*

В данной статье, опираясь на материалы изучения истории Тамбовского восстания 1920–1921 гг., мы постараемся разобраться, справедливы ли выводы и положения, изложенные в работе американского ученого Дональда Стокера, посвященной анализу причин поражения повстанческих движений¹.

Актуальность данного исследования подтверждают не только конфликты низкой интенсивности (Lower-intensity conflict)² последних лет, но и отсутствие в отечественной историографии работ, посвященных именно причинам поражения повстанцев, поскольку данная проблематика в большинстве случаев рассматривалась в общем контексте того или иного движения. Отчасти это объясняется проблемами с классификацией крестьянских движений в 1918–1922 гг., поскольку в отечественной литературе к настоящему моменту не выработано общепринятого определения революционного повстанчества в годы Гражданской войны в России. В основном его отождествляют с партизанством либо употребляют в значении совместно протекающего явления (партизанско-повстанческая война), что не совсем приемлемо.

В западной науке термин «повстанчество» (rebellion) и, как его разновидность, «крестьянское повстанчество» (peasantrebell), встречается по большей части в работах, посвященных истории средних веков и нового времени, а также применительно к движениям в Латинской Америке и азиатском регионе³.

Однако явление повстанчества многогранно по своей сути и заслуживает более пристального внимания. Заметим, что это движение затрагивает широкий диапазон действий от акций гражданского неповиновения и массового ненасильственного сопротивления до ожесточенных и организованных попыток свержения существующей власти. Участников таких восстаний называют «повстанцами». Сюда же следует отнести и членов военизированных формирований, которые восстают против правительства⁴.

Советские военачальники, принимавшие активное участие в подавлении крестьянского сопротивления диктатуре пролетариата, в своих работах параллельно с официальной точкой зрения на «антоновщину» как на кулацкий эсеров-

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 13-01-00260.

¹ Stoker D. Six Reasons Insurgencies Lose: A Contrarian View. URL: <http://smallwarsjournal.com/blog/journal/docs-temp/268-stoker.pdf>.

² Вооруженное противостояние по политическим причинам между борющимися государствами ниже того уровня, который принято считать войной (1000 смертей в год) и выше того, что считается серьезными разногласиями и политической напряженностью. Термин также используется для обозначения некоторых военных (полувоенных) операций – таких, как: 1) оказание иностранной помощи для внутренней защиты государства: контрпереворот, включающий действия, предпринимаемые государствами для оказания помощи дружественному правительству, которое противостоит угрозе восстания или мятежа; 2) поддержка восстания (переворота, мятежа): оказание материальной помощи и поддержки антиправительственному повстанческому движению в другой стране. Цит. по: Словарь по правам человека. URL: <http://www.biometrica.tomsk.ru/ftp/dict/encyclo/10/lower.htm>.

³ См.: Taylor William B. Banditry and Insurrection: Rural Unrest in Central Jalisco, 1790–1816 // Riot, Rebellion, and Revolution: Rural Social Conflict in Mexico / ed. by Friedrich Katz. Princeton, 1988. P. 205-246; Peasant Rebellion and Communist Revolution in Asia / ed. John Wilson Lewis. Stanford, Calif., 1974; Гапп Т.П. Почему люди бунтуют. СПб., 2005.

⁴ Lalor, John Joseph (1884). Cyclopedia of Political Science, Political Economy, and of the Political... Rand, McNally. P. 632.

ский мятеж, отмечали и повстанческий характер Тамбовского восстания¹. Поэтому в данной работе мы будем использовать термин «повстанчество» для обозначения действий крестьянских отрядов в 1920-1921 гг., направленных против советской власти. Необходимость подобной дефиниции понятий и их четкого определения вызвана тем, что причины поражения движения находятся в прямой зависимости от его характера.

Дональд Стокер выделил шесть причин поражения повстанческих движений.

Причина 1. Повстанцы слабы по сравнению со своим противником.

Повстанцы особенно уязвимы, когда они начинают свою борьбу, применяя тактику терроризма и партизанской войны, потому что они слишком слабы, чтобы на равных сражаться со своими противниками².

Действительно, в период 1918–1919 гг., предшествовавший Тамбовскому восстанию, Антонов и его окружение использовали в борьбе с советской властью тактику индивидуального террора и некоторые формы партизанской борьбы. Однако это было вызвано не только слабостью «Боевой дружины», но и рядом других причин.

Во-первых, убийства отдельных совработников и ограбление совхозов позволяли Антонову не только успешно обучать новобранцев тактике партизанской войны, не рискуя потерять и без того малочисленные и еще не обстрелянные кадры в акциях, но и спокойно до определённого момента увеличивать численность своей дружины³.

Во-вторых, логика вооруженной борьбы, подсказывавшая простое решение – расширение масштабов индивидуального террора с последующим увеличением численности отряда, – в рассматриваемой исторической ситуации на тот период была бы ошибочной. В 1919 г. – первой половине 1920 г. Антонов понимал, что большевики являлись главными защитниками революции от белой контрреволюции. В такой ситуации можно было проиграть не только политически, но и лишиться поддержки крестьянства – основы повстанческих отрядов, а собственных сил для победы в противостоянии с советской властью у Антонова на всем протяжении 1918–1922 гг. было недостаточно.

Однако, как справедливо замечает Дональд Стокер, «повстанческое движение вообще начинается с меньшего количества сил, чем у их противника, и имеет гораздо меньше военной техники; то, что они действительно имеют, часто очень скудно»⁴.

Плачевное состояние в деле обеспечения крестьян оружием и боеприпасами подметил и К. Бриммер, один из немногих участников подавления антоновщины, оставивший воспоминания о начальном периоде восстания: «К этому времени [осень 1920 г.] появились местные банды, без вооружения и без патронов, почти исключительно с вилами, дротиками и топорами, не имея сначала абсолютно никаких технических средств»⁵. Но и на последующих этапах восстания повстанцам постоянно не хватало боеприпасов и технических средств. Трофейное оружие занимало значительную долю в вооружении антоновских отрядов, что вы-

¹ *Эйдеман Р.* Борьба с кулацким повстанчеством и бандитизмом. Харьков, 1921; *Каратыгин П. А.* Партизанство. Начальный опыт тактического исследования. Харьков, 1924; *Дробов М. А.* Малая война: партизанство и диверсии. М., 1931.

² *Stoker D.* Op. cit. P. 2.

³ Проводимые акции хотя и привлекали внимание властей (так как грозили срывом заготовительной кампании), но в большинстве случаев рассматривались как типичные эпизоды уголовного бандитизма, не требовавшего серьезных ответных мер со стороны силовых структур.

⁴ *Stoker D.* Op. cit. P. 2.

⁵ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания. Тамбов, 2007. С. 265.

нуждало повстанцев постоянно находиться в движении и искать встречи с красноармейскими частями с целью пополнения тающих запасов¹.

В свою очередь, советской власти, несмотря на сложность внешнеполитической ситуации и очередное обострение внутривосточной обстановки, все же удалось сконцентрировать в Тамбовской губернии силы, достаточные для успешного подавления Тамбовского восстания и решения поставленных задач (см. табл. 1).

Таблица 1

Численность советских войск в Тамбовской губернии в период подавления Тамбовского восстания 1920–1921 гг.²

Род войск	VIII.1920 г.	На 15.9.1920 г.	I.1921 г.	На 1.3.1921 г.
Пехота (штыки)	3000	3915	9659	32500
Кавалерия (сабли)	600	532	1943	7948
Пулеметы	-	22	136	463
Орудия	4	5	18	63
Самолеты	-	-	-	8
Бронепоезда	-	-	-	4
Бронелетучки	-	-	-	7
Броневики	-	-	-	6

Однако наличие у контрповстанческих сил современного вооружения и их превосходство в материально-техническом плане еще не гарантирует победы. Это положение подтверждает опыт Тамбовского восстания, когда, несмотря на достаточно небольшой арсенал сил и средств, крестьянство смогло в течение года сдерживать натиск советской государственной машины, не давая ей уничтожить традиционный уклад крестьянской жизни.

Но существуют факторы, способные свести к нулю паритет тактики и вооружения и способствовать поражению движения. К ним, по мнению Стокера, можно отнести недостаток ресурсов, необходимых для обеспечения инфраструктуры, которая улучшает жизнь людей, борьба за поддержку которых является главным полем битвы в партизанской войне³.

Специфика повстанческой войны в Тамбовской губернии накладывала серьезный отпечаток на условия, в которых крестьянам приходилось воевать и выживать в период нахождения их в отрядах антоновцев. Так, хронический дефицит военных специалистов и медперсонала в армии Антонова, способных снизить как боевые, так и санитарные потери антоновцев, а также постоянная нехватка обмундирования, боеприпасов и продовольствия, оказывали огромное влияние на моральный дух восставших. В условиях ограниченности людских ресурсов повстанцев при техническом превосходстве красных это сыграло далеко не последнюю роль в поражении крестьянского движения.

Причина 2. Повстанцы склонны к дроблению.

Восстания обычно мотивированы идеологическими или религиозными причинами. Там, где есть идеи, там есть и разногласия, во время восстаний – это споры среди людей, которые готовы убивать, чтобы проложить себе дорогу. Это

¹ На допросах пленные антоновцы на вопрос: «Откуда Антонов брал оружие?» – за редким исключением отвечали однотипно: «Отнимал в боях, разоружал красноармейцев»; «Оружие мы доставали, отбивая у красных частей. Больше нигде не брали. Хранили оружие при себе, складов не было» (цит. по: «Антоновщина»... С. 396–399, 442).

² Данные приводятся по: Трифионов И. Из истории разгрома антоновщины в 1920–1921 годах // Военно-исторический журнал. 1968. № 9. С. 31.

³ Stoker D. Op. cit. P. 3.

может быть проблемой. Зачастую в регионе более чем одна повстанческая группа; они иногда борются друг с другом. В целом, такие расхождения подрывают способность повстанцев победить¹.

На всем протяжении Тамбовского восстания 1920–1921 гг. в окружении Антонова было достаточное количество одаренных людей, обладавших харизмой и способных увлечь за собой крестьянские массы. Но, в отличие от своих противников-большевиков, – лидеры крестьянского восстания не смогли преодолеть свои политические амбиции и корыстный интерес. Стремление к достижению личных целей, а не подчинение Антонову и выступление единой силой в конечном итоге и привело к поражению восстания².

Разногласия и конфликты в руководстве Тамбовского восстания усугубляли и без того непростую ситуацию в губернии, крестьянское движение в которой, несмотря на свой размах, напоминало в большей степени лоскутное одеяло, нежели монолит. Так, к началу восстания на территории губернии существовало несколько десятков вооруженных отрядов, начиная от банд уголовников и дезертиров и заканчивая «Боевой дружиной» А.С. Антонова. Численность подобных формирований колебалась от десятка до 500 человек, они были разрознены, и их действия носили эпизодический характер, не представляя для власти серьезной опасности. Но в сентябре 1920 г. ситуация изменилась. В борьбу включились широкие слои крестьянства, и восстание охватило несколько десятков сел и деревень. К ноябрю 1920 г. «крестьянский фронт» в Тамбовской губернии выглядел следующим образом (см. табл. 2).

Таблица 2

Масштабы восстания и количество участников к 21 ноября 1920 г.³

Уезд	Охвачено волостей	Охвачено насел. пунктов	Добровольцы	Рекруты	Всего бойцов
Тамбовский	11	14	2586	1120	3706
Борисоглебский	5	9	2193	0	2193
Кирсановский	10	12	2313	0	2313
Всего	26	35	7166	1120	8286

Таблица 2 наглядно показывает, что к декабрю 1920 г. силы восставших были значительно больше, чем летом, но их действия оставались разрозненными. После разгрома основных сил повстанцев и ликвидации сети Союза Трудового Крестьянства (СТК) летом 1921 г. восстание распалось на ряд мелких изолированных очагов (табл. 3).

Уцелевшие вооруженные формирования, действовавшие на территории губернии осенью 1921 г., больше напоминали бандитские стаи, чем отряды борцов за интересы трудового крестьянства. Б.А. Васильев, выступая на VIII губернском съезде советов с докладом о ходе борьбы с крестьянским повстанческим движением на территории губернии, характеризовал оставшиеся отряды следующим

¹ Stoker D. Op. cit. P. 3–4.

² Об одном из таких эпизодов говорил после ареста бывший политработник Борисоглебского уезда Союза Трудового Крестьянства (СТК) Федор Степанович Подхватилин. В своих показаниях он упоминал секретное совещание, на котором по инициативе Плужникова обсуждался вопрос о подчинении Главоперштаба губкому СТК.

³ Сразу оговоримся, что это неточный учет, он отражает минимум сил повстанцев. Таблица составлена на основании сведений выездных сессий Тамбовской губчека о селах, охваченных повстанческим движением (Сампурский р-н) на 21 ноября 1920 г. См.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы. Тамбов, 1994. С.73–74.

образом: «Эти шайки представляют собой типичные уголовные шайки, никакой программы СТК там нет, они занимаются исключительно грабежом, чтобы поддержать свое существование. Состав их был преимущественно бывшие уголовные преступники, которые не хотят заниматься трудом»¹. С такой репутацией рассчитывать на поддержку местного населения участники отрядов уже не могли, вследствие чего сроки их пребывания в рядах повстанцев сокращались, что в конечном итоге приводило к массовому дезертирству, а в результате – к поражению повстанческого движения.

Таблица 3

Вооруженные формирования повстанцев в октябре 1921 г.²

Номер боеучастка	Тип вооруженного формирования	Командир	Численность
II	банда Шохина (осколок)	Неизвестно	6
	банда	Шохин	18
	банда	Комар	12
	банда	Гришин	30
	банда	Бобыль	30
III	банда	Шамов и Птичий	190
	банда	Канищев	30
	банда (остатки банды Кузнецова)	Спиридонов	20
	банда	Миронов	12
IV	банда	Лобан	15
	банда	Местное происхождение	6
V	банда	Стародубов	15
	банда	Дегтев	15
VI	банда (остатки 4-го Низовского полка)	Аверьянов	15
Всего	15 групп ?	13 командиров	363 человек

Причина 3. Успех восстаний во многом зависит от лидеров.

Иногда повстанческие движения терпят крах, если их лидер или лидеры были убиты или захвачены в плен. Это особенно верно в отношении групп, где преобладают одна или нескольких ключевых личностей. Устранение лидера представляется наиболее эффективным средством против групп, которые более приводятся в движение личностью лидера, чем идеологией³.

Как мы уже отмечали, поражение Тамбовского восстания 1920–1921 гг. в большей степени было обусловлено жесточайшими репрессиями со стороны карательной машины советского государства и в меньшей степени решениями большевиков повернуться лицом к крестьянству и начать диалог, заменив ненавистную продразверстку продналогом, поскольку решения X съезда РКП(б) воспринимались селянами не иначе как реализация «антоновского НЭПа». Цель, стоявшая перед повстанческим движением, была частично достигнута. Крестьянство в борьбе с государством в этом смысле одержало победу, обеспечившую ему более свободное экономическое развитие в 1920-е годы. Поэтому продолже-

¹ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 262.

² Составлена на основании списка отрядов партизанских армий Тамбовского края, действующих по губернии, на 5 октября 1921 г. См.: Крестьянское восстание в Тамбовской губернии... С. 261.

³ Stoker D. Op. cit. P. 5.

ние массовой вооруженной борьбы в складывавшихся условиях теряло смысл. Это понимали и руководители движения. Так, в начале июля 1921 г., когда главные силы Партизанской армии Тамбовского края были уже разгромлены, а видные фигуры крестьянского сопротивления арестованы (Ишин и Эктов), убиты (Матюхин) или погибли (Григорий Плужников), Антонов издал приказ, согласно которому боевым отрядам повстанцев предлагалось разделиться на мелкие группы, скрыться в лесах или разойтись по домам. Восстание распалось на ряд мелких, изолированных очагов¹, не прекратив своего существования.

Начало диалога власти и крестьян, улучшение экономического положения крестьянства и широкая амнистия давали участникам Тамбовского восстания 1920-1921 гг. возможность возвратиться в родные дома. По мнению некоторых исследователей, одной из причин свертывания массовой вооруженной борьбы мог стать голод, приводивший к тому, что крестьяне не могли поддерживать повстанцев продовольствием, фуражом, конями, обрекая их на переход к бандитизму и открытым грабежам².

Подобное отношение к местному населению уцелевших повстанческих отрядов, а по сути, бандитских шайк, ничего, кроме озлобления, вызвать не могло. К тому же, активная деятельность тамбовских чекистов не оставляла шансов на организованное вооруженное сопротивление советской власти под политическими лозунгами. Понимали это и уцелевшие лидеры повстанцев. В декабре по приказу Антонова, ушедшего к тому времени в подполье, был расформирован Главный штаб повстанческих войск Тамбовской губернии³.

С этого момента сопротивление советской власти трансформируется, стараясь слиться с повседневными формами крестьянского протеста, политический подтекст маскируется «между строк» бытового существования. Благо, обстоятельства того периода позволяли это сделать без особого труда.

В первые годы НЭПа, уже после ликвидации братьев Антоновых, самым ярким проявлением крестьянской борьбы в условиях автономного сопротивления⁴ стал бандитизм, захлестнувший деревню в 1920-е гг.⁵ Он был представлен уцелевшими в 1921 г. осколками повстанческих отрядов, превратившимися в 1922 г. в типичные бандформирования, не складывавшие оружие, поскольку не могли пройти по статьям «дезертир» или «уголовник». Деятельность таких отрядов выражалась в расправах над советскими служащими, сельскими милиционерами и активистами.

Таким образом, ликвидация лидеров «антоновщины» не привела к полному затуханию протестных настроений в деревне, как этого бы хотелось руководству

¹ Савченко В. А. Атаманы казачьего войска. М., 2006. С. 320.

² Там же. С. 411.

³ Там же. С. 321.

⁴ «LeaderlessResistance» – сопротивление без лидера (букв. «безначальное сопротивление», которое мы переводим на русский язык как «автономное сопротивление», сокращённо – АС). Суть данной формы борьбы в том, что участники проекта АС, организованные в «фантомные ячейки», обязаны сами знать, что и как им делать. Вовлеченные в движения люди обладают схожим мировоззрением и, как правило, реагируют в данной конкретной ситуации определенным образом. Это не значит, что АС – самый эффективный вид организации. Скорее, это одна из крайних мер безопасности, обращение к которой – честное признание критического положения. Можно расценивать АС как стремление во что бы то ни стало отстоять позиции перед лицом подавляющего превосходства противостоящей стороны. Подробнее об АС см.: URL: <https://milaut.wordpress.com/2009/01/25/автономное-сопротивление>.

⁵ Сусанина А. П. Типы и формы крестьянского сопротивления в годы Новой экономической политики // Вестник Новгородского государственного университета. 2011. № 63. С. 62.

страны, а лишь значительно ослабила крестьянское движение, трансформировав его в условиях Новой экономической политики в менее политизированные формы сопротивления – такие, как бандитизм. По данным С. Н. Захарцева, занимавшегося изучением преступности в Тамбовской губернии в годы НЭПа, Тамбовский и Козловский уезды на всем протяжении 1920-х гг. занимали первое место по количеству грабежей и разбоев¹. Учитывая, что Тамбовский уезд в 1920-1921 гг. был в наибольшей степени охвачен повстанческим движением, а в Козловском активно действовал партизанский полк Васьки Карася, можно предположить, что политическое сопротивление советской власти трансформировалось в этих районах в социальное явление, тем самым выходя из поля зрения органов госбезопасности. Уголовный характер преступления вселял некоторую надежду на «благоприятный» исход дела, в отличие от «политического».

В то же время в ряде мест Тамбовской губернии органами ГПУ были отмечены факты вооруженных выступлений селян. В частности, в одной из волостей Липецкого уезда в связи со сбором забронированного картофеля толпа крестьян, вооруженная вилами и кольями, пыталась избить милиционеров². Налицо факт вооруженного сопротивления политике советской власти. Однако это выступление не было организованным, носило стихийный характер и не представляло явной угрозы власти.

Причина 4. Используемая повстанцами тактика отталкивала от них тех людей, которых они стара привлечь к себе.

Цель, за которую сражаются повстанцы и контрпартизанские силы – это народ. Тот, кто перетянет на свою сторону народ, тот, как правило, и выигрывает в войне³. Повстанцы пытаются сделать это по-разному. Как правило, для этого они используют идею⁴.

В военно-организационной работе комитетов СТК, возрожденных А. С. Антоновым после начала Тамбовского восстания 1920–1921 гг., основное внимание уделялось агитации, особенно в районах, не охваченных восстанием. Необходимо было объяснить крестьянам – потенциальным рекрутам – цель борьбы. От этого зависела поддержка движения, так как крестьяне, несмотря на недовольство советской властью, «как всегда, хотели остаться в стороне от конфликта, чтобы наслаждаться – или скорее пользоваться – плодами своей земли»⁵. Поэтому кадры для комитетов СТК подбирались тщательно. Особенно это касалось агитаторов – ключевых фигур при организации комитета. Благодаря их усилиям комитеты смогли пополнять антоновские полки, а также сдерживать поток дезертиров из отрядов вплоть до лета 1921 г., и это в условиях, когда продрозверстка – основа агитации – была отменена.

В публичных выступлениях и агитационных материалах антоновцев упор делался на результаты деятельности коммунистов. Ораторы на митингах по созданию комитетов СТК рисовали «печальную картину положения страны благодаря 3-летней власти коммунистов», делая упор на целесообразность выступления крестьян. После столь убедительной речи сельский сход принимал резолюцию о

¹ Захарцев С. Н. Преступность в Тамбовской губернии и борьба с ней правоохранительных органов в период НЭПа (1921–1928 гг.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Пенза, 2003. С. 17.

² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т.1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. П. Данилова. М., 2000. С. 620.

³ Stoker D. Op. cit. P. 6.

⁴ Ibid.

⁵ Singleton S. The Tambov Revolt (1920-1921) // Slavic Review. Vol. 25. №3 (Sept. 1966). P. 505.

поддержке восставшего крестьянства, обещая «бороться со сворой коммунистов до последней капли крови»¹.

По завершении митинга начинали сразу формировать из местного населения боевые отряды. В первую очередь шла добровольная запись, затем прибегали к принудительному набору. Причем мобилизованные повстанцы преимущественно назначались для несения нестроевой службы (разбор железнодорожного полотна, гужевая повинность, строительство оборонительных сооружений и т. п.), что заметно сглаживало раздражение крестьян от насильственной мобилизации.

Однако с наступлением весны ситуация изменилась. Мобилизационную работу комитетов СТК осложнило усиление репрессий со стороны советской власти, которая начала брать в заложники семьи повстанцев и конфисковывать их имущество. Тем более начинался период полевых работ, и мужики все чаще поглядывали в сторону полей: война войной, а хлеб сеять надо. Ситуацию усугубило и решение X съезда РКП(б) о переходе к НЭПу с последующей заменой продразверстки продналогом. В сознании крестьян данный маневр советской власти, имевший целью не допустить начала второй гражданской войны – с крестьянством, выглядел не иначе, как реализация на практике «антоновского НЭПа», только проводимого советским государством. Цель борьбы была достигнута, что автоматически означало прекращение вооруженного сопротивления и поддержку государства.

Однако Тамбовское восстание после провозглашения Новой экономической политики продолжалось еще 6 месяцев, поскольку в арсенале комитетов СТК, как и ряда других повстанческих организаций и движений, были иные способы, чтобы заставить людей отказаться от поддержки правительства.

Одним из способов является террор. Повстанцы, по мнению Стокера, используют террор, потому что это работает. Людей можно запугивать для того, чтобы они были против правительства или чтобы они не поддерживали его, что для повстанцев, может, в конечном итоге, быть достаточно хорошо².

Весной 1921 г. антоновцы все чаще стали прибегать к насильственной мобилизации и ответному террору. По мнению Синглтона, «красный террор был жестоким, но террор бандитов был еще ужасней»³.

Доминирующее положение насильственных методов в агитационной работе и широчайшее применение как индивидуального, так и массового террора антоновцами можно объяснить ухудшением материального обеспечения повстанческих отрядов весной 1921 г. Успешные боевые действия зимой 1920–1921 гг. способствовали не только притоку в повстанческие отряды большого числа добровольцев, но и стабильному снабжению крестьянами партизанских армий всем необходимым (продовольствием, одеждой, лошадьми) в надежде скорого освобождения советов от коммунистов и наступления «антоновского НЭПа». Но с наступлением весны ситуация изменилась. Антоновцы вынуждены были перейти к насильственному сбору продовольствия и предметов военного снаряжения для повстанческой армии. Если раньше «помощь» отбиралась только у крестьян советских и нейтральных сел⁴, то теперь антоновцы все чаще стали прибегать к конфискациям и в симпатизирующих повстанцам селах, забирая лошадей без об-

¹ Центр документации новейшей истории Тамбовской области (ЦДНИТО). Ф. 840. Оп. 1. Д. 1110. Л. 125.

² *Stoker D.* Op. cit. P. 6.

³ *Singlton S.* Op. cit. P. 509.

⁴ Примером может служить деятельность Никольского селькома СТК Кариановской волости Тамбовского уезда, просившего Кариановский волком «отобрать у служащего артели Швальнова 9 полушубков (советских) для нужд партизан села». См.: ЦДНИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 1110. Л. 117.

мена, как это было принято раньше. Все это сказалось на армии Антонова, которая к началу мая сократилась до 21 тысячи бойцов, причем «примерно 9 тысяч из них находилась в мелких повстанческих отрядах и отрядиках, насчитывавших великое множество»¹.

5. Идеи и/или правление повстанцев просто не нравятся.

Иногда у лидеров и людей, воюющих под их началом или поддерживающих их, цели разные. К тому же порой повстанцы выдвигают идеи, которые просто не привлекательны для многих людей, которых они пытаются привлечь на свою сторону, и тем самым отталкивают от себя какие-то группы населения².

Современное состояние исторической науки позволяет нам не только ответить на вопрос, почему те или иные районы поддерживали или отвергали идеи повстанцев, но и показать ряд факторов, напрямую влиявших на выбор крестьян.

В условиях пореформенного (1880-е гг. – прим. авт.) сравнительно плавного уменьшения размеров земельных наделов северные уезды начали переход к интенсивному хозяйствованию. К тому же, здесь были развиты промыслы и отходничество в близкие промышленные губернии, что снижало реальную плотность населения и радикальную социально-политическую активность перенаселенных крестьянских сообществ. Борисоглебский уезд и большие части Кирсановского и Тамбовского уездов лежали в полосе степных черноземов, которые к концу XIX в. не исчерпали еще своей плодородности. Поэтому все свои надежды «южане», в отличие от «северян», связывали с землей и произведенным на ней хлебом, представлявшим особую ценность для крестьян южных уездов. Именно на эти уезды, волости, села и деревни в 1920 г. пришелся неурожай, тяжесть которого для крестьян была усугублена непомерной для этих условий продрозверсткой, что во многом предопределило их наибольшую активность в «антоновщине»³.

Главной ценностью «северян», в отличие от хлебных степных уездов, был лес, который, в совокупности с малопродуктивной почвой, вынуждал их в большей степени ориентироваться на промыслы. Поэтому «крестьянская» программа «антоновцев» во многом была им чужда.

Указанную разницу можно было заметить уже в годы Первой русской революции. Характер действий в тех или иных селениях и волостях подтвердил решимость «земледельцев» отстаивать свое право на землю, а «промысловиков» - бороться за улучшение условий труда⁴.

Экономическая направленность требований, как и политические предпочтения, сохраняются практически без изменения вплоть до 1917 г. К середине 1920 г. кризис политики «военного коммунизма» по-разному отразился на «хлеборобах» и «промысловиках». Если у «промысловиков» была возможность забросить свои наделы и уйти в города в поисках лучшей жизни, то «хлеборобы» такой возможности не имели. Поэтому будущие антоновские села были переполнены активными парнями 20–25 лет. Обладая повышенной активностью, жители этих территорий могли

¹ Самошкин В. В. Хроника Антоновского восстания. Александр Антонов (страницы биографии). Борисоглебск, 2003. С. 87.

² Thomas A. Marks, *Maoist Insurgency Since Vietnam*. London and Portland: Frank Cass, 1996. P. 286–287.

³ Подробнее см.: Иванов Д. П. Экологические предпосылки крестьянского восстания в Тамбовской губернии 1920–1921 гг. (Микроисторический подход) // Экологические проблемы модернизации российского общества в XIX – первой половине XX в.: материалы межрегион. конф. Тамбов, 5–6 окт. 2005 г. / отв. ред. В.В. Канищев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2005. С. 103–106.

⁴ Подробнее см.: Иванов Д.П. Крестьянские восстания 1905–1907 гг. в губернии как пролог «Антоновщины» // Первая российская революция: взгляд из будущего: материалы Всерос. научн. конф. Тамбов, 25–26 апреля 2006 г. / Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2006. С. 128–132.

проявлять ее не только в хозяйственной, но и в политической деятельности, пополняя при появлении внешнего раздражителя ряды повстанцев. В результате наиболее экономически «продвинутые» крестьяне были заинтересованы в мирном хозяйствовании, но вынужденно выбирали революционный путь борьбы за свои интересы. Неантоновские села, отказавшиеся от вооруженного противоборства, напротив, не могли предложить эффективного хозяйствования. Таким образом, отсутствие общих интересов не позволило крестьянству Тамбовской губернии, до того момента сплоченному в борьбе с помещиком и государством, образовать единый фронт сопротивления политике советской власти, что в конечном итоге и привело к поражению восстания. Посему, на наш взгляд, выводы Стокера и в данном пункте оказались справедливыми и применимыми к Тамбовскому восстанию 1920–1921 гг.

Причина 6. Повстанцы иногда следуют неправильной стратегии.

В данном пункте Стокер приводит примеры использования повстанческими движениями неудачной тактики, приведшей в итоге к их поражению. В истории «антоновщины» мы также можем обнаружить ряд просчетов лидеров крестьянского сопротивления, ставших для них фатальными. Рассмотрим несколько примеров.

Успех борьбы и повстанцев, и советских войск напрямую зависел от степени контроля сторонами над железной дорогой. Наиболее эффективным средством борьбы с повстанцами были бронепоезда и бронелетучки, позволявшие своевременно перебрасывать необходимые резервы на опасные участки фронта, тем самым изменяя соотношение сил и решая исход боя. К тому же курсирование бронелетучек «запирало» антоновцев между железнодорожными линиями, не позволяя распространить восстание на новые территории.

Повстанцы, лишённые из-за особенности расположения железной дороги территориального преимущества, все же смогли использовать этот недостаток в свою пользу. Грамотно организованная диверсионная работа, важную роль в которой играли комитеты СТК, позволила Антонову и его окружению в течение года сдерживать мощь советского государства, а в некоторые моменты и брать ситуацию под свой контроль. В связи с этим можно предположить, что подавлению Тамбовского восстания 1920–1921 гг. во многом способствовал провал диверсионной работы на коммуникациях. В результате советские власти смогли удержать контроль над железной дорогой.

Несмотря на развитую сеть комитетов СТК, тамбовские повстанцы не обладали достаточными оперативно-тактическими навыками и материально-техническими средствами для успешной борьбы с бронепоездами и бронелетучками красных. Поэтому с наступлением весны антоновцам все реже удавалось пускать под откос поезда, а о захвате станций не могло быть и речи. Редкие попытки организации диверсий сразу же пресекались. В штаб войск Тамбовской губернии все чаще стали поступать следующие сводки: «Замечается оживленная деятельность бандитов и стремление их к железнодорожному полотну. 26/V в районе д. Абакумовки обнаружена банда 500–700 сабель, стремившаяся к жел[езной] дороге, но своевременно рассеянная огнем бронепоезда № 121... 26/V вечером банда неизвестного количества и командования пыталась произвести нападение на ст. Есипово, но была рассеяна огнем бронелетучки и заставы»¹.

С разгромом в июне 1921 г. основных сил повстанцев, а затем ликвидации сети комитетов СТК четко спланированная диверсионная работа на коммуникациях уступила место отдельным акциям, которые местами были успешны, но повлиять на ситуацию в целом уже не могли².

¹ «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской области в 1920–1921 гг. С. 379.

² В качестве примера можно привести диверсию, организованную силами отряда Канищева и Ворожищева в августе 1921 г., когда был пущен под откос бронепоезд.

В заключении Стокер приходит к выводу, что повстанцы фактически проигрывают больше, чем побеждают. Причины подобного развития событий он видит в следующем: если власть, пытаясь подавить мятеж, будет воевать и в то же время созидать, давать людям перспективу лучшую, чем ту, что предлагают повстанцы, сохраняя терпение и самообладание и понимая, что подавление мятежа потребует долгого времени, она, скорее всего, победит¹.

Тамбовское восстание 1920-1921 гг. не стало исключением. Вступление в комитеты СТК было более массовым, нежели непосредственно в боевые ряды антоновцев. Часть коммунистов и советских работников поддерживали СТК, желая уйти от ответственности за невыполнение продразверстки. Поэтому главную роль в становлении и развитии массового антикоммунистического сопротивления сыграл СТК, а не личная харизма А. С. Антонова. И все-таки, несмотря на относительно успешную работу, комитеты «Союза» не смогли заменить на местах большевистские советы. Но их деятельность, как и деятельность СТК в целом, вынудила власть изменить свое отношение к крестьянству. В этой связи замена продразверстки продналогом выглядела в сознании крестьян как реализация «антоновского НЭПа». Цель СТК была частично достигнута. Крестьянство в борьбе с государством в этом смысле одержало победу, обеспечившую ему более свободное экономическое развитие в 1920-е годы, а следовательно, исключило мотивы для вооруженного сопротивления его политике.

Если учесть, что основную массу антоновцев составляла крестьянская молодежь в возрасте 25–35 лет, большинство из которой руководствовалось чисто экономическими соображениями, а нередко и желанием пограбить, а массовое вступление крестьян в отряды совпало по времени с подъемом и наибольшим размахом движения, когда к восстанию обычно примыкали психологически колебавшиеся или сравнительно легко «заражающиеся» массовым порывом люди, то можно увидеть, что массовый отток крестьян из рядов повстанцев по времени совпал с переходом к НЭПу, с одной стороны, и началом активной фазы ликвидации Тамбовского восстания, с другой. В этом проявилась чисто крестьянская сущность повстанческой войны.

¹ *Stoker D. Op. cit. P.10.*

ВОСПОМИНАНИЯ С. А. ОКУЛОВА¹

В настоящей публикации представлены три самостоятельных мемуарных сюжета, принадлежащих одному из активных деятелей революции и гражданской войны в Пермской губернии С. А. Окулову. Они выявлены в Государственном архиве Пермского края.

Все они касаются известных сюжетов региональной истории и ценны именно как взгляд непосредственного и активного участника событий. Воспоминания не подвергались литературной обработке, они написаны человеком с невысоким уровнем образования, но при этом лишены тенденций к украшательству, что повышает их ценность как исторического источника.

С. А. Окулов повествует об аресте архиепископа Пермского и Соликамского Андроника в июне 1918 г., об оставлении Перми в декабре 1918 г. и работе комиссии Сталина – Дзержинского, наконец, о боях на Чердынском фронте в конце 1919 – начале 1920 гг. Все эти сюжеты имеют свою историографию, и введение в научный оборот нового источника создает предпосылки для ее продуктивного расширения.

Степан Акимович Окулов родился 14 января 1884 г. в г. Перми в семье мелкого торговца. По окончании трёхклассного приходского начального училища пробыл два года в городском училище. Без согласия родителей, не доучившись, поступил работать учеником в слесарную мастерскую. В 16 лет поступил слесарем на Пермский пушечный завод в Мотовилихе. 17 октября 1905 г. Окулова взяли на действительную военную службу, с которой он возвратился в Пермь в 1908 г. и через месяц женился на бедной девушке, дочери мотовилихинского рабочего. Окулов поступил на работу слесарем в железнодорожное депо Пермь-1. 19 июля 1914 г., с началом Первой мировой войны, призван, попал Лейб-гвардии в Преображенский полк во вторую роту, которой командовал будущий белый генерал А. П. Кутепов. На фронте находился два года, был в боях под Люблином, Ивангородом, Варшавой, Ломжей, Сморгонью. В августе 1916 г. был ранен в бок и контужен в голову. Награжден георгиевским крестом². После лечения в 1916 г., как мастерской-слесарь, откомандирован из полка в автомастерскую 12-й армии в Псков. После февральской революции – начальник гарнизона г. Венден, затем председатель совета города до 15 августа 1917 года. Во время переворота 25 октября Окулов был избран председателем Псковского губисполкома, выступил против Корнилова с 1-м полком кавалерии и 3-м полком пехоты. В декабре 1917 г. он возвратился в Пермь и поступил в Красную гвардию. С января 1918 г. последовательно занимал следующие должности: инструктор-организатор Красной армии; по постановлению Пермского совета – член Военной коллегии Окружного военного комиссариата; начальник гарнизона г. Перми и губернский военком. 24 декабря 1918 г., при наступлении Сибирской армии адмирала Колчака на Пермь, бросил гарнизон и бежал с отрядом в 1000 человек к Оханску. Получил приказ от командования 3-й Красной армии ликвидировать заговор в 10-м инженерном батальоне 10-й стрелковой дивизии, который дислоцировался в Очерском заводе. Во время ликвидации заговора расстрелял 83 офицеров. Прибыв с отрядом в Глазов, был арестован партийной комиссией Сталина – Дзержинского, но наказания не понес,

¹ Биографические данные на С.А. Окулова и три публикуемых мемуарных сюжета извлечены из Государственного архива Пермского края (ГАПК): Ф.Р-1580. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–8; Ф.Р-1111. Оп. 1. Д. 394. Л. 1–5; Ф. Р-1580. Оп. 1. Д. 16. Л. 1–6; Д. 15. Л. 1–4.

² Знак отличия Военного ордена 4-й ст. №481115, выдан 21.10.1915.

а был отправлен на фронт во главе своего отряда. С января по 1 ноября 1919 г. Окулов командовал 260-м Петроградским полком, с которым первый вошел в Пермь 1 июля, за что был назначен начальником гарнизона города. Сумел быстро восстановить в Перми порядок.

Дойдя с полком до Тобола, Окулов 15 ноября заболел и приехал в Пермь. После полуторамесячного лечения 5 января по приказу Реввоенсовета 3-й армии принял командование 33-й бригадой, вступив в обязанности начальника обороны 2-го Кай-Чердынского района. По его словам: «...На Северном фронте дрался против генерала Миллера. Закончил там операции успешно. Взял громадные трофеи и возвратился в Пермь 1 апреля и до ноября командовал 33-й бригадой, а с 11 ноября 71-й бригадой».

С 21 марта по май 1921 г. – командир 170-й стрелковой бригады 57-й стрелковой дивизии. Приказом РВСР №124 от 18 мая 1922 г. награжден орденом Красного знамени. С 1923 по 1928 гг. – Пермский окружной военный комиссар. Член Пермского городского совета созыва 1924-1925 г. Приказом по РВСР уволен в долгосрочный отпуск по состоянию здоровья в 1928 г. До самой смерти был председателем Пермского городского комитета Осоавиахима. Умер от тифа 22 мая 1934 г.

Арест архиепископа Андроника

В июле¹ месяце 1918 года в Кафедральном соборе после богослужения епископ Андроник открыто выступил с призывом свергнуть Советскую власть и этих нечестивцев, хулиганов, гонителей веры христовой.

Помню, ко мне пришла женщина в военкомат – агент ЧК, взволнованная и говорит: «Что вы смотрите, товарищ Окулов. Рядом с вами происходят такие факты, а вы сидите в своем кабинете и нечего не делаете». А сама агент. «Вечером на заседании» – передает. В совете, где стоял вопрос об этом выступлении епископа Андроника, было постановлено арестовать епископа, прекратить его пропаганду. Арест возложен был на председателя ГубЧК П.И. Малкова. Я предвидел, что может вспыхнуть восстание темных масс. Ввиду того, что имелись случаи, что они ведут, т. е. попы, везде и всюду агитацию в городе.

Арест этот обеспечить так, чтобы не вспыхнули никакие волнения среди населения, и руководство поручить на т. Окулову. Я вызвал из Мотовилихи дружину рабочих завода Мотовилихинского в количестве 400 человек. Дал приказ об-разцовой роте (150 человек) у военкомата собраться к 10 часам в здании губвоенкомата. К 10 часам, когда все собрались, отряд мотовилихинских рабочих и особая рота, мы заметили, что на колокольне кафедрального собора поставлен часовой. Посмотрев, убедились, что действительно находится на колокольне (часовой). А время сумерки – 11 часов. Нужно было снять его. Но мы догадались, что будет тревога, а человек стоял на своем посту. Я посадил на крышу военкомата человека, который следил, не покажется ли он. Как нарочно не показывался. И вот в часов 12 ночи, когда приехал из ЧК Малков и еще товарищи, когда они подошли к крестовой церкви, то там оказывается полно старушек и старичков, но двери не отворяли, и пришлось взламывать двери. Когда стали ломать двери, ударили в набат и одновременно по всему городу раздался набат в 12 часов ночи. Получилась жуткая картина, для нас в особенности. Люди разбежались по площади. Началась беспорядочная стрельба, без всякого приказа по собору и колокольне. Я выступил браво, потому что у меня громовой голос. И мне удалось прекратить эту беспорядочную стрельбу. Въехала пожарная часть, думают пожар. Все кричат. Нет возможности перейти взводу солдат. Я скомандовал. Взвод побежал к церкви.

¹ В июне. Арест состоялся 4(17) июня, убит был владыка в ночь на 7(20) июня 1918 г.

Приехавшие пожарные увидели, что нет пожара, и возвратились обратно в пожарную часть. Епископа увезли в Мотовилиху. Что они там делали – я не знаю.

Еще помню случай. Когда пожарные оставляли площадь, в это время мы увидели, бежит поп и крестится большим крестом и агитирует против советской власти, но в то же время и боялся, как бы мы его не арестовали. Я закричал на него, что мы не будем марать рук. На это есть ЧК.

Епископ сидел в Мотовилихе в бане. Разговаривал с ним Малков, но он не поддавался.

Была послана из Москвы делегация духовных лиц. Когда они приехали в Пермь, их расстреляли. Это было в июле 1918 г.¹

Помню один факт. Приходит ко мне монашка и говорит: У меня брат на фронте. Я не знаю, жив ли он или нет, и как его поминать – за упокой или за здравие.

Я говорю, что не знаю, жив он или нет. Мое дело военное. Конечно, лучше за упокой.

По Петропавловской улице попы развели агитацию среди баб.

Это было в июле 1918 г. В начале этого месяца. Я шел и попал в эту перепалку. Подхожу и спрашиваю в чем дело. Видят, что одет в военном. Они на меня накинулись, и один молодой человек, лет 18, лезет на меня и говорит: это тоже большевик. Потом я узнал, что были раненные после этой перепалки, и все утихло.

Наступление Колчака

В декабре 1918 года у нас на фронте под Пермью было неблагоприятно. Наши отряды Красной армии не могли сдерживать противника в силу того, что дисциплина была не налажена. Существовало выборное начало, которое не успели еще укрепить и, к тому же, громадное значение имело и то, что белые быстро продвигались вперед и в силу всего этого сдавались красноармейцы прямо десятками. Бывали случаи, что 15 человек отдавали винтовки, и даже целый полк сдавался, не оказывая должного сопротивления. Дивизия, защищавшая Пермь, стихийно отошла от Перми. В то время Пермь была переполнена. Здесь были товарищи, которые эвакуировались из Екатеринбурга в виду слишком тревожного положения. Постановлением Уральского областного совета я был назначен начальником гарнизона, в то время мне пришло приказание продвигать наши части дальше. Думать приходилось поэтому. В последних числах декабря я эвакуировал жену вместе с женами т.т. ответственных работников и отправил эшелон в сторону Вятки. Положение стало тревожное. Числа 22 декабря было созвано совещание тех частей, которые должны были защищать Пермь и которые находились до этого на отдыхе. Я на этом совещании, [...] но в ночь на 24 декабря в 4 часа утра раздалась стрельба по городу. Я находился в это время в кабинете. Все забежали, засуетились. Затрещали телефоны. Сообщают, что Мотовилиха занята белыми. Как занята? На такое дело, что я мог сообщить мотовилихинцам. Я по телефону сказал, что с тысячью человек приду к вам в Мотовилиху. Держитесь товарищи! В это время полетели снаряды от Красных казарм в сторону Камы. Люди наполнили военкомат и находились в панике. Со мной был т. Лукоянов. Нужно было принимать быстрые решительные меры. Я стал звонить в штаб 3-й армии. Тут мне сообщают, что штаб проходит мимо. Нужно принимать решение немедленно, самостоятельно. Спрашиваться и советоваться не с кем было. Мы были только с т. Лу-

¹ Очевидно, имеется в виду приезд для расследования убийства архиепископа комиссии Поместного Собора во главе с Черниговским архиепископом Василием (Богоявленским). На обратном пути, у Камского железнодорожного моста, 1(14) августа 1918 г. члены комиссии были убиты красноармейцами.

кояновым, но решающей роли он играть не мог, т. к. начальником был я, пользовался доверием. Я дал приказ отступить по Казанскому тракту. Набралось со мной 900 – 1000 человек. С ними мы двинулись по теперешней Трудовой улице до Шадринского переулочка тут свернули налево к Казанской заставе. Стрельба была по всему городу. Шли мы версты наверно 22 до Култаево и тут сделали ночевку. Ночью приехал т. Белобородов. Тут подошли другие части. Пришлось командовать 2-я бригадами. Наутро дальше двинулись по направлению к Юго-Камску в Оханск. От Оханска двинулись в направлении к Глазову.

Где он прорвал фронт? Кто находился тут, кто подался к ним. Я об этом в то время ничего не знал. Только уже в 23-24 годах это выяснилось.

В Глазове я был назначен начальником гарнизона. Я явился в военкомат к т. Лашевичу, где получил приказ о назначении. Пробыл я начальником гарнизона 3-4 дня.

В это время прибывает Чрезвычайный поезд во главе с т. Дзержинским.

Я помню один момент. Мне сообщают: «Товарищ Окулов будьте добры явиться к т. Дзержинскому». Явился я, конечно, по военному, отрапортовал: «Честь имею представиться – начальник гарнизона Окулов прибыл».

- Скажите мне, т. Окулов. Вы Пермский начальник гарнизона? С какого времени в партии?

- С ноября 1918 года.

Я абсолютно не отдавал себе отчета, что тут такое. Потом он так мне сказал: «Товарищ Окулов я вынужден вас временно задержать».

У меня был револьвер системы наган. Я вынул его и отдал. Подходят ко мне два человека. Следую за ними в вагон, в отдельное купе. Я был болен – температура 40 градусов. Вижу, дело плохо. В вагоне сидело еще 20 человек схваченных и тут же полковник Стогов. Пойду в уборную – за мной идет. Я запротестовал. Вызывает мне коменданта. Я заявляю, что передайте т. Дзержинскому, меня расстрелять когда угодно можно. Я никуда не денусь, поэтому я в уборную так ходить не буду. Через 20 минут приходит сам т. Дзержинский и говорит, что разбирается дело, успокойтесь.

«Нечего меня с полковником Стоговым ставить здесь. Рассматривайте скорее. В чем дело?» – говорю я.

«Без вашей просьбы рассматриваем, дело разбирается. Будьте настоящим командиром». Отвечаю: «Товарищ Дзержинский, ко мне разрешите пускать жену?»

Жена ходит и мальчик, который был моим воспитанником. До этого я был эсером. Да я мало разбирался. На практической работе развивался и сам вел работу как большевик. Восстание эсеров подавлял. Ну, они меня утвердили.

Серезка во всякое время стал прибегать. Я страшно заболел. Я вижу, что военизируются. Я начал спрашивать, в чем дело. Мне говорит охранник: «Не спрашивайте, мы не можем говорить». Я стал настаивать. «Ну вы меня завтра расстреляете, а сегодня-то можно мне сказать». – «Не могу сказать, начальник».

Прошло 5-6 дней. Меня вызывают. Думаю, повели расстреливать. Говорю тем, кто меня повел. У меня был с собой портсигар и часы. Кто в сердце попадет, тот получит портсигар, а кто в левый висок – тот часы. А про себя думаю, кто станет защищать Советскую власть, если таких, как меня, будут расстреливать. Подходим к вагону. Стоят Дзержинский, Лашевич и Смилга, тут же был. Я еще болен – температура 40 градусов.

Т. Дзержинский говорит: «Следствие закончено. Выяснилось все. Вот вам оружие».

Подает мне револьвер и говорит: «Держите его с такой же честью, как и до сих пор».

«Я больше комиссаром не буду Я пойду на фронт. Дайте мне возможность выполнять трудные задачи», – сказал я. «Вот т. Лашевич сделает завтра». И, обращаясь к нему, сказал: « Вы исполните, что будет просить т. Окулов». Я вышел. Мне подали кошевку и повезли. Пришел я в комендатуру. Там людей полно. Требуют увидеть своего командира. Вышел, поставили бочку. Я давай митинговать. Саблю подтаскивают: «Товарищ командир шпагу вы оставили». Стал формировать отряд. Сформировал пулеметную команду. Денег было у меня много. Миллион крупчатки был. Деньги, оказалось, не принимают. Иду к Лашевичу. Он дает приказ. Деньги 650 тысяч берет, а 350 тысяч рублей оставляют мне.

Чердынское восстание¹

В ноябре 1919 года я больной прибыл с Восточного фронта в город Пермь, сдав командование своим полком уполномоченному. В конце ноября меня вызвали в губернскую чрезвычайную комиссию² и предложили вступить в командование

¹ О событиях ноября 1919 – марта 1920 гг. и им предшествовавших в указанных местах и в целом в Печорском крае см., например: *Таскаев М. В.* Печорский фронт в 1919 году // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 1997. № 4; *его же.* Подполковник Николай Орлов // Белая армия. Белое дело. 2000. № 7; *его же.* Печорская республика: белый тыл на Севере России // Белая армия. Белое дело. 2003. № 13; *Васёв В. Н.* Красные и белые: голос из прошлого. Архангельск – Вологда, 2013. С. 368–384.

² Руководил ГубЧК П. И. Малков. Малков Павел Иванович (1892–1956), чекист, председатель Пермской и Вятской губ ЧК в 1918 – начале 19120 гг., далее на чекистской и хозяйственной работе. В начале 1920 г. также – начальник обороны Северо-Вычегодского-Кай-Чердынского края. В 1936 г. выдал жене С. А. Окулова справку следующего содержания (обнародована на интернет-форуме: http://oper.ru/oforum/read.php?thread_id=1049541064&page=31):

«Справка Малкова

В 1920 году в бытность мою начальником обороны Северо-Вычегодского-Кай-Чердынского края товарищ Окулов, состоящий в то время комбригом 33-й ВОХР при Пермской ГубЧК, был мною назначен начальником обороны 2-го Кай-Чердынского района и в этой должности он оставался до полной ликвидации белых банд, оперировавших в этом районе январе-феврале 1920 г. Операции велись по направлениям: Троицко-Печерском к северу и Усть-Немскому к северо-западу от города Чердыни. Главные силы белых находились в Троицко-Печерском и состояли преимущественно из белых офицеров и из мобилизованного белыми местного населения. Операция в направлении на Пермь была командованием белым фронтом генералом Миллером возложена на 10-й стрелковый полк, одновременно с этим 1-й и 14-й стрелковые полки и отдельные отряды белых действовали в юго-западном направлении с целью занятия Вятки и расстройством тыла 3-й и 6-й армий и нанесения удара 6-й армии с левого фланга. Благодаря умело организованному наступлению, противник не выдержал и после неоднократных ожесточенных боев вынужден был отойти и принять предложенные нами условия капитуляции. Троицко-Печерск, Усть-Цильма, Учть-Щугор были почти одновременно заняты войсками обороны. Нами было взято несколько десятков офицеров, около 8000 солдат, несколько сот пулеметов разных систем, около 6000 винтовок, несколько миллионов патронов, 13 орудий и 28 пароходов, несколько барж, а также большое количество продуктов и обмундирования.

За быструю, умело проведенную операцию, при сравнительно малых потерях, за исключительную храбрость, служившую примером для всех бойцов и вдохновляющую их, товарищ Окулов в первых числах апреля в числе других начальников обороны районов и отдельных красноармейцев и комсостава был представлен мною через Военный совет войск внутренней охраны республики к награждению орденом Красного Знамени.

Справка дана жене Окулова Степана Акимовича для предоставления в командное управление РККА».

частями 33-й бригады охраны. Бригада располагалась в Чердыни, где вспыхнуло восстание местного населения, расположенного в верстах 300 от этого города. Охотники-зыряне, мобилизованные белыми офицерами миллеровской армии, вели наступление на город Чердынь. Эта банда взяла несколько селений, создав панику. Они группировались в селе Троицко-Печерске, там, где Печера соединяется с Камой.

Мой отряд доходил до Усть-Цильмы. Мы имели связь с Пермью и Вологдой. У них был штаб в Архангельске, в лесах был склад, благодаря которому белые снабжали охотников-зырян продовольствием и всем необходимым. Охотники были снабжены полушубками и валенками, а мы были полуголые, полураздетые. Население зырян начинало выселяться. Создавалась непосредственная угроза.

Я приехал в Чердынь в момент самой паники, когда местные партийные, профсоюзные и другие советские организации бежали. В народном доме Чердыни я попросил устроить собрание, на котором категорически заявил, что не может быть никакой эвакуации. Я дал товарищам слово, что в ближайшие 3–4 дня Красная армия перейдет в наступление. Как только я вступил в командование частями обороны Чердынского района, немедленно приступил к решительным действиям, ибо отлично понимал, что от решительности зависит все. Климатические местные условия заставляли ликвидировать восстание в зимнее время, ибо в летнее время передвижения крайне затруднительны.

Деревни находились на расстоянии в 30–40 верст друг от друга и поэтому я, прежде всего, быстро наладил с местными организациями правильную организацию снабжения действующих частей бригады, численностью в 2000 человек. Батарей не было. Пулеметы были американские.

Наладив продовольственное снабжение своих бригад, приступили к решительным действиям. Я немедленно отдал приказание занять д. Якшу, занятую белыми, находящуюся приблизительно в 200 верстах от г. Чердыни. После короткого боя частями бригады белые были выбиты и поведено без остановки наступление на Троицко-Печерское. Находясь под непрерывными ударами наших частей и видя свое безвыходное положение, белые вынуждены были немедленно сдаваться.

Высылают к нам свою делегацию. Приезжают два офицера и один стрелок. Я приказал напоить чаем и накормить. Отвести им квартиру в с. Покче. Их напоили и накормили. Это было вечером, а в 9-ть часов утра назначил им свидание. В кабинет штаба вошла делегация. Я попросил садиться, и когда они сели, первый спросил я: – Каковы ваши условия? Что можете сказать? Это дело сознательное, – обратился я к стрелку. В этот момент перебивает меня один из офицеров и начинает читать. Автономная Печерская республика. Неприкосновенность личности.

Словом еще ряд разных предложений. И я среди этого разговора сказал: «Никаких автономных республик. Я разговаривать не могу. Уполномочия не имею. И поэтому мой разговор короток. Полная сдача. Категорически. Я не буду создавать кровопролития и не один человек не будет расстрелян. Я даю честное слово командира». На этом наш разговор и закончился. И в то же время отдал приказание. Немедленно взять Троицко-Печерск. А они едут. Не успели доехать.

Другая опять делегация через два-три дня. Опять разговоры. И я не стал разговаривать с офицерами. Пришел ко мне зырянин-солдат узнать, хороший командир Окулов или нет. Он пришел от белых. Стали ходить по избам, где жили солдаты, где был расположен отряд, и узнали тогда, какой человек Окулов. Я сказал: «Можно по выбору взять себе командование». Он со мной договорился. Я сказал, что нужно оружие сдать немедленно и с офицерами договорится сложить оружие в кучу. Чтобы не было напрасно крови пролито. Так и сделали.

Когда мой отряд приблизился к Троицко-Печерску, мы захватили богатые трофеи: 3 парохода на Печоре, 300 мешков крупчатки, массу шуб. Взяли пример-

но примусов 2000 штук. Велел раздать примусы солдатам и семейным, главным образом. Но потом мне дали сведения. И раздали много, а мне все равно некуда их было девать. А примус был для них необходим.

Взяли в 10-м полку больше 40 человек офицеров в плен. Первая партия 23 человека, вторая 18 человек. Помню один капитан Шульгин как будто. У него были прокламации, и у меня в памяти, что он был расстрелян в Москве.

Когда я приехал в Пермь, то приехала в Пермь комиссия. Был в ней Кожевников. Он в разговоре со мной сказал: «Имею честь передать вам 200 штук сигарет». Только потом, впоследствии из-за этих разных трофеев многие попали под суд. Наберут какао, папирос, шоколад и другое, и крупчатки, а привезут пустые возы. Расстояние длинное. Пока едут, все съедят.

Там мы похоронили в Чердыни 10 человек красноармейцев. Боев больше не было. По Печоре там проходили пароходы товаро-пассажирские. Они у них были приспособлены к этим условиям и вооружены. Ко мне, помню, попался в плен капитан одного парохода. Я хотел тот час же отправить его в Пермь, чтобы не убежал. Но я там жил на квартире у одних капиталистов. Они мне сказали, что это наш родной сын и попросили: «Дайте ему побыть с нами хоть одну ночь». Я сказал, что переговорю с ним. Он классовый враг. И после переговоров я сказал: «Разрешаю и не отвечаю, если он убежит. Берите на свою ответственность, если он убежит». На другое утро или так дня через два его отправили в Пермь, а там его ГПУ отпустила.

После допросов от офицеров было взято военное имущество. Также было много взято и папирос. Там население папиросами торговало и курило, и за восьмушку табаку можно было купить шкуру медведя, т. к. табаку не было. Я белым солдатам сказал, что все распускаются по домам. Ни одного не арестую. И не было никакой возможности тащить их такой путь. Там, в Чердыни, если есть избушка в лесу, то можно в ней переночевать, а селения никакого нет близко. Все селения находятся друг от друга на дальнем расстоянии.

В Чердыни хлебопашеством не занимаются, а больше все охотники. Население большей частью зыряне. Лес смешанный.

Заняли Троицко-Печорск¹. Это было закончено в марте месяце и после этого я возвратился со своими бригадами. Помню один момент. Была одна бригада. Ей полгода примерно командовали. Называется она 71. Так примерно после этого под другим командованием называлась 20-й стрелковой. Потом 33-я. После этого командовал ею Бранд. И только после всех этих перекомандований я стал ею командовать. Эта армия провела все крупные бои хорошо и возвратилась в Пермь.

Армия наполовину была без штанов и без лаптей. Их нужно было кормить. Мы имели массу богатейшего инструмента. У меня в Чердыни, несмотря на приказ, несколько человек ослепли. Солдаты напились денатурата со спиртом.

На строительствах была масса инженеров 5-6 и чиновников. Сидели и ничего не делали. Я не умел обращаться с этой публикой. Все было как-то нецелесообразно. Впоследствии это расшифровали, что это была ошибка Троицкого.

¹ Редакцией чердынской газеты получена следующая телеграмма: «Частями введенной мне доблестной бригады 6 марта в 18 часов занят Троицко-Печорск. Взяты многочисленные трофеи, орудия, много инженерного имущества и артиллерийского, пленные, среди них много офицеров, подсчет которых и подробности выясняются. Начальник обороны Окулов. Начоперштаба Ладейщиков. 1920.18.03».

«ДУБИННАЯ ВОЙНА» НА ЮГЕ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

«Дубинной войной» или «дубинным» восстанием называли непосредственные участники произошедшие в Минусинском уезде Енисейской губернии события последних месяцев 1918 г. Будучи ярким проявлением взаимоотношений между крестьянством и властью, они получили широкое и противоречивое освещение в мемуарах очевидцев и исследованиях историков, которые представляли их сначала в качестве стихийного бунта, затем, с политизацией истории, – трагического эпизода крестьянской борьбы за советскую власть и, наконец, как серьезные беспорядки, вызванные политикой антибольшевистского правительства. Отягощенное крайностями историографии, представление о Минусинском крестьянском восстании, уже названном сложным историческим прецедентом¹, естественно, нуждается в обновлении путем дополнения новыми материалами и пересмотре концепции.

Начиная с августа 1918 г., в сибирской деревне все более заметным становилось недовольство политикой новой власти. Объявленная указом Временного Сибирского правительства от 31 июля того же года мобилизация в Сибирскую армию вызвала в Минусинском уезде сопротивление крестьян. 27 августа уездный комиссар П.Н. Тарелкин² телеграфировал министру внутренних дел о том, что сельские сходы ряда селений решили не давать новобранцев и требуют созыва крестьянского съезда для определения отношения к мобилизации. С посылкой специальных отрядов рекруты явились на сборный пункт для освидетельствования, но из-за нераспорядительности воинского начальника на службу были зачислены только 26 призывников, а большинство их разошлось по домам. В связи с недостатком сил для возвращения новобранцев в казарму уездное руководство ходатайствовало о присылке роты солдат с взводом чехословаков³.

В дальнейшем заметными стали агитация, направленная против мобилизации, и дезертирство. В частности, в с. Пойлово Курагинской волости доказывали несостоятельность офицерской мобилизации и призыва крестьян молодых возрастов, и попали под арест отец и сын Красильниковы, младший из которых являлся прапорщиком. С этой же целью разъезжали по деревням бывшие члены Березовского совдепа. Власти, случалось, арестовывали дезертиров и лиц, выступавших против мобилизации, например, в с. Лугавском, в Никольской волости, а также агитатора, следовавшего на плоту с новобранцами из Белоцарска⁴.

¹ Подробнее см.: Шекшеев А. П. Минусинское крестьянское восстание в воспоминаниях и исторических исследованиях // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. ст. и мат-лов / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2013. С. 70–79.

² Тарелкин П. Н. 1878 г. рождения, уроженец г. Ветлуги Костромской губернии. Окончил сельскохозяйственную школу, бухгалтер. Член партии социалистов-революционеров с 1905 г. За революционную деятельность трижды арестовывался. В 1909 г. сослан в с. Бушуй Енисейского уезда Енисейской губернии. Служил бухгалтером Красноярского военно-промышленного комитета, Абаканского железодельного завода. В 1917 г. – комиссар Минусинского уезда. Во время советской власти – бухгалтер уездной земской управы, служащий общества пчеловодов. При антибольшевистских правительствах – вновь уездный комиссар, управляющий уездом. С освобождением из заключения работал служащим в различных учреждениях Красноярска, официально порвал с партией социалистов-революционеров. В феврале 1931 г. по обвинению в принадлежности к контрреволюционной организации был арестован, а в марте – приговорён к трем годам заключения. Реабилитирован в октябре 1994 г. (Шекшеев А. П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан, 2006. С. 114–119).

³ Симонов Д. Г. Белая Сибирская армия в 1918 году. Новосибирск, 2010. С. 153.

⁴ Труд. 1918. 17, 21, 27, 28 августа, 3, 26 сентября, 1 октября.

Под воздействием такой агитации собрание представителей деревень Сагайской волости, например, приговорило отказаться от мобилизации. Состоявшийся в с. Субботино сход, обсудив свое отношение к ней, вынес следующую резолюцию: «Ввиду того, что наших детей не одевают, посылают на фронт против рабочих и крестьян России, что войско им нужно для защиты буржуев и капиталистов – солдат не давать..., вместе с этим, принимая во внимание, что правительство не отражает воли трудящихся и эксплуатируемых, что оно не защищает их интересы, таковое не признавать, о чём уведомить уездное правление»¹.

Находясь в тисках бюджетного дефицита, правительство объявило сбор государственного налога и недоимок. Деревня же, не зная поземельных налогов после отмены таковых декретом о земле, ответила на это решение саботажем. Например, в конце октября 1918 г. тесинские крестьяне выгнали из села милиционеров, присланных для содействия правлению в сборе налогов, волостную земскую управу разогнали, а помещение её даже взорвали². Взаимоотношения между властями и крестьянством усугублялись борьбой правоохранительных и акцизных органов с нарушениями винной монополии.

К тому же в тыловые районы стали забрасываться большевистские агенты, которые располагали денежными средствами для организации сопротивления. Один из вожаков Минусинского восстания, уже находясь под следствием, рассказал об уговорах выступить против существующей власти, исходивших от «мало-знакомому человеку, хорошо говорившего...» Он обещал достать оружие, выделить новые субсидии и предоставил 1000 рублей на текущие расходы³. Хотя связь таких эмиссаров с деревней являлась слабой и эпизодической, а местное антиправительственное «подполье» в зажиточной минусинской деревне не могло быть сильным и влиятельным, брожение усиливалось. Буквально в канун крестьянского выступления на базаре в Минусинске появился вывешенный кем-то красный флаг, тут же замененный военной властью на бело-зеленое полотнище⁴.

Неспособность «верхов» контролировать ситуацию вызывала корпоративно-анархистское движение «снизу», которое выливалось не только в просоветские настроения крестьянства. Власти сами, следуя либерально-демократической традиции, а на самом деле поощряя вседозволенность, создавали почву для усиления преступности. Когда, к примеру, минусинскому комиссару поступали прошения от сельских обществ об исключении из них односельчан, склонных к антиобщественной деятельности, то он каждый раз отказывался их удовлетворить, ссылаясь на незаконность данных актов⁵. Благодаря отсутствию надлежащего контроля администрации за поведением надзирателей 7 сентября 1918 г. совершил побег из Минусинской тюрьмы бывший член местного совдепа Д.А. Гапченко, а 30 октября – арестованный за сопротивление власти крестьянин-новобранец из с. Бугуртак Курагинской волости К. Проскурин⁶.

В минусинской деревне доминировали равнодушие к общественной жизни, самогоноварение, «мордобой», нежелание платить подати, имели место кражи, поджоги и кровавые расправы. Так, в сентябре 1918 г. в д. Татарская Тесь крестьянин украл у соседа 50 снопов пшеницы, а двое жителей д. Быстрая, напившись,

¹ *Соболев И. И.* Гражданская война в Каратузе // Знамя труда. 1998. 23 декабря; Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 64. Оп. 11. Д. 462. Л. 3.

² Партизанское движение в Сибири. Т. I. Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 18.

³ *Мартынов Н. А.* Красное коммунистическое антиправительственное движение против власти Верховного правителя адмирала Колчака в Енисейской губернии, начавшееся в ноябре 1918 года // Русская Атлантида (Челябинск). 2010. № 38. С. 14.

⁴ Труд. 1918. 30 октября.

⁵ Труд. 1 октября.

⁶ Труд. 10 сентября, 1 ноября.

подрались со смертельным исходом для одного из них. В ночь на 2 октября в п. Ивановском в результате поджога сгорел сахарный завод Пашенных, 5-го – в с. Сагайском крестьянин по пьянке убил стягом односельчанина, 12-го – у жителя Лугавской волости с базара угнали четырех лошадей, а 25-го – в с. Большая Салба мужик зарезал соседа¹.

Преступность все больше приобретала антиправительственную направленность. Нападению и ограблению подвергались представители власти и лица, известные нажитым состоянием. К примеру, 2 октября в с. Чебаки злоумышленники ограбили золотопромышленника К. И. Иваницкого. За исключением одного, они были задержаны. В ночь на 8 октября в Минусинске двое неизвестных совершили дерзкое нападение на возвращавшегося домой офицера М. А. Добрицкого, известного обществу в качестве организатора «инородческой армии». Возникла перестрелка, но на помощь ему ночные объездчики так и не прибыли. В то же время милиция конфисковала фальшивые денежные купюры, предназначенные для хождения среди коренного населения, и установила, что на территории Лугавской, Каптыревской и Шушенской волостей скопилось множество дезертиров, однако упустила задержанного за стрельбу в пьяном виде на Даниловском заводе некоего И. Решетникова².

С целью наведения порядка и успокоения населения 10 октября 1918 г. в Минусинском уезде было объявлено общее для ряда сибирских губерний военное положение, а позднее при гарнизоне был учрежден военно-полевой суд. Вылавливанием дезертиров и новобранцев в уезде стал заниматься отряд поручика Кобелева, действия которого усилили также поступление податей. Учитывая этот опыт, для сбора налогов, розыска новобранцев и дезертиров, а также ликвидации самогонных заводов власти сформировали, с привлечением военнослужащих местной команды, милиционеров и казаков, сводный отряд численностью в 40 человек во главе с начальником милиции прапорщиком Р. И. Зефиоровым³.

Начиная с конца октября, этот отряд, сопровождаемый командой поручика Кобелева, прошел по селениям целого ряда волостей. Деятельность его, за исключением д. Копь Сагайской и с. Бугуртак Курагинской волости, не встретила сопротивления крестьян. Кое-где они даже приветствовали столь энергичные меры уездных властей, направленные на принуждение жителей некоторых сел к выполнению своих общественных обязанностей. Посетив с. Верхний Суэтук или Каменный Брод Ермаковской волости, участники этого рейда уничтожили 48 самогонных аппаратов и емкостей на 13 тыс. ведер браги и арестовали пятерых самогонщиков. Восстановив волостную земскую управу в с. Тесинском, они задержали за антиправительственную агитацию и доставили в городскую милицию еще четверых крестьян⁴.

Небольшой отряд из шести милиционеров с участковым начальником милиции Филипповым, сопровождая акцизного чиновника Коршунова, в конце октября – начале ноября 1918 г. посетил с. Дубенское Тигрицкой волости, жители которого еще при царизме отличались «неповиновением начальству». Здесь они уничтожили два крупных самогонных завода, в частности, крестьянина Крикунова, и посадили их хозяев под арест в сельскую канцелярию, что вызвало возмущение жителей. Собравшиеся по призыву одного из «общественных» самогонщиков крестьяне численностью до 100 человек разоружили милиционеров и, угрожая самосудом, отобрали у официальных лиц в счет восполнения убытков, полученных от

¹ Труд. 27, 29 сентября, 1, 12, 16, 23, 25 октября, 7 ноября.

² Труд. 11, 18, 26 октября, 3 ноября.

³ Труд. 5, 13 октября, 12 ноября; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С.18.

⁴ Труд. 1918. 26 октября, 2 ноября; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С.19.

ликвидации самогонных производств, денежные средства и ценности, а через два дня выгнали их из села, не предоставив подвод.

9 ноября прибывший на помощь отряд Зефинова арестовал зачинщиков, подвергнув 27 человек телесному наказанию. Пока милиция наводила порядок и производила дознание, из соседних селений к Дубенскому подступили и окружили его 400 вооруженных винтовками крестьян во главе с недавними фронтовиками. Рассыпавшись цепью, казаки пытались наступать на повстанцев, но, попав под обстрел с тыла, были вынуждены отступить в село. Обстреливаемый ружейным огнем с разных сторон и даже с церковной колокольни, отряд все же отбил наступление крестьян и удержал за собой центр села. Однако из-за многочисленности противника он 10 ноября решил идти на прорыв. При этом 12 его членов скрылись в окрестных лесах, а остальные вернулись в Минусинск. Только в бою на сельской площади были убиты 15 повстанцев. В целом же их потери составили 60 человек убитыми и ранеными. Со стороны правительственного отряда погибли восемь милиционеров и казаков: начальник милиции 3-го района Мамонтов, милиционеры Байкалов, Фелерма и Шилов, казак Солдатов, еще двое саянских станичников и хорунжий Савельев, получивший множество ранений и смертельную рану дубиной в лоб¹.

К этому времени Минусинск не располагал большими силами защитников. В его гарнизоне находились лишь 200 солдат местной команды и казаков атаманской сотни. Половину атаманцев составляли инородцы, слабо обученные военному делу и не испытывавшие особого желания защищать город². Поэтому, заслушав сообщение о событиях в с. Дубенском, собравшаяся 10 ноября на экстренное заседание Минусинская городская дума постановила провести мобилизацию горожан. С получением известия о движении повстанцев в направлении города начальник гарнизона капитан Шашин объявил в нем осадное положение и назначил особого коменданта – поручика Ценберга, вскоре замененного войсковым старшиной Сидоровым. В организуемую дружину тут же записались до 100 добровольцев. В станице Каратуз для похода на Дубенское была создана дружина из 100 и более пеших казаков во главе со штабом из трех членов и атаманом П. Т. Шошиным³.

Вскоре Минусинск превратился в место, куда в поисках спасения от крестьянского произвола стали стекаться беглецы из селений уезда. Так, например, город приютил 400 жителей Иудинской волости⁴. В этих условиях минусинцы, которые, по воспоминаниям современника, выглядели «сыто-довольными, но сумрачными»⁵, старались поддержать оборону города всеми возможными средствами. В мобилизационную комиссию стали поступать пожертвования продуктами, оружием и одеждой. Благодаря энергичной деятельности священника П. Суховского и прихожанина Н. Толщатова для питания воинов был организован специальный пункт в Вознесенской церкви. 14 ноября здесь приготовили 239, 15-го – 300 горячих обедов, а также снабжали защитников хлебом, поили чаем. Для этой же цели было приспособлено кафе-столовая увечных воинов, а по субботам устраивался базар⁶.

¹ Труд. 1918. 12, 13 ноября, 13, 14 декабря; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 20, 30; Захаров М. П. Минусинское восстание. Исторический очерк // Искра Ильича. 1965. 26 ноября; Соболев И. И. Указ соч.; Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Гражданская война в Енисейской губернии. Красноярск, 2008. С. 85–86.

² Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 25; Колтораков К. А. Этих дней не забыть. Красноярск, 1968. С. 29.

³ Труд. 1918. 12, 13 ноября; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 21.

⁴ ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 462. Л. 18.

⁵ Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 8.

⁶ Труд. 1918. 16, 20 ноября.

В то же время в городе были приняты меры по устранению возможного про-советского брожения, распространившегося по территории уезда. По мнению очевидцев, оно начиналось, как правило, с недоброжелательной критики правительственных мероприятий, основанной на слухах¹. Поэтому 10-12 ноября аресту подверглись 44, а затем еще 15 неблагонадежных лиц, обвиняемых в антиправительственной агитации. Среди них находились бывшие члены совдепа и австрийский подданный Т. Бета. Вскоре разъезд правительственных войск пленил оказавшихся под городом семерых повстанцев, а по приговору военно-полевого суда был расстрелян появившийся в Минусинске для связи с подпольщиками тесинский крестьянин Ткаченко².

Со своей стороны, зачинщики беспорядков в с. Дубенском самогонщики Кульчицкий, Нохрин и братья Пестриковы организовали повстанческий комитет. Обнаружив у жителей лишь 15 винтовок, столько же охотничьих ружей и обрезов, его члены рекомендовали крестьянам готовить пики. По деревням были посланы нарочные с воззваниями. В них мятежники, распространяя лживые сведения о грабежах и жестоких истязаниях жителей казаками, в частности, обрезании ими носов и ушей, вырезании икр ног, призвали население «сбросить казацкое иго», созвать очередной уездный крестьянский съезд, способный определить взаимовыгодные отношения с омским правительством, а для замены действующей власти крестьянским правлением захватить Минусинск³.

Сразу же после бегства милиционеров и казаков из Дубенского, повстанцы численностью 800 человек двинулись на с. Тигрицкое, где их силы выросли до тысячи участников, а затем вступили в с. Сагайское и соединились с отрядом П. К. Ищенко. Во время этого похода его участники расстреляли встретившегося каратузского подхорунжего Черкасова, а в д. Черемушки – некоего П. Матехина. Пополнившись крестьянами Тигрицкой, Моторской, Кужебарской и Сагайской волостей и намереваясь в дальнейшем наступать на Минусинск, мятежники, с целью не оставлять в тылу у себя сильного противника, выступили на казачью станицу Каратуз⁴.

Утром 11 ноября на подходе к станице казачий разъезд задержал было шесть подвод с вооруженными крестьянами, но подошедшие по дороге из с. Сагайского два отряда, развернувшись цепью, пошли в наступление и окружили селение. Засевшие в храме станичники приготовились защищаться. После беспорядочной стрельбы начались переговоры, на которых делегация от казаков и повстанческое командование договорились о сложении оружия защитниками церкви в обмен на сохранение им жизни и имущества. Часть казаков еще до окончания переговоров, бросив винтовки, разошлась по домам. Однако как только они выдали 147 винтовок, толпа кинулась в храм, действуя против безоружных казаков штыками, прикладами и дубинками. Прозвучавшие оттуда выстрелы казака И. Порохина сразили двоих и ранили еще одного мятежника, но не остановили их и лишь еще более ожесточили толпу. Она пошла по домам, убивая их хозяев.

За два дня были растерзаны или расстреляны 27 представителей власти, общественности и, в частности 17 казаков, в т. ч. П. И. Власов, Г. И. Квятковский, И. Н. Ковригин, купец Л. С. Кольцов, А. К. Кошевицкий, П. В. Лазитцкий, милиционер И. М. Лашевич, Г. Масгов, И. Порохин, В. И. Скобеев, В. Г. Стрекалов, Д. П. Тарасов, А. Тауль, его сын прапорщик А. А. Тауль, пристав З. А. Тетюхин,

¹ Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 9.

² Труд. 1918. 13, 14, 16, 19, 20 ноября; Захаров М. П. Указ. соч. // Искра Ильича. 1965. 30 ноября.

³ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С.30; Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 15.

⁴ Журов Ю. В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972. С. 100; Соболев И. И. Указ. соч.

И. В. Фролов, Т. П. Чихачев и Ф. Т. Шошин. Погибли также георгиевский кавалер, часто допуская кулачную расправу над крестьянами атаман П. Т. Шошин, отказавшийся выдать мятежникам ключи от церкви благочинный о. М. Т. Щербаков и матушка Анна. Квартиры их были разграблены, а храм еще и осквернен. Кроме того, от 90 до 130 казаков подверглись аресту, но остались живыми.

Каратузскими разночинцами, хотя они и не принимали участия в убийствах казаков и грабежах их имущества, был создан отряд с «большевиком» Горбуновым в качестве начальника штаба, в который насильно мобилизовали даже диакона и псаломщика. По его же предписанию отряд образовался и в д. Качулька¹.

На помощь каратузцам из Минусинска вышел отряд из 100–120 добровольцев под командованием поручика Нестерова. Дойдя до д. Худоногово (Жерлык), он на таскинской дороге выставил постовыми прапорщика П. В. Кузьмина, рядовых П. Н. Ноляковича, Н. М. Сурикова и известного минусинского фотографа Н. В. Федорова, которые обезоружили нескольких крестьян. Но подъехавший на телегах из д. Колмаково повстанческий отряд после перестрелки заставил добровольцев, потерявших трех бойцов ранеными, отступить на Кочергино и вернуться в Минусинск. Оставленные постовые после незначительного сопротивления в мучениях погибли на месте, а Кузьмина мятежники, потребовавшие от жителей выдачи спрятавшихся добровольцев и казаков, нашли на квартире в Худоногово и, долго избивая прикладами, умертвили раздроблением черепа².

Выдвинувшись из Каратуза, часть повстанцев во главе с Ищенко вечером 11 ноября заняла с. Городок и потребовала от бузуновских казаков разоружения. Еще один отряд, вернувшись в с. Сагайское, затем ушел на Малую Иню. Здесь мятежники образовали Главный штаб, состоявший из двух представителей от каждого отряда. Командующим был избран поляк с Подольщины и бывший каторжник С.В. Кульчицкий, а начальником штаба – в прошлом фельдфебель и дубенский крестьянин В.И. Ощепков. Повстанческим командованием, в котором отсутствовала сельская интеллигенция, была объявлена мобилизация мужчин в возрасте от 18 до 55 лет независимо от их имущественного положения.

Не только взятие повстанцами Каратуза способствовало расширению масштабов восстания. Рассыпавшись по деревням, агитаторы уговаривали крестьянские сходы присоединиться к повстанцам, используя при этом даже угрозы. Некоторые из них при этом, поднимая авторитет своего выступления, тут же распространяли среди населения слух о том, что в Минусинск вскоре придет сам глава советского государства В. И. Ленин и будет чинить суд и расправу над насильниками из местной администрации³.

Уверяемые агитаторами в том, что в Минусинске воинских сил для подавления их выступления недостаточно, крестьяне, случалось, целыми сёлами добровольно или по принуждению приставали к восставшим. Так, к ним целиком примкнули жители с. Ново-Троицкое, Городок. Образовавшийся по инициативе И. Давыдкина, И. и Л. Аверьяновых и насчитывавший до тысячи участников, отряд ермаковских крестьян арестовал местных врача, аптекаря, акцизного чиновника и заведующего школьными мастерскими, занял казачью станицу Нижний Суэтук, разоружив и арестовав 36 станичников, а затем проследовал в д. Мигна, где также был организован отряд. Отряд под командованием П. Зенкова оформился и в д. Григорьевка.

¹ Труд. 1918. 3, 15 декабря; *Соболев И. И. Указ. соч.; Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Указ. соч. С. 87; ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 462. Л. 6.*

² Труд. 1918. 30 ноября, 1 декабря; *Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 21–22; Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Указ. соч. С. 86–87.*

³ Труд. 1918. 26 ноября.

Два отряда численностью в 170 и 150 крестьян были созданы в с. Субботинское. Один из них, возглавляемый Е. Филатовым, присоединил к себе часть крестьян Каптыревской, а затем и Бейской волости. Жители с. Каптырево решили примкнуть к восстанию из-за угроз «хохлов» и «вятских», т. е. переселенцев, которые обещали сжечь их селение. Но арестов врача, священника, дьякона и учителя, на которых настаивал штаб, каптыревцы не допустили. Напротив, сход жителей с. Восточенского с прибытием мятежников из с. Верхний Суэтук арестовал начальника 7-го района милиции Н. С. Исаева, местного милиционера и 15 казаков. В с. Средняя Шушь отряд из 217 крестьян во главе с Ф. С. Кислицыным¹ сформировался путем их мобилизации, объявленной сходом после прибытия нарочного из восставших деревень. С присоединением к ним новых мятежников был создан уже батальон численностью в 684 человека, которые на митинге избрали штаб и командующего. Объединившись с отрядами из Шунер и Каптырево, двухтысячная «армия» овладела Саянской станицей и разоружила казаков.

Посетив Минусинск, делегация Шушенской волости заявила о своей верности правительству, а зажиточные крестьяне пытались арестовать прибывшего к ним с агитационными целями Кульчицкого. Когда же субботинский отряд во главе с Н.К. Обуховым² двинулся в район Даниловского завода, то шушенская беднота влилась в его состав, а бывший депутат Государственной думы С. А. Ермолаев был вынужден скрываться. В Лугавской волости целиком к повстанцам присоединилось население лишь д. Лыткинской. Крестьяне же прочих селений, согласно информации прибывшего в город их представителя, будучи противниками беспорядков, были запуганы угрозавшими им агитаторами и боялись оказаться присоединенными к восстанию силой.

Собравшись в с. Очуры, где уже образовался исполком, крестьяне из переселенческих селений Сидорово, Монастырское, Ново-Енисейское, Ново-Покровское и Ново-Михайловское сформировали отряд из 500 человек со штабом и командиром Д. А. Гапченко. Группа повстанцев во главе с бывшим совдеповцем К. С. Лебедевым, выехав в Бейскую и Иудинскую волости, приступила к организации на левобережье р. Енисей нового очага восстания. В с. Бея они арестовали пристава, судью, лесничего и, создав штаб, объявили мобилизацию населения.

¹ Кислицын Ф. С. – 1888 г. рождения, уроженец д. Средняя Шушь Каптыревской волости Минусинского уезда Енисейской губернии, из крестьян Вятской губернии. С 1910 г. на военной службе в гвардии. Участник Первой мировой войны: унтер-офицер, получил ранения. За участие в Минусинском восстании приговорен к вечной каторге, освобожден из «эшелона смерти», партизанил. Вернувшись в Минусинский уезд, служил в советских органах, обществе крестьянской взаимопомощи и кооперации, во время коллективизации организовывал колхозы. Снимался с работы, исключался из ВКП(б), вновь находился на хозяйственной службе (Фонды Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартыанова (ФМРКМ). Оп. 1а. Д. 121. Л. 1–3, 5, 7–12).

² Обухов Н. К. – 1896 г. рождения, уроженец с. Субботино Ермаковской волости Минусинского уезда Енисейской губернии. Окончил церковно-приходскую школу, работал плотником, бурильщиком. С 1915 г. на военной службе, участник Первой мировой войны, унтер-офицер. Делегат VI и VII Минусинских уездных крестьянских съездов, поддерживал большевиков. За участие в Минусинском восстании приговорен к 20 годам каторги. Освобожден из «эшелона смерти», воевал за советскую власть на Дальнем Востоке, служил в военных и чекистских органах. В 1920-е гг. находился на партийно-советской и хозяйственной работе в Минусинском уезде и округе. Окончив Сибирские промкурсы и Западно-Сибирскую промакадемию, руководил строительством важнейших объектов в Новосибирской области. Автор воспоминаний. Награжден Почётной грамотой РСФСР СССР, орденами Ленина и Красной Звезды. Умер в 1972 г. (Муниципальное казенное учреждение г. Минусинска «Архив г. Минусинска» (МКУГМ «АГМ»). Ф. 4. Оп. 2. Д. 72. Л. 2–4; ФМРКМ. Оп. 4. Д. 177. Л. 38, 61; Д. 49–50. Л. 22–23; Оп. 1. Д. 591. Л. 2, 136, 229, 236–238).

Находившееся здесь в качестве гаранта правопорядка казачество Алтайской станицы не оказало сопротивления мятежникам. Собравшись на сход, объявленный приехавшими агитаторами, казаки были внезапно окружены вооруженной толпой. Их арестовали и доставили на Даниловский завод, а их оружием, изъятым при обысках домов, воспользовались повстанцы. Вооружившись и стянув в с. Иудино в основном бывших фронтовиков, повстанцы 29 ноября послали в казачьи станицы Монок и Таштып делегацию с требованием разоружения их жителей. Когда же казаки отказались подчиниться ультиматуму, мятежники решили наступать на станицы.

В целом из 37 волостей Минусинского уезда восстание охватило от 13 до 19. Волнения начались и на границе с Урянхаем, в соседнем Усинском крае. В частности, в с. Верхне-Усинском их инициаторы потребовали у начальника милиции Голубятникова сдать оружие, а на собрании призывали крестьян «срывать погоны» с должностных лиц¹.

Одновременно повстанцы, прервав телеграфную связь Минусинска с Каратузом, Ермаками, Курагино и Красноярском, изолировали местную власть. На местах они, если верить сообщению уездного управляющего Тарелкина, создавали исполкомы. Но организация их свидетельствовала только о том, что сущность советских органов, которые ещё не стали полностью проводниками большевистской политики, воспринималась крестьянами по-своему. Советы не были чужды их ментальности и могли возрождаться, ибо по некоторым признакам были схожи с общинным самоуправлением². Хозяйственные крестьяне примыкали к восставшим потому, что повстанческое руководство одних обмануло информацией о захвате красными Иркутска, Красноярска и Ачинска, других заставляло расправой за участие в антибольшевистском перевороте³. Источники сообщают разные сведения о численности мятежников: их насчитывалось от 5–6⁴ до 8–10⁵ и более тысяч человек.

Состав повстанцев не был постоянным. Какая-то часть их, «образумившись», возвращалась домой, а их место занимали новые любители острых ощущений. Накануне восстания, рассказывая о настроениях деревни, делегат Всероссийского Учредительного собрания К.С. Гуров, только что вернувшийся, несмотря на сопротивление большевиков, из столицы и привезший своим землякам библиотеку, сообщил, что среди местного крестьянства имеются «элементы, привыкшие жить со дня на день», которым «нравится существующее безвластие», и «трудолюбивая, хозяйственная часть, желающая установления порядка»⁶.

Поэтому, вопреки уверениям советских мемуаристов и историков, безоговорочной и всеобщей поддержки повстанчества среди крестьянства не наблюдалось. Позднее другой выходец из минусинской деревни, поручик И. И. Занин, с оружием в руках защищавший правопорядок, заверял слушателей в том, что за мятежниками «пошло далеко не все крестьянство»⁷. Некоторые общества, заслушав таких уважаемых ими лиц, как бывший политический ссыльный и кооператор

¹ Труд. 1918. 19, 20, 27, 30 ноября; Партизанское движение. Т. I. С. 22; Колторков К. А. Указ. соч. С. 25; Журов Ю. В. Указ. соч. С. 102; Мармышев А. В., Елисеев А. Г. Указ. соч. С. 87; ГАКК. Ф. Р. 49. Оп. 1. Д. 43. Л. 35.

² Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.): Материалы междунар. конф. М., 14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 37.

³ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 21–22, 31–32.

⁴ Свободная Сибирь. 1918. 6 декабря; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 22, 101.

⁵ Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 151; Журов Ю. В. Указ. соч. С. 102.

⁶ Труд. 1918. 24 октября.

⁷ Труд. 12 декабря.

И. П. Бедро и лугавский крестьянин и член уездной земской управы Д. М. Вагин, успокаивались. Так, по совету одного из них решение о нейтралитете вынесли сходы д. Быстрая и Малая Минуса¹.

Не только в отрядах, но и в селениях крестьяне помногу спорили, митинговали и не раз оставляли прибывших агитаторов без «сочувствия». Антиправительственная агитация имела мало успеха в селениях Лугавской, Каптыревской и Шушенской волостей, затубинской части уезда. Отказались от участия в восстании крестьяне с. Казанцево, Кочергино, д. Кривой, Ивановки и Александровского завода².

На первом сходе жителей волостного с. Курагино лишь половина участников – 80 человек – проголосовала за выступление. Зачитав собравшимся правительственную телеграмму, отказался поддержать его и председатель сельского комитета Сурков. Тогда его противники Ф. Базаркин, И. Жибинов и Я. Шальнов, оправдывая свою антиправительственную агитацию заявлениями о том, что «надо помочь Советской России и стоять за власть большевиков», послали агитаторов в соседние деревни. На новом сходе, собравшем уже 400 участников, в частности, жителей с. Бугуртак, Березовка, Пойлово, Имис и Куряты, крестьяне вновь высказались в поддержку существующей власти. Лишь после того как им напомнили о мерах принуждения, к которым прибегали милиционеры и казаки, собирая налоги, сход проголосовал за разоружение казаков и созыв очередного уездного крестьянского съезда. Но с объявлением мобилизации жителей в отряд было решено не спешить. Когда же избранные в штаб «большевики» заявили, что теплую одежду для участников похода они изымут у зажиточного населения, то участники схода их прогнали, свою резолюцию отменили и послали уполномоченных в Минусинск для ознакомления с обстановкой³.

Среди 365 делегатов организованного «подпольщиками» Имисского волостного съезда оказалась группа лиц во главе со «спекулянтом» Ковалёвым и «кулаком» Овчинниковым. Они отказались голосовать за передачу власти до созыва Учредительного собрания какой-либо политической партии в лице советов и не поддержали призыв большевика К.И. Матюха немедленно следовать в Каратуз для разоружения казаков. Безрезультатно агитировал крестьян поддержать восстание и бывший минусинский совдеповец из Имисской волости Токманцев на сходе в с. Паначево. Его и четырех местных жителей вскоре арестовали и доставили в Минусинск⁴.

Более того, случалось, что крестьяне, вооружившись, выступали против мятежников. Вздурораженное обращением о помощи бузуновских казаков, население с. Абаканского сформировало из 100 добровольцев под командованием штабс-капитана Гриневича отряд, который выступил на защиту их станицы. В этом походе к нему присоединились отряды из д. Сорокино и Биря, доведя общую численность дружинников до 120 человек⁵.

К тому же восставшие крестьяне были слабо вооружены: только 2 тысячи из них имели огнестрельное оружие, а на каждый ствол приходилось по 5–10 патронов. Основная же масса повстанцев выступала с вилами, дубинками, топорами, ножами и палками с металлическими наконечниками. Была у них и устаревшая или самодельная пушка, так и не выстрелившая в противника. Впоследствии представители власти изъяли у участников восстания 362 трёхлинейные винтов-

¹ Труд. 13 ноября; *Шекшеев А. П.* «Мы знаем, что Сибирь будет покрыта садами» // Вопросы истории. 2011. № 2. С.108.

² Труд. 1918. 13, 14, 19 ноября.

³ Труд. 1 декабря.

⁴ *Журов Ю. В.* Указ. соч. С. 101–102; Труд. 1918. 6 декабря.

⁵ Труд. 1918. 22 ноября, 6 декабря.

ки, 93 берданки, 101 винтовку иностранного производства, 72 револьвера, 10 гранат и 15 шашек, а также 1030 шинелей¹.

Основные силы повстанцев были сосредоточены в десяти «армиях», местонахождение, численность и руководство которыми в источниках интерпретируются по-разному. Одна из них, названная «десятой», насчитывала 2 тысячи человек. Возглавляемая Лебедевым, она находилась в Бейской и Иудинской волостях в качестве силы, противостоявшей казачьим станицам енисейского левобережья. 8-я «армия» под командованием Зенкова располагалась в Ермаковской волости, защищая повстанцев со стороны Усинского тракта. Объединённые в 4-ю, 5-ю и 6-ю «армии» во главе с Ищенко и Зуевым 2 тысячи крестьян укрепились в с. Городок, изолируя минусинцев с северного направления. Находившиеся непосредственно под командованием Главного штаба и его ближайших помощников крестьянина Жилкина и бывшего унтер-офицера Шаповалова 1-я, 2-я и 3-я «армии» были сосредоточены в деревнях к северо-востоку от уездного центра. К востоку от него в районе с. Лугавского и Даниловского завода разместились 7-я и 9-я «армии», руководимые Кислицыным, Чихачёвым, Смольским, Казанцевым и Обуховым².

16 ноября 1918 г. последовал приказ повстанческого штаба о наступлении в ночь на 18 ноября всех сил мятежников на Минусинск. Приказывалось 1-й, 2-й и 3-й «армиям» занять северную часть города, 9-й – юго-восточную, а 7-й – захватить тюрьму. Но из-за слабой организации оповещения и опоздания 7-й «армии» и новопокровского отряда это наступление не состоялось³.

В Минусинске же мобилизация «благонадежного» населения позволила укрепить вооруженные силы его защитников. 600 мобилизованных горожан образовали офицерскую и две солдатские роты. 16 ноября на помощь им, сбив заслоны повстанцев у с. Городок, прорвались 5-я сотня и учебная команда Енисейского казачьего полка в составе 127 станичников при четырёх пулемётах⁴, которыми командовал хорунжий В. И. Розанов⁵.

Территория, охваченная беспорядками, входила в состав Иркутского военного округа. Поэтому действовавший в Иркутске штаб 4-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, получив 11 ноября телеграмму о мятеже, в срочном порядке, используя ресурсы 2-й Сибирской кадровой бригады, сформировал Минусинский экспедиционный отряд из 170 военнослужащих учебной команды 10-го Байкальского полка в составе поручиков Беляева и Дитцеля, подпоручиков Держинского и Пальмана и еще трех офицеров, 16 унтер-офицеров, а также 140 стрелков под командованием штабс-капитана В. А. Тимофеева. Он был дополнен одноорудийной конно-горной батареей в составе 30 артиллеристов с поручиком Воробьевым из 3-й батареи корпуса в качестве командира.

¹ ГАКК. Ф. 42. Оп. 10. Д. 542. Л. 257; *Эльцин В.* Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 3 (50). С. 82.

² Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 26; *Колтораков К. А.* Указ. соч. С. 28-29.

³ *Гидлевский К., Сафьянов М., Трегубенков К.* Минусинская коммуна. 1917–1918 гг. Из истории Октябрьской революции в Сибири. М.; Л., 1934. С. 209.

⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 25.

⁵ Розанов В. И. – учился в Томском политехническом институте. Во время Первой мировой войны бежал на фронт. Окончив Николаевское кавалерийское училище, служил хорунжим в сотне енисейских казаков 1-го Уссурийского казачьего полка Уссурийской казачьей дивизии, воевал в Карпатах. Затем находился в конвое командующего 3-го конного корпуса генерал-лейтенанта П. Н. Краснова и в октябре 1917 г. сражался с революционными войсками под Петроградом. С поражением мятежа и демобилизацией уехал с енисейцами в Красноярск, где в декабре того же года был зачислен в штат казачьего дивизиона. Участник сотниковского выступления. При белой власти командир 1-го Енисейского казачьего полка, генерал-майор и начальник Енисейской отдельной казачьей бригады (*Мартынов Н. А.* Указ. соч. С. 14; Труд. 1918. 19 ноября; 1919. 5 марта).

Возглавляемый генерал-майором И. Ф. Шильниковым¹ при начальнике штаба подъесауле Бековиче-Валуйском² отряд, с прикомандированными есаулом Куксиным и подпоручиком Мартыновым, выступил из Иркутска и поездом проследовал через Красноярск до ст. Глядень Ачинск-Минусинской железной дороги. Отсюда он пошел походным порядком через с. Бородино, приспособив под орудие сани и тройку лошадей. Получив информацию о том, что Минусинск обложен повстанцами, Шильников со своими стрелками перешел р. Енисей у с. Потрошилово и 18 ноября привел их в город³.

В результате гарнизон Минусинска увеличился до 957 военнослужащих⁴. Оборону города возглавил Шильников. Вопреки утверждению советских истори-

¹ Шильников И. Ф. – 1877 г. рождения, уроженец ст. Титовская Забайкальского казачьего войска. Окончил Читинское городское училище. В военную службу вступил в августе 1894 г. Окончил Иркутское юнкерское училище (1897) и офицерские стрелковые и пулеметные курсы (1913). Служил офицером в 1-м Читинском казачьем полку. Участник подавления боксерского восстания в Китае, Русско-японской и Первой мировой войн. С 1915 г. полковник и командир 1-го Аргунского, 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска. В 1917 г. начальник 2-й бригады 1-й Забайкальской казачьей дивизии, генерал-майор. В составе бригады вернулся в Забайкалье. После увольнения со службы большевиками вступил в отряд атамана Семенова. Управляющий военно-административной частью Временного Забайкальского правительства (1918). Из-за разногласий с атаманом вышел из состава правительства и был арестован по обвинению в «социалистических взглядах», но вскоре освобожден и уехал в Иркутск. 8 ноября 1918 г. назначен начальником Отдельной кавалерийской, затем – 4-й Иркутской конной бригады, одновременно командовал 4-м армейским корпусом. В 1919 г. назначался председателем общего собрания офицеров и классных чинов Иркутского гарнизона, ответственным лицом для проведения инспекторских смотров войск военного округа, уполномоченным командующего Оренбургской армией по охране общественного спокойствия и государственного порядка в Тургайской области. Командуя 1-м Оренбургским казачьим корпусом, отступил в Семиречье и в конце 1919 г. выехал в Забайкалье. Летом 1921 г. принял должность представителя Временного Приамурского правительства в Забайкалье. В 1921–1922 гг. возглавлял Забайкальскую военную организацию на советской территории. По приговору Народно-Революционного Суда ДВР заочно объявлен врагом народа. После эвакуации белых войск с Дальнего Востока эмигрировал в Китай, был арестован и провел 2,5 года в тюрьме. Проживая в Харбине, вступил в РОВС и Восточный казачий союз, являлся председателем Комитета помощи беженцам. Служил в русском подразделении китайских войск маршала Чжан Зунчана. Отказался от сотрудничества с японцами против СССР, за что подвергся травле в газете «Харбинское время». В 1934 г. атаман Забайкальской казачьей станицы в Харбине. Автор книги «1-я Забайкальская казачья дивизия в Великой европейской войне 1914-1918 гг.» (Харбин, 1933). Награжден орденами Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 4-й ст., Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 3-й ст. с мечами и Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом. Умер в 1934 г. URL: <http://www.grwar.ru/persons/persons.html?id=1726>.

² Бекович-Валуйский Эль-Мурза Заур-Бекович – 1892 г. рождения, окончил Оренбургское казачье училище (1912) и курсы Военной академии Генерального штаба (1917). В 1912–1916 гг. – помощник начальника учебной команды, полковой адъютант, командир сотни в частях Кубанского казачьего войска, начальник радиотелеграфного отделения 7-го кавалерийского корпуса. В 1917 г. – подъесаул и старший адъютант дивизионных штабов, врид начальника штаба 9-й Донской казачьей дивизии. 13 июля 1918 г. вступил в ряды Сибирской армии, начальник штаба 3-й Сибирской стрелковой дивизии, с 20 сентября – 4-й Иркутской конной бригады. 3 июня 1919 г. назначен начальником отдела службы связи Походного штаба командующего Восточным фронтом. 30 сентября 1919 г. произведен в есаулы, а затем – в войсковые старшины (Симонов Д. Г. Указ. соч. С. 409).

³ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 25; Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 5–6.

⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 25.

ков, что Минусинск защищали «отборные белогвардейские части»¹, его «боевую силу» составляли части, имевшие на вооружении 354 трехлинейные, японские и итальянские винтовки, на каждую из которых в среднем приходилось по 80 патронов, четыре пулемёта с 10 тысячами патронов и орудие со ста снарядами. Французская горная пушка имела самодельный прицел, изготовленный в ночь выхода из Иркутска. Естественно, она не была пристрелянной. Как выяснилось потом, боеприпасов с трудом хватило для защиты Минусинска: в конце боя оставалось только 15 снарядов, а патроны для трёхлинейных винтовок закончились.

Прибывшие в Минусинск стрелки в прошлом были крестьянами Иркутской губернии, настроение которых, согласно воспоминаниям очевидца, было антибольшевистским, но в бой с повстанцами они не рвались. Минусинские же добровольцы имели смутное представление о военном деле и правильном ведении боя, прочие же войска, созданные на месте, по мнению командования, были ненадежны и годны лишь для внутренней охранной службы.

Буквально в решающий момент штурма города на помощь его защитникам через с. Потрошилово подошла команда красноярского батальона под командованием штабс-капитана Сченсновича, состоявшая из 14 офицеров и 34 солдат с пулемётом.

Наряду с Минусинским гарнизоном, силы правопорядка в уезде представляли дружины, сформированные штабс-капитаном Трудояковым и поручиком Лютиковым из 250 казаков станиц Арбаты, Монок и Таштып. Уже после того, как угроза Минусинску перестала существовать, была объявлена мобилизация казаков Бузуновской и Алтайской станиц. 21 и 25 ноября в город явились 125 станичников, которые затем приняли участие в рейде по селениям уезда. 26 ноября в Минусинск прибыла еще и рота учебной команды Нижнеудинского полка².

Первую попытку прорвать окружение и восстановить связь с губернским центром защитники города предприняли ещё до подхода правительственных войск. 14 ноября отряд из 150 человек совершил неудачную ночную вылазку в район с. Городок. Но и преследование его из-за возникших разногласий среди повстанцев также оказалось безуспешным. С прибытием новых сил ночью из города была направлена разведка небольшими отрядами в сторону Даниловского завода и Городка. После небольшой перестрелки отряды вернулись в Минусинск³.

Новое выступление правительственных войск на Городок состоялось в ночь не на 16 или 19-е, как об этом сообщали разные авторы⁴, а чуть позднее. Оно было осуществлено, как указывалось в отчете Шильникова, на рассвете 20 ноября отрядом Бековича-Валуйского из 200 солдат и 100 казаков при двух пулемётах и орудии. Развернутые в цепи и состоявшие на правом фланге из казаков, а на левом - из стрелков учебной команды, эти силы, выстрелив трижды из орудия, пошли в наступление на село. Захваченные врасплох повстанцы ударили в набат и встретили наступавших ружейным огнем. Но снарядами и ракетами селение было подожжено в пяти местах, а фронтальная атака резерва из добровольцев, перешедшая в рукопашную схватку, заставила мятежников в панике искать спасения на другом берегу р. Туба. После 45-минутного боя цепи штурмующих ворвались в село. По сообщению газеты, в рукопашном бою, на льду и островах реки были убиты до 100 повстанцев. Часть из них была выловлена подоспевшими бузуновскими казаками и абаканскими дружинниками. Захвачено было от 100 до 150 мятежников, в том числе один из вожаков – каратузский разночинец Зуев, и 50 вин-

¹ Очерки истории Хакасии советского периода. 1917–1961 годы. Абакан, 1963. С. 47.

² Труд. 1918. 22, 28 ноября; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 25, 27, 29; Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 7.

³ Труд. 1918. 21 ноября; Гидлевский К. и др. Указ. соч. С. 208.

⁴ Труд. 23 ноября; Гидлевский К. и др. Указ. соч. С. 208.

товок. Со стороны минусинцев погибли гимназист Мамаев и реалист Мураваткин. Телеграфное сообщение с Красноярском и Ачинском было восстановлено. Преследуя разбежавшегося противника, правительственный отряд двинулся в направлении Большой Ини, но, заблудившись, вернулся сначала в Городок, а затем повернул к Минусинску¹.

В штабе повстанческого движения, видимо, имелись лица, готовые перевести вооружённое выступление в русло мирных переговоров. Но, согласно воспоминаниям Обухова, крестьяне его «армии» оказались настроены более радикально: на митинге они выдвинули перед защитниками Минусинска ультиматум, требовавший разоружения казаков, удаления из города офицеров и даже передачи власти советам². Такие настроения мятежников не должны удивлять. Судя по газетной информации, митинги крестьян на Даниловском заводе, где располагалась 9-я «армия», были постоянным явлением. Самогон, который привозился бочками, их участники распивали тут же на площади ковшами, после чего дрались и падали мертвецы пьяными³.

Не зная о разгроме повстанцев под Городком, Главный штаб их перебрався из Малой Нички на Солдатову заимку под Минусинском. На этот раз наступать на город должны были повстанцы 1-й, 2-й, 3-й и 9-й «армий», а в тылу у них уже скопился обоз из 500 пустых телег с женщинами и детьми в ожидании «трофеев».

Утром 21 ноября горожане услышали «страшный шум, крики, ругань и песни», увидели большие толпы пьяных людей, надвигавшихся на них со стороны д. Малая Ничка и Лугавской дороги. Наткнувшись на сторожевое охранение, открывшее залповый огонь, мятежники откатились под защиту леса, где несколько часов приводили себя в боевой порядок. Они собирались, обходя левый фланг правительственных войск, наступать в направлении городского кладбища.

Поддерживая свои силы привозимым во флягах и бочками самогоном, повстанцы трижды ходили в атаку и каждый раз бывали остановлены огнём городской охраны и атаками казаков, которыми командовал сам Шильников. Повстанцы убили дубинами двоих казаков, раненых и упавших с коней. Прибывший к полудню отряд Бековича-Валуйского перешёл в контратаку, поддержанную огнём орудия и двух пулемётов. Решительно действовавшие стрелки учебной команды отбросили мятежников, наступавших со стороны Лугавского бора.

Однако к этому времени опасность нависла со стороны д. Малой Минусы (Самодуровки). В 15 часов повстанцы двинулись в новое наступление, а у Шильникова не осталось резервов. Пространство от енисейской протоки до дороги из Малой Минусы покрылось густыми цепями крестьян. Под артиллерийским огнём, поддерживая себя криками, повстанцы атаковали позиции горожан, объединённых в офицерскую и солдатскую роты. Отступившим защитникам города пришлось перейти к обороне, используя для сдерживания наступательного порыва противника слаженную работу орудийного расчёта. Из-за недостатка снарядов командир батареи якобы заряжал их болтами, гайками, гвоздями и пр. Тяжелые ранения при этом получили трое и легкие – четверо горожан. Правый фланг правительственных войск отошел уже к городу, когда Шильников, Бекович-Валуйский и Розанов, а следом девять молодых казаков решились на конную атаку, но не были поддержаны остальными енисейцами. Они проскакали по цепям повстанцев, которые даже прекратили стрельбу. По возвращении Шильников сообщил, что восставшие пьяны, у них кончаются патроны, и попросил защитников продержаться еще немного.

¹ Труд. 1918. 21, 22, 23, 24, 28 ноября; Партизанское движение в Сибири. Т. 1. С. 24, 26; Колтораков К. А. Указ. соч. С. 33.

² ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 462. Л. 20.

³ Труд. 1918. 22 ноября.

Все же, проявив упорство, мятежники к 17 часам заняли позиции в 1,5-2 верстах от городских окраин, а в сумерках кое-где достигли пригорода. Навстречу повстанцам, скапливавшимся большими силами в лесочке у винного склада и кладбища, был брошен последний резерв защитников – только что прибывшая из Красноярска команда.

Однако повстанцы, оставшиеся с незначительным количеством патронов, разочарованные тем, что в городе оказались боееспособные защитники, а помощь из-под Городка не пришла, к 20-ти часам стали расходиться. Начавшееся массовое дезертирство мятежников «на отдых» вскоре вылилось в развал и отступление их «армий». Посланная из города в темноте разведка восставших не обнаружила. Его защитники вернулись в Минусинск, выставив сторожевое охранение.

Судя по воспоминаниям Кислицына, участие многих крестьян в восстании состояло только в переходах от села к селу. Оpozдав к боевым действиям под Минусинском и встретив толпы отступавших мятежников, которые кричали, что казаки «всех рубят и стреляют», такие повстанцы не выполняли приказа о разоружении беглецов и сами пустились в бегство. Вернувшись в с. Лугавское, крестьяне были ночью распропагандированы местными жителями и двинулись по домам. Отошедшие в панике к Даниловскому заводу, повстанцы пытались навести порядок в своих рядах с тем, чтобы вновь наступать на Минусинск. Однако под воздействием пораженческой агитации, якобы исходившей от кулаков, они в ночь на 23 ноября разошлись по своим деревням.

Бегущие «банды», сообщила газета, выкладывали свои пики и дубины крестообразно на дороге, что означало их нежелание воевать. Собранное дреколье потом вывозили возами. Имели место самосуды над бывшими главарями. В то же время при преследовании повстанцев свою гибель нашел дружинник из д. Большой Хабык Косов и получил ранение фельдшер добровольческого отряда И. Шерстобитов¹.

Благодаря деятельности мобилизационной комиссии, в Минусинск сразу же после боя крестьянами ближайших деревень были доставлены продукты и фураж. Уже к 24 ноября начал функционировать базар. С его организацией въезд и выезд из города населения были объявлены свободными. Погибшие под городом таштыпские казаки А. Саманин, В. Серебренников, И. Солдатов и др. были в торжественной обстановке погребены. Обратившись с воззваниями к населению, представители военной и гражданской власти информировали его о разгроме «небольшой кучки каторжников, банд самогонщиков и большевиков». Они предлагали крестьянам, последовавшим за «горлопанами и людьми с темным прошлым» в качестве «быков на скотобойню», разойтись по домам. Сельским властям под угрозой трехмесячного тюремного заключения за укрывательство предписывалось собрать сходы, которые бы арестовали мятежников, доставили их вместе с дезертирами в Минусинск, собрали и сдали оружие, а также выслали уполномоченных с заверением в верности властям².

Одновременно вечером 23 ноября учебная команда 10-го Байкальского полка, красноярская команда, две сотни Енисейского казачьего полка с пятью пулемётами и орудием под командованием Бековича-Валуйского двинулись в рейд по селениям уезда. На следующий день они без боя заняли покинутые жителями с. Лугавское и Даниловский завод, затем д. Малую и Большую Ничку, Большую и Малую Иню и, наконец, с. Дубенское. Село было, по наблюдению очевидца, как

¹ Труд. 23, 24 ноября; Свободная Сибирь. 1918. 6 декабря; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 27; Колтораков К. А. Указ. соч. С. 33; Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Указ. соч. С. 90–91; Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 9–10; ФМРКМ. Оп. 1а. Д. 121. Л. 5–6; ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 462. Л. 23.

² Труд. 1918. 24, 26, 27, 28 ноября; Шекшеев А. П. Гражданская смута... С. 116.

«вымершее», – мужики, страшась возмездия и оставив женщин с детьми, разбежались по окрестным заимкам. Лишь несколько замешкавшихся крестьян с винтовками в руках были захвачены в плен. В селе были обнаружены 475 тысяч пудов хлеба, на гумнах скирды готового к молотье зерна, а в подпольях и амбарах много продуктов.

25 ноября отряд вошел в с. Верхний Суэтук, состоявший из 300 дворов сосланных по уголовному обвинению эстонцев, которые, по свидетельству участника тех событий, жили хозяйственно организованнее и богаче окрестного населения. В отличие от жителей Нижнего Суэтука, заселенного молодыми, во многом обрусевшими переселенцами и казаками, национальное и зажиточное крестьянство Верхнего Суэтука восстало потому, что агитаторы обещали ему полное разорение белыми властями, от которого его должны были спасти якобы прибывавшие войска американцев и англичан. Угнав скот в леса, 15 повстанцев устроили баррикады на улицах и пытались организовать сопротивление, но при приближении правительственного отряда разбежались. На следующий день с его подходом рассеялись по заимкам и лесам жители д. Черёмушки. Лишь в д. Верхняя Буланка казаки и солдаты были встречены выстрелами, и в перестрелке оказался убитым местный крестьянин М. Глисербрехт¹.

Не зная о случившемся, повстанческий штаб в Каратузе 24 ноября объявил мобилизацию населения. Однако с известием о поражении он на следующий день выпустил на свободу арестованных казаков и созвал сход, на котором образовалось переходное сельское управление, состоявшее из представителей от штаба, разночинцев и казаков. Но по предложению покинувшего свое убежище и возглавившего собрание и правление преподавателя местной гимназии Р. П. Троицкого начальник штаба Горбунов был выведен из его состава, казаки избрали нового атамана, а в Минусинск был послан рапорт с просьбой о направлении в Каратуз правительственного отряда².

29 ноября войска прибыли в Каратуз и восстановили телеграфную связь с Минусинском. Проведя совещание в станичном правлении, Шильников информировал атамана и старейших казаков об обстановке. В знак признательности казачество преподнесло офицерам отряда по бутылке качественного спиртного. Продвигаясь к границе, войска посетили беднейшие селения, заселенные перед германской войной переселенцами из Черниговской и Полтавской губерний, которые называли себя русскими хохлами и украинцами. В отличие от новоселов времен столыпинской реформы, выходцы из Малороссии в восстании участия почти не принимали, но были крайне озлоблены на последние политические события, мешавшие им обустроиться³.

Опомнившись от случившегося, крестьяне начали сигнализировать властям о своей поддержке. С уверениями в преданности правительству 25 ноября в Минусинск прибыла делегация Паначевской волости, затем крестьяне Ново-Вознесенской и Покровской (или Григорьевской) волостей, 26 ноября – представители обществ из д. Мальцево и Худоногово, 1 декабря – из д. Большая Ничка, Каменка, Мигна, Кныши и Салба, с. Нижний Кужебар, Абаканское, Верхний Суэтук и Лугавское, а также от каратузских разночинцев⁴.

С целью установления правопорядка в район с. Шушенского, Каптыревского, Саянского и Сабинского 28 ноября был послан отряд поручика Романова, состоявший из сотни нижеудинских унтер-офицеров и енисейских казаков. Казачьи

¹ Труд. 1918. 3 декабря; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 28; *Мармышев А. В., Елисеенко А. Г.* Указ. соч. С. 92.

² Труд. 1918. 4 декабря.

³ *Мартынов Н. А.* Указ. соч. С. 10, 12–13.

⁴ Труд. 1918. 27, 28 ноября, 3 декабря.

дружины Трудоякова и Лютикова должны были пройти селения енисейского левобережья и выбить повстанцев из с. Иудино. Частям Бековича-Валуйского следовало вернуться из Каратуза и двигаться в сторону с. Каптырево. Наконец, красноярской команде и сотне Енисейского казачьего полка при двух пулеметах во главе с Сченсновичем было приказано очистить от остатков мятежников селения Сагайской, Шалаболинской, Имисской, Паначёвской и Идринской волостей. В резерве оставалась прибывшая из Иркутска 3-я Забайкальская казачья команда.

30 ноября в Минусинске были снято осадное положение и распущены по домам добровольцы и мобилизованные горожане. В ночь на 3 декабря мятежники из 10-й повстанческой «армии», находившейся на енисейском левобережье, узнав о выступлении против них правительственных отрядов, стали расходиться, не принимая боя. Последние 150 бойцов столкнулись у с. Сабинского с отрядом Романова и после небольшой перестрелки были разоружены. В тот же день казаки заняли с. Иудино. К этому времени другая половина учебной команды Нижнеудинского полка под командованием прапорщика Матюхина, двигавшаяся на Минусинск, была из с. Знаменского повернута в сторону рудников «Юлия», «Улень» и железнодорожной ст. Сон. Здесь, по донесению милиции и администрации, начались волнения, вызванные агитацией бывшего совдеповца и красногвардейца П. Г. Конопелько. Зачинщиков арестовали и доставили в Минусинск. Охранявшая телеграфную линию Минусинск – Абаканское дружина штабс-капитана Гриневича в Абаканской и Бейской волостях уничтожила около 100 самогонных аппаратов. Высланная из Иркутска на подкрепление команда разведчиков из 10-го Байкальского полка с полевым орудием за ненужностью была остановлена в с. Корельском. Прекратив самовольные порубки леса крестьянами в Комской волости, отобрав у них оружие в Знаменской и Новоселовской волостях, она 9 декабря выступила обратно в Иркутск.

7–11 декабря правительственные войска, выполнив поставленную задачу и оставив для ареста главарей и сбора оружия в Бейской волости отряд под командованием Романова, вернулись в Минусинск¹.

Подавив мятеж, власти смогли пополнить государственную казну налогами. Отряды, совершая рейд по уезду, собрали 357,9 тысяч рублей или 23,9 % всех податей, недоимок и земских сборов, числившихся за населением. Даже в Новоселовской и Комской волостях, географически далеких от происходивших событий, напуганные крестьяне за два дня заплатили все подати и недоимки в сумме 100 тысяч рублей. В январе 1919 г. от населения уезда поступило 152,5 тысяч рублей податей, а его долг перед государством уменьшился до 42,6 тысяч рублей. В целом минусинскими крестьянами были уплачены казне свыше 1,5 млн. рублей. Заработал и механизм военной мобилизации: обществами были арестованы и высланы, а также добровольно явились к воинскому начальнику 388 дезертиров и новобранцев. Кроме того, 200 крестьян – участников беспорядков до суда использовались на заготовке дров².

С целью окончательного искоренения мятежа, изъятия оружия у населения и поимки зачинщиков был создан Минусинский военный район во главе с воинским начальником подполковником Романенко. Его подчиненными были отобраны у крестьян 500 трехлинеек, в том числе в Новоселовской волости – 60 винтовок, которые пошли на вооружение населения казачьих станиц и городской добровольческой дружины³.

¹ Труд. 7 декабря; Свободная Сибирь. 1918. 17 декабря; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 24, 28–29; Колтораков К. А. Указ. соч. С. 45.

² Труд. 1918. 7 декабря; 1919. 18 февраля; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 30; Эльцин В. Указ. соч. С. 82.

³ Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Указ. соч. С. 93; Труд. 1918. 7, 13 декабря.

9 декабря, в день праздника Св. Георгия Победоносца, в Спасском соборе Минусинска состоялся торжественный молебен, а на Соборной площади – парад частей и георгиевских кавалеров, на котором Шильников, объявив о переходе власти в Сибири к А.В. Колчаку, произнес здравицу в его адрес и поблагодарил войска за «молодецкую защиту города». Командование корпуса за ликвидацию беспорядков в Минусинском уезде объявило благодарность генерал-майору Шильникову и всем офицерам и «спасибо» всем участникам. Наиболее отличившиеся солдаты и казаки были произведены в унтер-офицеры и урядники. Енисейское казачье войско получило от государства на формирование и содержание безвозвратную денежную ссуду в 1,3 млн рублей¹.

Вечером того же дня состоялся устроенный горожанами в Собрании пожарного депо банкет, чествование защитников было организовано и в казарме. Согласно воспоминаниям очевидца, тост, произнесенный Шильниковым за Верховного правителя, был встречен присутствовавшими восторженным троекратным «ура», а суть разговоров между ними являлась «великодержавной» и антибольшевистской, но случались здравицы Учредительному собранию и даже самодержцу. То есть диапазон идеологических воззрений подвыпившей элиты был весьма широким. По мнению одного из участников, мятеж, вызванный большевистской пропагандой и «недобрым» отношением к населению воинских частей, при отсутствии мер по борьбе с «советской агентурой» грозил возникнуть снова².

12 декабря Шильников со штабом и частью отряда уехал из Минусинска в Иркутск. В эти же дни были проведены эксгумация и осмотр трупов служебных лиц, убиенных в с. Дубенском, и новое захоронение их на городском погосте³.

Не прошло и года после этих событий, как партизанская газета информировала своих читателей о том, что колчаковцами в Минусинском уезде были расстреляны и замучены 4 тысячи рабочих и крестьян. Через несколько лет большевистский официоз в Красноярске сообщал о разгроме в Дубенском отряда численностью в 80 казаков и милиционеров и дальнейшем сожжении села правительственными войсками с убийством 40 жителей⁴.

Впоследствии участники восстания, усиливая значимость своей роли в борьбе за советскую власть, рассказывали о больших потерях, которые понесли крестьяне в результате боёв и белого террора. К примеру, Н.К. Обухов вспоминал, что колчаковцами в Минусинском уезде были расстреляны и замучены до 3 тысяч человек. Он указал, что казачьи и прочие отряды в селениях Ермаковской и Каратузской волостей ликвидировали в д. Николаевка – 14, Нижняя Буланка – 19, Верхний Суэтук – от 24 до 29, Верхняя Коя – 40, Еловка – 18 и Уджей – 12 крестьян. Расстреляв, по его сведениям, в Городке до 100 повстанцев и в Каратузе 14 «иногородних» жителей, в том числе их вожака Горбунова, казаки отомстили за гибель атамана Шошина. Особенно свирепствовали «каратели» в с. Дубенское, где они якобы сожгли 50 домов, а двоих крестьян перед расстрелом жестоко изувечили. Согласно информации этого же автора, некоторые отряды в Курагинской волости усмиряли крестьян, действуя поленьями и колотушками. Вследствие того, что военное командование запретило расстреливать повстанческих вожаков на месте, казаки, вспоминал очевидец, били А. И. Баяновского так, что он, доставленный в минусинскую тюрьму, вскоре скончался⁵.

¹ Труд. 1918. 7, 11 декабря.

² Мартынов Н. А. Указ. соч. С. 13-14.

³ Труд. 1918. 13, 14 декабря.

⁴ Соха и молот. 1919. 22 октября; Красноярский рабочий. 1924. 29 ноября.

⁵ ГАКК. Ф. 64. Оп. 11. Д. 462. Л. 28. ФМРКМ. Оп. 1. Д. 591. Л. 68, 89; Оп. 1а. Д. 121. Л. 8; Оп. 4. Д. 49–50. Л. 18, 20; Д. 15. Л. 20.

Ещё один участник вспоминал, что задержанных крестьян, свозимых в Минусинск, было так много, что ими были заняты все подвальные помещения крупных городских зданий. «У тюремной стены, – рассказывал он, – была вырыта огромная яма, покрытая плахами как решёткой. На эти плахи выводили арестованных и расстреливали. Убитый валился прямо в яму. Иногда жалея патроны, людей убивали как скот – колотушкой...»¹. Наличие такой ямы, выкопанной за протокой, и трёх – на кладбище подтверждает ещё один современник².

Основываясь на таких воспоминаниях, один из обобщающих трудов по истории, написанный в советскую эпоху, сообщал о «зверских расправах», расстрелах без суда и следствия, поджогах сёл, творимых правительственными войсками во время рейда по уезду, историк же подсчитал, что они расстреляли в Ермаковской волости 137, Курагинской – 36, а в других волостях – от 20 до 140 жителей³.

На самом деле после боя в с. Городок были подняты 68, а под Минусинском – 19 трупов погибших повстанцев. Правительственные войска, подавляя мятеж, понесли гораздо меньшие потери: убитыми оказались три человека, ранеными – прапорщик Давыдов, 17 солдат и казаков⁴. По другим данным, в боях под Городком и Минусинском погибли 130 человек, из них 96 повстанцев⁵.

Власти в качестве превентивной меры с 10 по 20 ноября задержали 138 лиц, проявлявших симпатии к повстанцам. Совершая рейд по уезду, воинские части инициировали аресты участников мятежа, доставляли их в Минусинск или совместно с сельскими властями наказывали их на месте. Порой это выливалось в человеческие трагедии. Так, в с. Нижняя Буланка при задержании один из крестьян покончил с собой, а другой – пропал без вести. В с. Абаканском были расстреляны три человека. Казаками, направлявшимися в с. Иудино, были захвачены и зарублены трое переселенцев из с. Сабинского. Постоянными стали порки крестьян, проводимые по инициативе казачьих офицеров⁶.

Напуганные крестьяне стали сами арестовывать и выдавать правительственным войскам зачинщиков беспорядков. 24 ноября из Городка в Минусинск привезли двоих раненых и восемь выданных населением повстанцев. 25 или 27 ноября на заимке с. Дубенского или Шушенского вместе с сожительницей был арестован раненый бывший «главоверх» Кульчицкий. Членом уездной земской управы были доставлены в город указанные Лугавским обществом семеро участников восстания, а кочергинскими милиционерами – его активист А. Голощাপов. За 30 ноября и 1 декабря на территории уезда были задержаны 42 бывших мятежника и двое дезертиров. Жители д. Дальние Ключи выдали казакам повстанческого вожака Герасименко. 5 декабря в с. Восточенском аресту подверглись десять, а с 7 по 12 декабря в целом по уезду - 18 участников беспорядков⁷.

Согласно воспоминаниям Кислицына, ему пришлось, чтобы не подставить сельское общество под репрессии, добровольно сдаться властям. С «одобрительным» приговором схода и собранными деньгами он и трое односельчан были определены трудиться на лесоповале. Однако, узнав о предстоящем суде, Кислицын бежал домой, где скрывался в яме. Он был арестован и заключен в Минусинскую тюрьму. Туда же доставили и обнаруженного на заимке обмороженного и избитого Гапченко. В с. Бея состоялись сходы жителей, на которых начальником

¹ Очерки истории Хакасии... С. 48.

² ФМРКМ. Оп. 4. Д. 76–77. Л. 6.

³ Очерки истории Хакасии... С. 48; *Журов Ю. В.* Указ. соч. С. 105.

⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 29; *Эльцин В.* Указ. соч. С. 82.

⁵ *Соболев И. И.* Указ. соч.

⁶ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 29; *Мармышев А. В., Елисеенко А. Г.* Указ. соч. С. 91; МКУГМ «АГМ». Ф. 680. Оп. 1. Д. 169. Л. 190.

⁷ Труд. 1918. 26, 27, 28 ноября, 3, 7, 11 декабря.

дружины по доносу арестовывались «большевики». Правительственный отряд выловил в окрестностях села местных повстанческих вожakov Слукина, которого тут же убили, и И. Поздеева, позднее расстрелянного в Минусинске. Участник восстания Пилюгин, будучи задержанным, избежал смертной казни, уплатив знакомым офицерам деньги, и потом бежал из тюрьмы к партизанам. Но его семья за это подверглась расстрелу. По инициативе жителей и местного священника в с. Табат отрядом Романова были арестованы 18 человек. Опоздавший к наступлению на Минусинск начальник бугуртакского отряда А. В. Кобяков затем скрывался в тайге, но был схвачен казаками и, избитый, доставлен в Каратуз. От немедленного расстрела его спас местный атаман, отправивший Кобякова в Минусинскую тюрьму, откуда тот совершил побег. В целом в ходе боёв и после них были арестованы и выданы сельскими обществами 678 участников восстания¹.

Для расследования происшедшего в Минусинске была создана Военно-следственная комиссия под председательством товарища прокурора Красноярского окружного суда И. С. Посохина, которая состояла из представителей военного ведомства (старшего адъютанта войскового правления Енисейского казачьего войска Тенкова и прапорщика офицерской роты Савинского), комиссариата, городской и земской управ (И. Н. Леонтьева и И. Н. Каргаполова). Позднее был образован военно-судный отдел или следственная комиссия в составе председателя сотника Теплова, вскоре замененного прапорщиком Ефимовым, Мягкова, Гандитера и Воробьева, строевых офицеров с небольшим образовательным цензом и без всякой юридической подготовки. Созданный еще ранее военно-полевой суд, руководимый теперь поручиком В. Топорковым, приступил к выявлению и наказанию виновных.

На повстанцев были заведены 1204 дела. С рассмотрением 770 дел 160 подсудимых были переданы в военно-полевой суд, 182 – подвергнуты в административном порядке тюремному заключению, 270 – оштрафованы на сумму в размере от 100 до 1000 рублей, 40 – направлены на военную службу, 118 – вообще освобождены от наказания, а 432 дела находились еще в производстве. На 12 февраля 1919 г. военно-полевой суд вынес 195 приговоров, в том числе 87 смертных, 6 – к бессрочной, 44 – к 20-летней каторге и 58 – оправдательных.

Доставленного в Минусинск с веревкой на шее бегущим за лошадью Кульчицкого после допроса, проведенного лично Шильниковым, по некоторым сведениям, казнили, повесив на воротах тюрьмы. Расстреляны были Ощепков, Гапченко, братья Богдановы, за убийство дружинников в д. Худоногово – Д. Дудаков, А. Струльников и Ф. Халевин. Только с 12 декабря 1918 г. и до конца месяца военно-полевой суд, рассмотрев 21 дело, приговорил к смертной казни В. Антонова, П. Безбородова, С. Гаврилова, И. Данченко, В. Ермолова, П. Жилкина, Е. Исакова, И. Ключева, Г. Лакшеева, А. Пенкина, Я. Плотникова, П. Посохина, Е. Рассказчикова, И. Рыжкова, П. Садовского, Н. Сартакова, П. Северухина, И. Сеницына, Т. Смородина, И. Черкашина и Е. Янклюуса².

Однако при такой разгрузке численность заключенных в Минусинской тюрьме за четыре месяца с середины декабря 1918 г. увеличилась с 364 до 554 человек (см. табл. 1). В состав заключенных входили лица, не только отбывавшие сроки заключения в качестве каторжников или «срочных», но и ожидавшие своей участи подсудимые или только что осужденные.

¹ ФМРКМ. Оп. 1а. Д. 121. Л. 6–8; Оп. 4. Д. 23/1. Л. 5, 8; МКУГМ «АГМ». Ф. 680. Оп. 1. Д. 113. Л. 22–24, 40; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 29.

² Труд. 1918. 24, 28 ноября; Соха и молот. 1919. 28 октября; Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 32–33; *Соболев И. И. Указ. соч.; Мармышев А. В., Елисеенко А. Г. Указ. соч. С. 93.*

**Контингент заключенных в Минусинской тюрьме
в конце 1918 – начале 1919 г.¹**

	13.12.1918 г.	23.01.1919 г.	9.02.1919 г.	3.03.1919 г.	16.03.1919 г.
Всего человек	364	463	556	453	554
В т. ч. лица, находившиеся под следствием и судом	92	126	139	141	147
Из них мужчины	81	122	-	-	-
Лица, находившиеся под следствием и судом по политическим мотивам	235	234	243	202	230
Срочные	-	2	9	11	14
Каторжники	-	-	35	54	57
Пересыльные	-	1	3	2	1
Лица, отбывавшие наказание	-	-	134	34	103

Какая-то часть данных лиц оказалась в заключении в результате доноительства. Среди тех, кто подвергся этой участи в первые дни мятежа, было немало известных в городе деятелей, арестованных по недоразумению и освобожденных распоряжением начальника уездной милиции. Но уже в начале 1919 г. военно-следственная комиссия ежедневно освобождала по несколько десятков арестованных по личным счётам. Масштабы этого явления выросли настолько, что в середине февраля она была вынуждена указать, что, ввиду поступления значительного количества анонимок, заявления будут рассматриваться только с подлинной подписью заявителей. Из-за скудного содержания и скопления большого количества заключенных с января 1919 г. был увеличен арестантский паек, а 4 марта тюремный комитет постановил занять денежные средства на заготовку дров².

Безусловно, отношение властей к мятежному крестьянству было предельно жестоким. Смертные приговоры военно-полевым судом выносились с 20 ноября 1918 г. по май 1919 г. На расстрел, по воспоминаниям очевидцев, выводили по 6–8 осуждённых. Однажды, заслушав смертный приговор, такая группа смертников, накинувшись на конвой, смогла бежать. В другой раз, 21 марта 1919 г., приговорённые к смертной казни Александренко, Вяткин, Чапайкин и ожидавшие приговор суда Погудин, Ковригин, Колмаков и Селянин бросились на конвойных, плеснув в глаза их начальнику керосином, а милиционеру – бросив солью. Но смертники не смогли вырваться из тюремной камеры и, забаррикадировавшись, отбивались от надзирателей кирпичами. Их расстреляли, используя пулемет, и дорубили уже во дворе тюрьмы. В мае 1919 г. первая партия каторжан, состоявшая из 63 осуждённых, была отправлена в Красноярск³.

¹ Труд. 1918. 21 декабря; 1919. 25 января, 5, 19 марта.

² Труд. 1919. 4 января, 18 февраля, 6 марта.

³ ФМРКМ. Оп. 1а. Д. 121. Л. 8; Оп. 4. Д. 15. Л. 26-27, 29-30; Труд. 1919. 23 марта.

Учитывая, что в беспорядках участвовали большие массы крестьян, командование 4-го Восточно-Сибирского корпуса распорядилось подвергать их больше штрафным санкциям. Поэтому какая-то часть мятежников осталась ненаказанной¹. По данным уездной милиции, на 29 апреля 1920 г. количество расстрелянных и убитых белыми жителей Минусинского уезда составляло только 692 человека, в т. ч. в Сагайской волости – 159, Восточенской – 90, Михайловской – 36, Ермаковской – 84, а в прочих местностях и городе – 302².

Несмотря на запуганность местного крестьянства суровыми мерами, власти так и не справились с уголовной преступностью, которая стимулировалась «большевистскими» беспорядками. Так, во время известных событий в Минусинске ограблению и убийству подвергся его житель В.И. Занин. 7 декабря 1918 г. в д. Худоногово бывшим каторжником были угнаны у жителей пять лошадей, а 9-го – неизвестным лицом через взлом похищено имущество у инородца из Усть-Абаканской волости. Вероятно, убоявшись чего-то, скрылся председатель Дубенской сельской управы и при этом похитил 2 тысячи рублей.

Вследствие появления на окраинах уезда шаек бывших мятежников его управляющий был вынужден создать отряд из 40 конных милиционеров. Арестовав в с. Подсинем минусинского совдеповца в прошлом Бусаргина, десять милиционеров 15 февраля направились на прииск «Бургон», где захватили часть скрывавшихся мятежников, а их жоака Ф. Кретьова при преследовании застрелили. Отправленный в погоню за беглецами второй отряд милиционеров задержал одного из них. Следом за большевистскую пропаганду были арестованы трое крестьян Каптыревской и Кизирской волостей³.

Получив информацию о скрывавшихся в районе д. Ново-Троицкой Ермаковской волости мятежниках, власти отправили для их поимки отряд прапорщика К. И. Черных, состоявший из 30 дружинников с. Шушенского и 20 казаков Алтайской станицы. Пополнившись крестьянами д. Мигны, они начали преследование беглецов. Но те устроили в тайге засаду, из которой убили троих и ранили одного дружинника. Расстреляв трех укрывателей, Черных мобилизовал до 300 жителей подтаежной деревни. Однако, даже поставленные на лыжи, они так и не смогли окружить 40 отстреливавшихся повстанцев⁴.

Вылавливание и аресты бывших мятежников продолжались даже летом 1919 г. Из-за голода сдались крестьянам, которые сторожили выходы из тайги, и были доставлены в Минусинск, к примеру, активные участники беспорядков С. Бирюков и Н. Золотухин. Ознаны и арестованы были посетившие город крестьяне Г. Паршуков и Е. Ворошилов из Шушенской волости. Милиционер той же волости задержал колониста из Верхней Буланки К. Нейдера, которого крестьяне считали «правой рукой» самого Кульчицкого. Кое-где оставшиеся на свободе мятежники начинали мстить своим деревенским недругам. Так, появившиеся 3 июля в с. Уджей активные участники беспорядков П. Поляков, Н. Абрамов и Д. Гончарук обстреляли дом некоего Е. Околихина и вновь ушли в тайгу, присоединив к себе шестерых жителей, в основном самогонщиков⁵. Позднее остатки местного повстанчества присоединились к партизанской «армии» А. Д. Кравченко и П. Е. Щетинкина.

Не меньшей головной болью для властей вскоре стало нахождение в уезде правительственных войск, которые, случалось, отличались мародерством и безобразиями. Так, ссылаясь на свое командование, некий казак 7 декабря 1918 г.

¹ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 32.

² МКУГМ «АГМ». Ф. 8. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

³ Труд. 1918. 18, 19 декабря; 1919. 25 января, 25, 26 февраля, 12 марта.

⁴ Минусинский край 1919. 24 марта; Свободная Сибирь. 1919. 29 апреля.

⁵ Минусинский край. 1919. 10 мая, 12 июня, 22 июля, 10 августа.

изъял в потребительской лавке д. Малая Иня товары и уехал с ними в Минусинск. Во время рейда правительственного отряда к нему присоединились прапорщик Нижнеудинского полка Сердюков и его брат, человек с уголовным прошлым. При попустительстве офицеров они отбирали у крестьян оружие, одежду, продукты и деньги, а в д. Климовке Имисской волости изнасиловали женщину. 30 января 1919 г. по приговору военно-полевого суда мародеры были расстреляны. Приказом по военному округу от 28 февраля был разжалован в солдаты прапорщик Енисейского казачьего полка Стрелецкий, который 2 февраля, будучи в Минусинском театре пьяным, скандалил, угрожал на сцене режиссеру револьвером, а затем стрелял из него¹.

Но даже такие меры не всегда воздействовали на разложившихся военнослужащих. 7 февраля управляющий уездом выразил начальнику военного района обеспокоенность тем, что из деревень поступают жалобы на поведение офицеров и казаков, которые, останавливаясь на общественных квартирах, отказывались расплачиваться за предоставленные бытовые услуги. К примеру, один из офицеров, посетив с отрядом казаков д. Рыбалка, не рассчитался за фураж; уехали, не заплатив за закуску хозяевам земской квартиры, офицеры в с. Городок, а находившиеся в с. Светлолобовское Новоселовской волости трое офицеров были замечены в краже вещей. В самом Минусинске казак с обнажённой шашкой гонялся за прохожими и, будучи арестованным, устроил драку с караулом. 1-я сотня старичников, отъезжая из города, устроила стрельбу, напугавшую горожан. Обращаясь к военному руководству, представитель гражданской власти высказал опасение, что такое поведение военных лиц может спровоцировать новые беспорядки². Штаб Енисейского казачьего полка, реагируя на это письмо, ходатайствовал перед Верховным правителем о разжаловании офицеров-дебоширов в рядовые³.

В связи с начавшимися волнениями крестьян в Красноярском и Канском уездах и имевшими место грабежами и насилиями со стороны правительственных войск считать население Минусинского уезда окончательно успокоенным, по мнению полковника Романенко, было нельзя⁴. Однако урок 1918-го года минусинскими крестьянами был выучен: осенью 1919 г. они поддержали партизан лишь тогда, когда те захватили большой район енисейского правобережья и объявили мобилизацию бывших фронтовиков.

«Дубинное» восстание являлось, писал в своём отчёте Шильников, «обыкновенным крестьянским бунтом, почти без всякой политической окраски, и нет никаких данных предполагать, что оно было подготовлено извне и заранее»⁵. Возникшее под воздействием прежде всего политики сибирских властей и разрушительных настроений крестьянского сообщества, оно характеризовалось стихийностью взрыва, быстро угасшего при первой неудаче, слабой политической обусловленностью и недостаточной организованностью. Поведение крестьян, показавших свой сложный облик, часто мотивировалось жизненными реалиями и собственными интересами. Но нередко разжигали антиправительственный бунт и пытались воспользоваться его плодами сторонники советской власти.

¹ Труд. 1918. 12 декабря; 1919. 9 февраля, 21 марта.

² Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 33–34.

³ Труд. 1919. 14 февраля.

⁴ Партизанское движение в Сибири. Т. I. С. 35.

⁵ Там же. С. 31.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕЖДУ КОММУНАРАМИ И ИНСУРГЕНТАМИ В ЕЛАНСКОМ УЕЗДЕ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1921–1923 ГОДАХ

Первые дни 1921 г. запечатлелись в памяти жителей Еланской волости Саратовской губернии террором. Мятежники усть-медведицкой повстанческой армии К. Т. Вакулина устроили резню в селе Краишево. 3 января здесь были зверски убиты 14 партийцев и милиционеров «с членом Аткарского уисполкома во главе»¹. Очевидцы так описывают подробности нападения на это село. Небольшой отряд милиционеров и коммунистов под руководством помощника начальника 9-го района Егора Федоровича Инякина охранял в монастыре имущество и хлеб, конфискованные у неплательщиков разверстки. Когда село заняли вакулинцы, засевшая в монастыре охрана стала отстреливаться. Бой длился недолго, милиционеры сдались на волю партизан. Пленных вывели на площадь, раздели, пытали и публично расстреляли. Первым был убит Инякин. Чудом выжил только милиционер Михаил Трофимович Шевченко. Раздетый, с простреленным плечом, он пролежал среди убитых на сильном морозе до полуночи. Родственники прятали его до прихода в село красноармейцев².

Появление повстанцев в конце Гражданской войны вызвало у местных властей растерянность и недоумение. Впрочем, вакулинцы здесь надолго не задержались. Они ушли в свой далекий поход – пересекли заволжские степи, восточные и северные уезды Саратовской губернии, дошли до пензенских лесов. В апреле – мае инсургенты вернулись в Донскую область. Под ударами артиллерии карателей и из-за внутренних противоречий девятитысячная повстанческая армия Вакулина – Попова раскололась: донцы схоронились в пойменных лесах реки Медведицы, астраханцы и самарцы ушли в Заволжские степи. Многие из них вновь прошли по югу Саратовской губернии, в частности, по Еланской волости (позже уезду). 29 июня 1921 г. коммунисты и комсомольцы Елани для самозащиты «кустарным образом, ввиду приближения банд к Елани», организовали Еланский отряд особого назначения³. С этого момента и начинается противостояние между организованными в боевую единицу местными коммунарами и разрозненными отрядами инсургантов.

Коммунары вооружаются

Дата 21 августа 1921 г. занимает особое место в истории Еланского уезда Саратовской губернии (в настоящее время Волгоградской области). В этот день произошло сразу два интересных события. Первый съезд советов Еланского уезда изменил статус Елани, – с селения на город, – превратив ее в уездный центр. В тот же день Саратовский губвоенсовет решил⁴ переформировать Еланский отряд особого назначения в 10-ю Еланскую отдельную коммунистическую роту. С 25 августа по конец сентября прошел процесс переформирования⁵. Нужно отметить,

¹ Крестьянское движение в Поволжье. 1919–1922 гг.: Документы и материалы / Под. ред. В. Данилова и Т. Шанина. М., 2002, С. 621–623, 639.

² *Иванов В.* Обелиск в Краишево Еланского уезда // Волгоградская правда (Волгоград). 1967. 11 ноября.

³ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф. 5885. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

⁴ *Дядиченко В. М.* Страницы истории Еланского края. СПб., 2010. С. 207.

⁵ Протоколы заседаний уездного военного Совета частей особого назначения за 1921–1922 годы // ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

что номера Еланской роты менялись ежемесячно вместе с именами ее командиров (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение номера Еланской роты ОН и ее командного состава

Дата изменения номера Еланской роты О.Н.	Номер Еланской роты О.Н.	Имя командира роты
Август 1921 г.	10	Леонид Германович Головченко, с ноября 1921 г. – Николай Апарин
Январь 1922 г.	18	Николай Апарин, врид Головченко
Февраль	29	Поминов
Март	11	Поминов
Апрель	16	Поминов
Май	12	врид Иван Сергеевич Буров
С 30 июля	31	Поминов
Декабрь 1922 г. – январь 1923 г.	46	Котов
С 16 февраля	388	Семён Саенко
С 23 марта	388	Фёдор Колесников
С 1 апреля	388	Василий Бурдашкин
Февраль 1924 г.	388	Бобров

1 сентября 1921 года Еланская отдельная рота была разбита на три взвода¹ (см. табл. 2).

Таблица 2

Взводы Еланской роты ОН и их командиры

Номер взвода	Название взвода	Волости, контролируемые взводом	Командир взвода
Первый	Еланский	Город Елань, волости Терсинская, Морецкая, Богородская	Двуреченский
Второй	Самойловский	Самойловская, Красавская, Лиходеевская, Терновская, Хвошинская, Волковская	П. Мокроусов
Третий	Руднянский	Руднянская, Лопуховская, Ершовская, Лемешкинская, Александровская	Бочков

Всем членам РКП(б) и РКСМ возрастом от 17 до 60 лет, проживавшим в Еланском уезде, было объявлено, что они являются коммунарками Еланской отдельной роты особого назначения. Человек, потерявший звание коммуниста или комсомольца, автоматически выбывал из рядов уездных чоновцев². Например, первая чистка партии в ноябре 1921 г. наполовину сократила количество чоновцев в Еланском уезде (до 300 человек)³. Кандидатов в члены РКП(б) и РКСМ в ЧОН не зачисляли⁴.

¹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 3. Л. 3.

² ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 30. Л. 73.

³ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 60. Л. 145.

28 февраля 1923 г. на учете Еланской отдельной роты ОН числилось 452 коммунара, из них 42 комсостава и 15 административно-хозяйственного состава¹. Количество бойцов роты за 2,5 года ее существования менялось незначительно. При этом в штат роты входило 7 человек. Штатные сотрудники зачислялись на «провиантское, приварочное, чайное, табачное, мыльное, сахарное и спичечное довольствие»². Вне штата числилось 8 коммунаров. Остальные находились в резерве³. Осенью 1923 г. появился термин «бескадровые ЧОН» – «чисто милиционного типа строевые соединения, приемлемые только как часть, дополняющая основную ЧОН, построенную на кадрах и не уложившуюся в свои штатные рамки»⁴.

В мирное время на казарменном положении поочередно находились от 50 до 110 коммунаров⁵. На боевом дежурстве чоновцы не только оказывали помощь милиции, несли караульную и гарнизонную службу, но и проходили военное обучение (тактика, топография, строевая подготовка, уставы, стрельбы, метание гранат и пр.)⁶. Обучались коммунары военному делу и во время ежегодных летних лагерных сборов – «на воздухе при правильном военном образе жизни коммунаров с физическими занятиями (в круг занятий должна быть включена гимнастика)»⁷. При этом учащаяся молодежь от боевого дежурства не освобождалась, несмотря на ходатайства уездного комитета РКСМ⁸. В случае объявления военного положения в уезде задействовался резерв. Долгое время сбор еланских коммунаров по тревоге осуществлялся с помощью колокольного звона⁹.

Арсенал роты (на 10 апреля 1923 г.) включал в себя винтовки русского образца («трехлинейки») – 193 штуки с 3517 патронами и винтовки японские – 125 штук, один пулемет «Максим», «требующий капитального ремонта»¹⁰, с 11 пулеметными лентами, один ручной пулемет («автоматическое ружье») системы «Льюиса» с пятью дисками, 13 револьверов системы «Наган». Имелись 121 граната русского производства и одна английская бомба. Кроме того, в оружейном складе хранились редкие экспонаты – одна австрийская винтовка, один отрез (отрез) драгунский, три карабина и три берданки¹¹. Количество вооружения постоянно менялось – часть списывалась, часть убывала в ремонт. Пополнялся же арсенал оружием, конфискованным уездным народным судом¹², и боевыми трофеями. Таким образом, штаб Еланской роты ОН мог поставить под ружье менее половины состоящих на учете коммунаров.

Обмундирования также многим не хватало. Например, торжественный парад 7 ноября 1923 г. в Елани был отменен «ввиду того, что до праздника прошли сильные дожди, благодаря чего создалась сильная грязь и, принимая во внимание слишком плохую обувь у большинства коммунаров, а на складе ЧОН обмундирования тоже не имеется, а по сему коммунаров в ружье не собирать»¹³. Возможно, проблема острого недостатка обмундирования была связана не столько с плохим снабжением, сколько с тем, что коммунары в голодные годы просто продавали

¹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 56. Л. 3.

² ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 30. Л. 79.

³ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 10. Л. 1–2.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 60. Л. 144.

⁵ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 59. Л. 8об.

⁶ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 35. Л. 23об.; Д. 60. Л. 9–10, 21–22.

⁷ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

⁸ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 59. Л. 3.

⁹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 24. Л. 10.

¹⁰ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 27. Л. 13.

¹¹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 61. Л. 44, 79.

¹² ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 62. Л. 19об.

¹³ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 39. Л. 43.

«вещи казенного образца» на местном рынке, несмотря на угрозы предания суду ревтрибунала и конфискации вещей¹.

«Сильную нужду» штаб роты ощущал также в лошадях – «особенно это чувствуется при оперативной работе». Добывать скакунов с большим трудом приходилось в государственных учреждениях².

Большая часть коммунаров являлась стрелками-пехотинцами. Имелась и кавалерия (количество кавалеристов зависело от количества мобилизованных лошадей). В состав роты входили: пулеметная команда, гренадеры-гранатометатели, разведка, повозочные наводчики, связисты – телефонисты и самокатчики.

В апреле 1922 г. прошли сокращения в Красной армии и «установление для нее мирной дислокации, рассчитанной преимущественно на оборону границ». В связи с этим, на части особого назначения были возложены задачи войсковых подразделений, «не исключая и оперативных по внутреннему обслуживанию территории Республики»³.

Разношерстные повстанцы

Повстанчество Еланского уезда было неоднородным. Наибольшую опасность для местной власти представляли инсургенты, которых военспецы относили к так называемому «политическому бандитизму». Лидеры этих групп выдвигали антибольшевистские лозунги эсеровского содержания. Они предлагали передать власть советам без коммунистов, выступали за учредительное собрание и многопартийность, высказывались против продразверстки, а позже и против тяжелого продналога, предлагали строить кооперативный социализм в условиях свободного рынка. К такой группе можно отнести «гастролеров с Дону» – Повстанческую армию Вакулина-Попова, отряд бывшего красного командира Якова Фомина, группу бывшего урядника Петра Нагорного. Как правило, эти повстанческие соединения совершали дальние рейды, на одном месте долго не задерживались.

Оседлый характер имело местное повстанчество, выступавшее против «неправильного взимания трудгужналога»⁴: группы Кирилла Чернова, Петра Ильичева (Лопуховская волость). В связях с повстанцами и скрывавшимися в лесах джунглирами были замечены и местные лесничие. Под неусыпным наблюдением местной агентуры находились организаторы зеленых армий. Например, в селе Даниловка Балашовского уезда открыто проживали организатор «зеленой банды 1919 года» Халянин Егор и комендант «зеленой банды» Шатилов⁵.

Опасность для местных жителей и пассажиров волжских судов представляли банды уголовников. Условно их можно также отнести к инсургентам, так как они иногда входили в состав повстанческих отрядов политического окраса. Ярким примером этому может служить шайка братьев Хорьков, которая совершала частые набеги на Еланский уезд из соседнего Усть-Медведицкого округа.

Вооружены инсургенты были, как правило, винтовками, револьверами и гранатами. В некоторых отрядах имелся пулемет. Проблем с обмундированием и с лошадьми у них не было, так как, в отличие от коммунаров, повстанцы не согласовывали их изъятие у обывателей и у советских учреждений. Продовольствовались повстанцы за счет местного населения, сельскохозяйственных кооперативов и единых потребительских обществ. В обозах повстанческих групп иногда замечали женщин.

¹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 29. Л. 2, 6.

² ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

³ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 33. Л. 12.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 58. Л. 42.

⁵ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 22. Л. 120.

Противостояние 1922 года

В первых числах февраля 1922 г. к границам Еланского уезда из Усть-Медведицкого округа подошел крупный отряд донских повстанцев под руководством бывшего красного командира Якова Фомина. Около 200 всадников шли под знаменем «Сыны разоренных отцов». В январе фоминцы побывали в заволжских степях. Теплового приема они там не встретили – степные хутора были уничтожены, а большинство повстанцев Заволжья сложило оружие. Покружив по заснеженной пустынной степи, отряд Фомина вернулся на Дон. Каратели шли за ними по пятам, нанося весьма ощутимые удары. Отряд дробился, вновь объединялся, пытаясь нащупать выход из постепенно сжимавшего их кольца окружения. Невзгоды озлобили фоминцев. Они все чаще занимались грабежами и насилием и уже мало обращали внимания на политическую агитацию.

4 февраля фоминцы ворвались в хутор Секачи. Забрали у местных жителей около сотни лошадей, некоторых граждан избili плетью. Утром следующего дня Фомин направил свой отряд вдоль Черной речки по направлению к Хоперскому округу¹.

6 февраля, «ввиду появления банд» у границ Еланского оперативного боевого участка, его начальник Чугаев приказал командующему 18-й Еланской отдельной роты ОН тов. Головченко в течение трех часов с момента получения приказа «привести роту в полную боевую готовность, расположить бойцов казарменно» (в здании Политбюро)².

8 февраля, согласно агентурным данным, фоминцы разделились на две партии – одна часть с пулеметом направилась на хутор Серебряков (станция Серебряковская?), вторая – в сторону реки Медведица³.

10 февраля появились сведения о том, что отряд Фомина занял хутор Носов (Носовский), расположенный всего в 25 верстах юго-западнее Елани. По дорогам, ведущим к селам Терса и Тростянка, чоновцы расставили секреты с конными нарочными. 30 кавалеристов расположились в Елани. В хутор Носова выслали разведку. На охрану станции Елань выступили 7 коммунаров. На колокольне Никольской церкви был организован наблюдательный пост⁴. Последние сведения о повстанцах Якова Фомина в документах Еланской роты ОН датированы 19 февраля. В этот день фоминцы заняли Николаевскую волость, расположенную в 50 верстах от слободы Мачеха. Конец фоминской эпопеи настал 18 марта. На хуторе Кругловском (современный Нехаевский район Волгоградской области) кавалерийский отряд карателей атаковал фоминцев и полностью их уничтожил.

Весна 1922 года была относительно спокойной. 22 апреля разведка доносила об агитации «темных элементов» «с целью подрыва доверия к власти» в соседнем Балашовском уезде.

29 апреля Еланские чоновцы с милиционерами участвовали в задержании двух уголовников в слободе Рудня. Одному бандиту удалось вырваться. Он смертельно ранил из «Нагана» помощника начальника местной милиции Ивана Чередникова. На окраине слободы беглец был убит. Две лошади, принадлежавшие бандитам, перешли на службу в милицию⁵.

В своем докладе командир Еланской отдельной ротой ОН Поминов подвел итоги ситуации, сложившейся в уезде с 11 февраля по начало июня 1922 г.: «число группировок (повстанцев – *Авт.*) и появления шаек бандитов не было». По

¹ Там же. Л. 69–70.

² ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

³ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 22. Л. 79.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

⁵ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 22. Л. 119.

агентурным донесениям разведчиков, настроение населения удовлетворительное, «хотя в последнее время и замечается брожение на почве присутствия среди таковых эсеровского элемента, который путем ряда принятых мер постепенно изолируется»¹. К концу мая коммунары и милиционеры провели серию облав на дезертиров и вооруженных бандитов, скрывавшихся в лесах Самойловской и Лопуховской волостей. Удалось арестовать 5 человек; их под конвоем отправили в Саратов².

Все лето 1922 г. Еланские коммунары преследовали уголовную банду братьев Хорьков (известны имена – Петька и Яшка). Хорьками на Дону называли грабителей, скрывавшихся в пойменных лесах. 17 декабря 1920 г. хорьки (братья Химичевы) приняли активное участие в мятеже командира караульного батальона К. Т. Вакулина в слободе Михайловка Усть-Медведицкого округа. Являлись ли хорьки, появившиеся в южных волостях Еланского уезда, участниками вакулинского восстания, неизвестно. Но прибыли они в уезд из Усть-Медведицкого округа.

По разным данным, банда братьев Хорьков насчитывала от 18 до 30 сабель. 10 июня она перешла Медведицу недалеко от хутора Орехово. По другим данным, это случилось 16 июня у хутора Серебряково. Банда направилась к хутору Княжеский. 20 июня хорьки появились у хутора Попов, расположенного в 25 верстах восточнее станции Панфилово. Их преследовал отряд ЧОН Хоперского округа. Разведка доложила, что с 21 на 22 июня банда Хорька ночевала в хуторе Грымзина (Гришина?) всего в 15 верстах от Елани³.

В тот же день поздно вечером в Елани прошел уездный военный совет ЧОН. Оперативная обстановка, по словам ораторов, была угрожающей. В южном районе Еланского уезда между селами Мачеха и Вязовка скопились различные повстанческие группы общей численностью 150 человек. Свой вклад внесли усть-медведицкие хорьки (20–30 сабель) и отряд бывшего урядника Петра Нагорного, состоявший из казаков станиц Тишанская, Дурновская, Павловская Хоперского округа (27 сабель). Группа Нагорного выступила под лозунгом «Долой коммунистов! Да здравствует свобода!»⁴. Ее преследовал отряд милиции в 30 сабель при одном пулемете под командованием Ивлева (Иловлева?)⁵. Имена лидеров других повстанческих групп были неизвестны. Военный совет приказал командующему Еланской отдельной ротой О.Н. тов. Поминову и начальнику уездной милиции тов. Чугаеву с 18 всадниками при одном пулемете «Максим» выехать не позже 5 часов утра в юго-восточном направлении к селу Балки и начать преследование банды Хорьков. Проблему дефицита лошадей решили за счет госучреждений. В уезде для коммунаров ввели казарменное положение и частичную мобилизацию (40 коммунаров). При начальнике гарнизона города был организован оперативный штаб 9-го участка. На казарменное положение перевели 22 коммунара. Усилили охрану складов и учреждений⁶. 24 июня начальник уездной милиции Чугуев доложил о первых стычках с повстанцами в районе реки Мачехи. У инсургентов, по словам Чугуева, было по две-три заводных лошади⁷. Поминов, в свою очередь, подтвердил факт ночевки банды Хорька в ночь с 21 на 22 июня в хуторе Гришина. При приближении отряда Поминова повстанцы спешно стали уходить к реке Мачеха. Коммунары преследовали хорьков в течение 9 часов. Банда, переправившись через реку, ушла в Семеновскую волость Донской области. Вечером того же

¹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 21. Л. 108.

² ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 24. Л. 16.

³ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 21. Л. 96, 98, 100; Д. 34. Л. 8.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 21. Л. 136.

⁵ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 34. Л. 11об.–12.

⁶ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–6; Д. 34. Л. 9об.

⁷ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

дня хорьки были замечены у хутора Зубриловка Преображенской станицы Новохоперского округа. Поминов прекратил преследование и вернулся в Мачеху, выслав 6 конных разведчиков вслед банде. Вечером 23 июня отряд Поминова вернулся в Елань без потерь и без трофеев¹.

22 июня была замечена еще одна повстанческая группа в 25-30 кавалеристов в 6 верстах от села Тростянка, которая также пришла из Донской области. Для ее преследования был выделен конный отряд милиции в 20 бойцов при одном пулемете².

На заседании военного совета Поминов заявил, что 150 повстанцев «из пределов Еланского уезда ушли и подались в пределы Донской области», в связи с этим он предложил отменить казарменное положение в уезде и усилить охрану границы с Усть-Медведицким округом.

17 июля в Еланском уезде вновь появилась повстанческая группа в 50 сабель неизвестного командования. Против нее выступил 28-й батальон ГПУ под командованием комэскадрона Клементьева – 31 кавалерист при 10 пулеметах и двух пушках. Сопровождал отряд карателей грузовик. Вышел приказ поставить под ружье 115 Еланских коммунаров. Результаты этой операции неизвестны. Но 30 июля все коммунары были демобилизованы³.

26 сентября военное положение в городе Елань и ее окрестностях было снято. Коммунары занялись исполнением милицейских обязанностей. Например, 15 ноября вышел приказ по гарнизону Елани, связанный с воспитанием подростков, которые «как в дневное, так и ночное время... проводят бесцельную стрельбу из пугачей». Под прикрытием этой детской канонады военнослужащие устраивали пальбу из револьверов и винтовок. Начальник гарнизона требовал пресечь «преступную и бесцельную трату патронов и нарушение общественного порядка»⁴.

Противостояние 1923 года

Весной 1923 г. вновь были отмечены волнения населения в соседнем Усть-Медведицком округе. Связаны они были с высоким уровнем налогообложения. Агентура докладывала о том, что граждане имеют «полное вооружение для восстания против Советской власти и партии РКП(б)»⁵. В апреле в Лопуховской волости появляются две местные повстанческие группы. В селе Новая Кондадь был организован отряд инсургентов из 12 местных жителей. Руководил отрядом Кирилл Чернов. В селах Ушинка и Березовка образовалась повстанческая группа из 7 человек. Лидером был Петр Ильичев. Командиру 388-й Еланской отдельной роты ОН поступил приказ «установить непрерывное наблюдение с целью поимки бандитов... усилить бдительность в пограничных районах»⁶. Судьба этих повстанцев неизвестна.

Новый виток противостояния между коммунарами и инсургентами в Еланском уезде грянул в августе. В районе Лопуховка – Бурлук вновь появилась банда Хорька. 18 хорошо вооруженных всадников с одним ручным пулеметом утром 7 августа ограбили Березовский сельский совет. У председателя бандиты отобрали печать и угловой штамп. Командиру взвода Еланской роты О.Н. тов. Щетинину и коммунару пулеметного взвода тов. Кравцову было приказано выехать в район оперирования этой банды, прихватив с собой пулемет с боеприпасами и ручными

¹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 34. Л. 10–10об.

² Там же. Л. 8.

³ Там же. Л.13, 14об.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 29. Л. 11.

⁵ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 58. Л. 42.

⁶ Там же. Л. 41.

гранатами. Они должны были по приезду на место мобилизовать руднянских коммунаров и поступить в распоряжение начальника боевого участка тов. Суркова. 10 августа прошла мобилизация коммунаров городских ячеек партии и комсомола¹.

8 августа в хуторе Рогачев, расположенном недалеко от села Митякино, хорьки ограбили сторожку лесничих – отобрали две винтовки и два седла. Хорьки предъявили опешившим лесничим документы на право обыска на имя Жилина, выданное камышинской милицией. После ограбления инсургенты скрылись в Свербеевском лесу. 9 августа отряд коммунаров обнаружил стоянку хорьков, располагавшуюся всего в двух верстах от Рудни у озера Валиково. Разведка чоновцев и милиции пошла по следам бандитов. Пройдя 1,5 версты от стоянки, разведчики напоролись на засаду. Во время перестрелки один из коммунаров был легко ранен. На подмогу разведчикам пришла пехота. Чоновцы рассыпались цепью и принудили хорьков к бегству. Инсургенты ушли в направлении станции Ильмень, оставив коммунарам 2 лошадей, 2 русские винтовки, 2 казачьи шашки, 2 обреза и обоз с награбленными вещами. Коммунары заметили в отряде Хорьков несколько женщин. Второй отряд хорьков был рассеян у станции Медведицкий². 10 августа чоновцы составили акт по факту взятия трофеев во время перестрелки. Всего в списке значилось 36 вещей – женская и мужская одежда, обмундирование, ковер персидский, серебряные изделия и медаль, облигации хлебного займа, купоны золотого займа, печати и штампы ограбленных сельских советов. 14 августа трофеи были распределены по уездным учреждениям. Лошади достались Еланскому укому РКП(б), оружие было передано штабу ЧОН, драгоценности и купоны займа – уфимотделу. Остальное имущество отправлено в комиссию взаимопомощи³.

Рассеянная банда хорьков продолжала грабежи. Так, 11 августа у села Митякино шесть хорьков напали на крестьянина и попытались отобрать у него фуру с лошадей. Но на помощь обывателю пришли односельчане, которые попросили не обижать земляка. Хорьки вняли уговорам и скрылись в Свербеевском лесу несолоно хлебавши.

Вероятно, 12 августа рассеянная банда Хорька вновь объединилась. Ее часть проследовала через Тетеревятку. Бандиты спрашивали дорогу на села Каменка и Гнилушка. 14 августа хорьки решили возместить потери, понесенные во время перестрелки с чоновцами. Они ограбили пассажирский пароход «Володарский», который стоял на пристани Щербаковка в 50 верстах от Камышина. После налета пароходу было разрешено продолжить движение на Саратов. Предполагалось, что банда Хорьков имеет намерение переправиться на левый берег Волги и уйти в Уральские степи. В качестве превентивной меры из села Золотое был выслан буксирный пароход. Хорьков преследовал отряд ЧОН (381 ОН рота) в 25 сабель. В те дни коммунарам удалось отбить у бандитов 4 лошади⁴.

Меры оказались действенными. Хорьки отказались от мысли скрыться в Заволжье. Они вернулись в Еланский уезд. 15 августа по лесу в пойме реки Бузулук ехали 70 вооруженных всадников. На расспросы, кто они и откуда, не отвечали. Возможно, это и были возвращавшиеся с волжского разбоя хорьки. Вскоре бандиты опять рассеялись в руднянских лесах⁵.

В ночь с 17 на 18 августа у Нижней Добринки группа хорьков переправилась через реку Медведицу. Вначале один конный бандит с левой стороны моста пытался перейти вброд реку, но завяз и вернулся в лес. Через час две фуры с несколькими хорьками проехали по мосту и скрылись в огородах Нижней Добринки.

¹ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 57. Л. 7об., 8об.

² ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 58. Л. 50–51.

³ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 39. Л. 28–30.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 58. Л. 25, 38.

⁵ Там же. Л.4, 6.

В тот же день 5 бандитов в Жирновке стреляли в товарища Марченко, которому удалось уйти от них целому и невредимому. В окрестностях Рудни, у озера Валиково, вновь были замечены бандиты. 22 августа в лесу у Митякино появились 11 неизвестных бандитов¹. В двадцатых числах неизвестная группа уголовников была обнаружена в районе Боральской станицы у Свербеевской горы у озера Ильмень. Командование и количество бандитов коммунарам выяснить не удалось. Бандиты грабили и насильствовали женщин. У железнодорожного моста через реку Медведица были замечены 4 бандита неизвестной группы. Всего численность бандитов, без учета банды Хорька, которые находились на левом берегу Медведицы в Еланском уезде, не превышала 20 человек².

21 августа начальник гарнизона Елани Сурков, командовавший 388-й Еланской ротой ОН Василий Бурдашкин и уполномоченный ГПУ Анохин объявили в Лопуховской и Руднянской волостях военное положение. Для руководства в волости был отправлен тов. Рыжков. Конный отряд коммунаров был усилен до 10 человек. Лошадей предоставил совхоз №85. К отряду чоновцев присоединились два конных милиционера. Приняв в свои ряды резервистов, коммунары провели ряд облав в Лопуховской волости в районе реки Медведицы. В ходе облав был арестован пособник бандитов – лесничий Цыганов. 26 августа в районе Кардон – Старая Кондадь были обнаружены 30 инсургентов, вооруженных винтовками и шашками. Передвигались они в сопровождении фуры, запряженной тремя лошадьми. Это был последний отряд инсургентов, покидавший пределы Еланского уезда. 5 сентября, согласно рапорту командира 388-й Еланской роты ОН Боброва, оперировавшие банды в Руднянском районе ликвидированы, отряд мобилизованных коммунаров распущен на мирное положение»³.

К 1924 г. повстанческое движение и уголовщина в Еланском уезде сошли на нет. В январе началась подготовительная работа по ликвидации 388-й особого назначения Еланской отдельной роты. 10 февраля 1924 г. командир Еланской роты Бобров закончил её работу и приступил к передаче всего имущества в 326-й О. Н. Балашовский батальон. Затем он отбыл в распоряжение начальника штаба ЧОН Саратовской губернии⁴. Так закончилась история борьбы коммунаров с повстанцами и уголовниками в Еланском уезде.

¹ Там же. Л.45–47.

² Там же. Л.6, 24, 25.

³ Там же. Л.3, 43.

⁴ ГАВО. Ф. 5885. Оп. 1. Д. 62. Л. 27, 34.

НАШИ АВТОРЫ

Боган Сергей Михайлович – доцент Одесского института Межрегиональной академии управления персоналом, кандидат исторических наук

Булгаков Алексей Олегович – историк, преподаватель лицея, руководитель поискового отряда (г. Балашов Саратовская область)

Ганин Андрей Владиславович – старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук (Москва)

Иванов Дмитрий Павлович – старший преподаватель Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат исторических наук

Карташева Наталия Анатольевна – заместитель заведующего муниципального дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 187» г. Саратова

Простнев Сергей Константинович – историк-краевед (г. Воткинск, Удмуртия)

Сидоровичев Анатолий Петрович – краевед, заслуженный работник культуры Российской Федерации (г. Саратов)

Симонов Анатолий Александрович – доцент кафедры отечественной истории и историографии Института истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, кандидат исторических наук

Ситников Михаил Григорьевич – историк, краевед (г. Пермь)

Цера Николай Валерьевич – доцент кафедры конституционного и административного права Саратовского военного Краснознамённого ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, полковник юстиции в запасе

Шекшеев Александр Петрович – старший научный сотрудник, кандидат исторических наук (г. Абакан, Республика Хакасия)

Яценко Вячеслав Григорьевич – сотрудник медийного портала «Кавказский узел», краевед, кандидат филологических наук (г. Волгоград)